

ISSN 2712-8385

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН — РЕГИОН СОТРУДНИЧЕСТВА
РЕГИОНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Материалы IV международной научно-практической конференции

Калининград
21—23 октября 2020 года

Том 4

Часть 2

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2020

УДК 332.1:911.3
ББК 65.9:65.04
Б207

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., председатель
организационного комитета конференции;
Л. А. Жиндарев, д-р геогр. наук, проф.;
А. Г. Дружинин, д-р геогр. наук, проф.;
Т. Пальмовский, д-р геогр. наук, проф.;
Е. А. Антипова, д-р геогр. наук, проф.;
Э. Спиряевас, д-р геогр. наук, доц.

Б207 Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений : материалы IV международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Михайлова. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2020. — Т. 4, ч. 2. — 191 с.
ISBN 978-5-9971-0608-9 (т. 4, ч. 2)
ISBN 978-5-9971-0606-5

Представлены материалы международной научно-практической конференции «Регионы в условиях глобальных изменений» (21—23 октября 2020 г., Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта).

Рассматриваются теоретические, методические и прикладные аспекты исследований регионов различного территориального уровня. Предметом изучения стали актуальные социально-экономические, политические, социальные и экологические проблемы и перспективы их решения в современных нестабильных условиях.

Предназначен ученым и специалистам различных научных направлений, занимающимся региональными исследованиями, аспирантам и студентам. Конкретные рекомендации могут быть использованы в практике управления региональным развитием.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект №20-05-22007.

УДК 332.1:911.3
ББК 65.9:65.04

ISBN 978-5-9971-0608-9 (т. 4, ч. 2)
ISBN 978-5-9971-0606-5

© БФУ им. И. Канта, 2020

IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY

BALTIC REGION — THE REGION OF COOPERATION
REGIONS IN THE ERA OF GLOBAL CHANGE

Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference

Kaliningrad
21—23 October 2020

Volume 4
Part 2

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2020

УДК 332.1:911.3
ББК 65.9:65.04
Б207

Editorial council

Prof. Gennady M. Fedorov, the head of organizing committee of the conference
Prof. Leonid A. Zhindarev
Prof. Alexander G. Druzhinin
Prof. Tadeusz Palmowski
Prof. Ekaterina A. Antipova
Prof. Eduardas Spiriajevas

Б207 Baltic region — the region of cooperation. Regions in the era of global change : Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference / vol. ed. A. A. Mikhaylova. — Kaliningrad : Immanuel Kant Baltic Federal University Press, 2020. — Vol. 4, pt. 2. — 191 p.
ISBN 978-5-9971-0608-9 (vol. 4, pt. 2)
ISBN 978-5-9971-0606-5

The Proceedings of the IV international scientific and practical conference «Regions in the era of global change» (October 21—23, 2020, Kaliningrad, I. Kant Baltic Federal University) are presented.

Theoretical, methodological and applied aspects of research in regions of different territorial levels are considered. Prominent economic, political, social, and environmental problems and the prospects for their solution in modern unstable conditions are in the focus of consideration.

The papers of the collection are intended for scholars and specialists in various research areas engaged in regional research, postgraduate, graduate, and undergraduate students. The policy and managerial recommendations presented can be used in managing regional development.

The event is funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-05-22007.

УДК 332.1:911.3
ББК 65.9:65.04

ISBN 978-5-9971-0608-9 (vol. 4, pt. 2)
ISBN 978-5-9971-0606-5

© Immanuel Kant Baltic Federal University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Обсуждение теории и практики региональных исследований в России и сопредельных странах (<i>Г. М. Федоров</i>)	9
Балтийский регион — регион сотрудничества	
<i>Бабурин В. Л.</i> «Эффект колеи»: теоретические и прикладные аспекты географического изучения	11
<i>Колосов В. А., Себенцов А. Б.</i> Региональное измерение сотрудничества России и ЕС	22
<i>Rasuk M.</i> Contemporary foreign migrations of Poles with special focus on targeted Nordic countries	32
<i>Воронов В. В.</i> Социально-экономические проблемы развития малых городов в регионах России и Латвии: сравнительный анализ	42
Регион в фокусе современной политической географии	
<i>Туров Н. Л.</i> «Новый регионализм» в Европе: от сепаратизма к деволюции	51
<i>Ворожеина Я. А.</i> Геополитическая картина мира современной Польши: балтийское измерение	57
<i>Курганский А. А.</i> Внешнеполитическая концепция Междуморья в польской историографии	66
Экономическая безопасность и география предпринимательства	
<i>Земцов С. П.</i> География и факторы развития малого бизнеса в России в кризисный 2020 год	72
<i>Горочная В. В.</i> Экономическая безопасность Краснодарского края, Ростовской, Воронежской, Белгородской и Курской областей: взгляд региональных исследователей	79
<i>Дрок Т. Е.</i> Разработка и внедрение сбалансированной системы показателей на свиноводческих предприятиях Калининградской области	87
<i>Самусенко Д. Н., Лачининский С. С., Михайлова А. А., Сорокин И. С.</i> Сравнительная оценка инновационной восприимчивости городских и сельских поселений: на примере Ленинградской области	107
<i>Гюлумян Э. А.</i> Развитие агропромышленного комплекса Калининградской области как основа продовольственной безопасности региона	117
<i>Кубина Н. Е., Фарафонова Ю. Ю.</i> Инновационный потенциал приморских территорий региона Балтийского моря в условиях цифровой трансформации	125
География инноваций и цифровое пространство государства	
<i>Юстратова В. О.</i> Оценка современного состояния транспортной доступности сельских населенных пунктов Калининградской области	134
<i>Singh P., Mikhaylov A. S., Singh V. K., Hvalej D. V.</i> The role of the agglomeration factor in shaping national research landscape: on the example of India	141

***Устойчивое развитие и рациональное природопользование:
новые подходы и технологии***

Голубева Е. И., Каширина Е. С. Потенциал особо охраняемых природных территорий Крыма в социально-экономическом развитии региона..... 156

Дабиев Д. Ф. Об оценке экономического потенциала Республики Тыва: когнитивное моделирование..... 163

Туризм и рекреация в приморских регионах

Жиндарев Л. А., Лихачева Э. А. Опасные геоэкологические явления на калининградском побережье Балтийского моря..... 172

Дементьев И. О. Перспективы развития литературного туризма в Калининградской области..... 179

CONTENTS

<i>Introduction</i> . Discussion on the theory and practice of regional studies in Russia and neighboring countries (<i>G.M. Fedorov</i>).....	9
<i>Baltic Region — the Region of Cooperation</i>	
<i>Baburin V.L.</i> Path-dependency: theoretical and applied aspects of geographical study.....	11
<i>Kolosov V.A., Sebentsov A.B.</i> Regional dimension of cooperation between Russia and the EU.....	22
<i>Pacuk M.</i> Contemporary foreign migrations of Poles with special focus on targeted Nordic countries.....	32
<i>Voronov V.V.</i> Socio-economic development problems of small towns in the regions of Russia and Latvia: a comparative analysis.....	42
<i>Region in focus of modern political geography</i>	
<i>Turov N.L.</i> «New regionalism» in Europe: from secessionism to devolution.....	51
<i>Vorozheina Y.A.</i> The geopolitical worldview in modern Poland: Baltic dimension.....	57
<i>Kurganskii A.A.</i> Foreign policy's concept of Intermarium in Polish historiography.....	66
<i>Economic security and geography of entrepreneurship</i>	
<i>Zemtsov S.P.</i> Geography and factors of small business development in Russia during the 2020 crisis.....	72
<i>Gorochnaya V.V.</i> Economic security of the Krasnodar, Rostov, Voronezh, Belgorod, and Kursk regions: in the view of regional research.....	79
<i>Drok T.E.</i> Development and implementation of a balanced scorecard at pig breeding enterprises in the Kaliningrad region.....	87
<i>Samusenko D.N., Lachininsky S.S., Mikhaylova A.A., Sorokin I.S.</i> Comparative assessment of the innovative susceptibility of urban and rural settlements: the case of the Leningrad region.....	107
<i>Gyulymyan E.A.</i> Development of Kaliningrad agribusiness complex as a basis for food security in the region.....	117
<i>Kubina N.E., Farafonova Yu.Yu.</i> Innovation potential of Baltic sea coastal regions in the context of digital transformation.....	125
<i>Geography of innovation and digital space</i>	
<i>Yustratova V.O.</i> Assessment of the current state of transport accessibility of rural settlements in the Kaliningrad region.....	134
<i>Singh P., Mikhaylov A.S., Singh V.K., Hvalej D.V.</i> The role of the agglomeration factor in shaping national research landscape: on the example of India.....	141

***Sustainable development and environmental management:
new approaches and technologies***

Golubeva E.I., Kashirina E.S. Potential of specially protected natural areas of Crimea in the socio-economic development of the region 156

Dabiev D.F. On assessing the economic potential of the Republic of Tuva: cognitive modeling..... 163

Tourism and recreation in coastal regions

Zhindarev L.A., Likhacheva E.A. Dangerous geoecological phenomena on the Kaliningrad coast of the Baltic Sea 172

Dementev I.O. Prospects for the development of literary tourism in the Kaliningrad region 179

ВВЕДЕНИЕ

ОБСУЖДЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

Сборник представляет собой материалы IV международной научно-практической конференции «Регионы в условиях глобальных изменений» (21—23 октября 2020 года) из серии международных конференций «Балтийский регион — регион сотрудничества», посвященной теории, методике и практике региональных исследований. Конференция проводилась в онлайн-формате. Организатором конференции помимо традиционных — Балтийского федерального университета им. И. Канта и Калининградского отделения Русского географического общества — выступил Российский фонд фундаментальных исследований, софинансировавший ее проведение (проект № 20-05-22007). Проекты, результаты которых обсуждались на конференции, охватывают сферу компетенций как общественной, так и естественной географии и региональных направлений смежных научных дисциплин. Характерен широкий географический охват объектов исследования: от Балтийского региона до регионов Сибири, от Арктики до Черного моря. Докладчиками с российской стороны были исполнители различных проектов, профинансированных фондом, а также другими организациями, поддерживающими региональные исследования. Зарубежные участники представляли прежде всего страны Балтийского региона, с которыми реализуются совместные проекты программ приграничного сотрудничества, инициированные Европейским союзом и Российской Федерацией.

Конференция посвящается 175-летию юбилею основанного в 1845 г. Русского географического общества, членами которого являются многие докладчики.

В докладах российских участников, вошедших во вторую часть материалов конференции, представлены результаты следующих проектов.

Проекты РФФИ:

№ 18-45-920045 р_а «Геолого-геофизические исследования морфологии рельефа, земельных ресурсов и природных опасностей Севастополя и Крыма»;

№ 20-010-00415 «Управление экономическим потенциалом приграничных регионов Сибирского федерального округа с преимущественно минерально-сырьевой ориентацией»;

№ 20-39-90011 «Эволюция концепции Междуморья во внешней политике Польши в межвоенный период»;

№ 19-45-670001 «Эффект колеи: традиционное и инновационное в социально-экономическом развитии Смоленской области»;

№18-010-00015 А «Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного побережья России в систему “горизонтальных” межрегиональных экономических связей в контексте формирования “Большой Евразии”»;

№18-310-20016 «Приморские города в инновационном пространстве европейской части России»;

№20-05-00695 «Географические факторы общей производительности и издержек производства по регионам России»;

Проекты РФФИ и ЭИСИ:

№ 20-011-32284 «Успех региональных партий в современной Европе: причины и особенности»;

Проекты РФФИ и Правительства Калининградской области:

№ 19-49-390003 «Историко-культурное наследие как туристско-рекреационный ресурс Калининградской области»;

№19-45-393005 р_мол_а «Транспортные сети как фактор формирования комфортной среды и развития человеческого капитала в сельской местности».

Ряд статей подготовлен при поддержке Российского научного фонда и других организаций.

Можно надеяться, что результаты конференции внесут существенный вклад в теорию и практику региональных исследований, будут содействовать усилению их комплексности и углублению межрегионального и международного сотрудничества географов, экономистов, политологов, социологов, экологов — всех ученых, занимающихся изучением регионов.

*Председатель Организационного комитета конференции
Г. М. Федоров,
профессор, директор Центра геополитических исследований
Института региональных исследований БФУ им. И. Канта,
член Ученого совета и Совета регионов Русского географического общества,
председатель Калининградского отделения
Русского географического общества*

УДК 411.3

В. Л. Бабурин¹

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

**«ЭФФЕКТ КОЛЕИ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Рассматривается эволюция промышленных ареалов на пространстве исторической России. Акцент делается на региональный аспект изменения значимости промышленных ареалов на протяжении 150 лет индустриальной истории России. Столь длительный срок выбран для того, чтобы получить представление о всех технологических укладах, сформировавшихся в России в ходе прохождения первой, второй, и третьей промышленных революций. Анализ трансформации отраслевой структуры промышленных ареалов и изменения их специализации осуществлялся для переломов следующих эпох: Петровские реформы, реформы 1861—1874 гг., реформы Советской власти и реформы в постсоветской России. Основным индикатором преобразований являлась численность занятых в промышленности, объемы выпуска, а в отдельных случаях фонды. В результате проведенного исследования установлена чрезвычайная устойчивость как территориальных пропорций, так и унаследованных специализаций, а также копирование выбранного пути («эффекта колеи») старопромышленных регионов в районах нового освоения. Установлено также повторение в регионах нового освоения общей схемы выбранного пути и «унаследованной колеи».

The article deals with the evolution of industrial areas in the space of historical Russia. The emphasis is on the regional aspect of the change in the significance of industrial areas over the 150 years of Russia's industrial history. Such a long period was chosen in order to get an idea of all the technological structures formed in Russia during the first, second, and third (NTR) industrial revolutions. The analysis of the transformation of the industry structure of industrial areas and changes in their specialization was carried out for the turning points of the epochs: Peter's reforms, the Reforms of 1861—1874, the reforms of the Soviet government and the reforms in post-Soviet Russia. The main indicator of transformation was employment in industry, supplemented by output, and in some cases funds. As a result of the study, the extreme stability of both territorial proportions and inherited specializations was established, as well as copying the chosen path (track effect) of old industrial regions in the areas of new development. It is also established that the General scheme of the chosen track and the "inherited track" are repeated in the regions of new development.

Ключевые слова: промышленный ареал, территориально-отраслевая структура, «эффект колеи», преемственность развития.

Keywords: industrial area, territorial and industrial structure, «track effect», continuity of development.

Введение

Парадигма новой индустриализации предполагает поиск ответов на вопросы о содержании, движущих силах и механизмах реализации данного тренда. Для огромных масштабов России важно оценить, в каких регионах необходимо учитывать «эффект колеи», а где неоиндустриализацию можно начинать с чистого листа. В этом контексте в статье концентрируется внимание на соотношении старого и нового в территориальной организации промышленности за период индустриального развития России.

Сама проблема неоиндустриализма отличается неоднозначностью. Ф. Бродель рассматривает индустриализацию как глобальный переход от господства аграрного уклада к преобладанию ремесел и, соответственно, «промышленную революцию» как ускорение этого процесса [3]. Сходной точки зрения придерживался А. Эрлих, размышляя о пионерной индустриализации в СССР [12], и О. Сухарев, разбирая вопросы теории индустриализации [10]. Сама теория индустриального общества обязана своим возникновением третьей промышленной революции. Считается, что у ее истоков стояли У. Ростоу и Р. Арон [2; 15]. Технократический взгляд на индустриализацию наиболее полно излагал в своих работах Дж. Гэлбрейт [4]. Разумеется, не может оставаться в стороне и теория «третьей волны» Э. Тоффлера [16]. Следует обратить внимание на современную концепцию третьей промышленной революции как способа нового энергообеспечения во взаимосвязи с информационно-коммуникационными технологиями [9]. М. Йенике и К. Якоб делают акцент на «экологической промышленности», которая выступает локомотивами модернизации индустрии в целом [14].

Однако следует помнить, что на пути модернизации всегда стоит «эффект колеи». По мнению А. Аузана, об «эффекте колеи» упоминали еще русские исследователи начала XX в. (Г. Плеханов, Н. Бердяев, Г. Федотов и др.) [1]. Теоретический анализ этого явления А. Аузан связывает с именами Д. Норта и П. Дэвида. Они не только сформулировали проблему зависимости от колеи, но и привели математические доказательства (теорема Д. Норта). П. Дэвид разработал на этой основе технологическую гипотезу. В географическом сообществе этой проблематикой занимаются А.С. Фетисов, Г.М. Федоров, Ю.М. Зверев, А.Л. Кузнецова [6; 11 и др.]. Суть полученных этими авторами результатов сводится к тому, что однажды принятое решение, даже ошибочное, крайне трудно изменить без больших затрат и история индустриализации в России дает достаточно много примеров этого.

200 лет российской индустриализации

Анализ эволюции промышленных ареалов позволяет выделить ряд этапов, связанных с действием «эффекта колеи» и попытками его преодоления.

Выбор пути. Еще в Древней Руси начался процесс концентрации производительных сил в Волго-Окском междуречье (ВОМ) благодаря мозаичности ландшафтов, транзитному положению между Балтийским, Черным и Каспийским морями, несколько лучшей защищенностью от внешних угроз. Все это способствовало притоку населения с его навыками. Этим был задан исходный вектор для последующего лидерства ВОМ на протяжении 700 лет. Образно говоря, здесь почти всегда все было быстрее и экономичнее, а эффект колеи имел скорее позитивное значение, закрепляя правильное решение.

Повышенная плотность городов, раннее развитие рыночных отношений [5] позволяли существенно потеснить потребительский тип хозяйства. Отсюда многослойность преиндустриального каркаса: на фундаменте ремесел выростала крестьянская (часто старообрядческая) промышленность, государственные (казенные) производства дополняла посессионная мануфактура [7; 13]. Максимальное для Восточно-Европейской равнины ландшафтное разнообразие, центральность географического положения были значимыми факторами феномена неизменности инновационной «колеи» — «всегда впервые». Такой вариант развития не был фатальным, но анализ показал, что «эффект колеи» в данном случае не позволил даже централизованному государству по-иному перестроить свою пространственную экономику из-за собственной политики централизма (как во многом и во Франции). На этом базисе со временем выстроится специфическая российская территориальная модель: инновационное ядро — Московский регион; инновационное субъядро — ВОМ, инновационная субпериферия (Урало-Поволжье, Юг Европейской части и Юг Сибири и Дальнего Востока); инновационная периферия (республики Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока).

Примером длительного удержания развития в пределах колеи является Тульская область. Здесь с XVI в. на основе пирометаллургического цикла складывался Тульско-Серпуховский металлургический и металлообрабатывающий (оружейный) район, сохранивший эту специализацию, дополненную химией и гражданским машиностроением, до наших дней. Накопленные основные фонды, квалифицированные кадры и система их подготовки, неизменно выгодное экономико-географическое положение блокировали любой иной вариант развития. Однако эта «консервативная» структура за 500 лет впитала практически все технологически уклады с первого по пятый. Образно говоря, колея осталась, хотя паровоз заменили тепловоз, электровоз, выросли скорости движения и т. д. Об этом надо помнить, как и о том, что неоиндустриализацию в силу позитивного «эффекта колеи» здесь проводить легче.

«Петровский импульс». Петр I предпринял попытку вырвать страну из «оков колеи». Центр инноваций он переносит из «косной Москвы» в свою новую столицу — Санкт-Петербург. Именно он затем на протяжении более двух столетий выполнял функцию «инновационных ворот» в Россию. Геополитический прорыв в сочетании с внутренней реформацией обеспечил резкое ускорение диффузии западных нововведений в России. За первые 25 лет XVIII в. были созданы основы для развертывания в стране преиндустриального цикла, но все это время ВОМ сохраняло свою роль ведущего ареала концентрации производительных сил, хотя столичный Санкт-Петербург часто опережал Москву.

Одновременно закладывались основы специализации Уральского экономического района — Урало-Камской земли (УКЗ), «второй Тулы», тяготеющей к добыче руды и топлива. Уже к 1750 г. регион давал до 90 % общероссийского производства металла. Но по-прежнему ареалом концентрации основной части вновь создаваемых мануфактурных и кустарных производств оставался ВОМ с его традициями, кадрами и близостью к Москве. За пределами ВОМ и УКЗ возникают центры пищевкусовой промышленности в Харькове и Воронеже. Но ВОМ все эти годы имело бесспорное лидерство (около 40 % занятых и продукции, в том числе в объеме производства текстильной — 75 %), а все губернии Центральной России концентрировали до 60 % занятых и около 50 % производства. Отметим, что даже к середине XIX в. специализация крупнейших индустриальных районов была теснейшим образом связана с природно-ресурсной составляющей.

Реформы 1861—1874 гг. Обычно считается, что именно с этого момента началось активное развитие капитализма в России. Территориальные приоритеты инвесторов резко изменили географию экономического роста. В 1867 г. доля Центра составляла около 50 % (по сумме производства), Петербургско-Прибалтийского ареала — около 25 %, Польши — около 10 %, Урала и Юга — каждый менее 5 %. К концу века доля Центра снижается до 30 %, Урала — до 3,5 %, у Северо-Запада остается без изменения, вклад Юга (12 %), Поволжья (около 5 %) и Кавказа (около 2 %) резко возрастает. Но в специализации основных индустриальных ареалов принципиальных изменений не произошло.

В конце XIX — начале XX в. продолжалась все та же тенденция: возникновение машиностроения в Петербурге, затем диффузия в Центр и на Запад, далее на Урал и Юг, к основным металлургическим базам. Иными словами, инновации изначально ориентируются почти всегда на столичность, территориальную близость к генерирующим центрам, трудовые ресурсы и староосвоенность (наличие колеи) и лишь затем перемещаются в районы, оптимальные для их размещения по совокупности факторов.

К началу Первой мировой войны в общих чертах сложилась территориальная структура промышленности, основные особенности которой (в старо-промышленных районах) сохраняются до наших дней, если не считать районов нового освоения. В Европейской части ее пространственные пропорции и базовые специализации не смогла полностью переварить даже советская индустриализация и кризис конца столетия (табл. 1).

Таблица 1

Доля занятых в промышленности по макрорегионам СССР, %

Макрорегион	1913	1940	1950	1955	1960	1970	1980	1990
СССР*	100	100	100	100	100	100	100	100
В границах РСФСР	62	69	72	69	68	64	62	61
Центр**	36	40	25	17	Н. д.	Н. д.	15	11
Урало-Поволжье**	12	13	40	30	Н. д.	Н. д.	19	16
Восточные районы РСФСР*	4,5	6,4	12,4	13,7	Н. д.	Н. д.	15	18
Украина	18	20	16	17	18	19	20	20
Белоруссия	1	3	2,2	2,3	2,5	3,2	3,8	4
Прибалтика	4	1,8	2,4	2,6	2,9	3,3	3,1	3,1
Закавказье	3,5	2,4	2,8	2,8	2,8	3	3,4	3,8
Казахстан и Средняя Азия	0,7	3,6	4,6	6,3	5,8	6,5	7,3	8,1
Европейская часть	94,8	90	83	80	Н. д.	Н. д.	77,7	74
Азиатская часть**	5,2	10	17	20	Н. д.	Н. д.	22,3	26

Примечание: *В 1913 г. доля в 100% для СССР равна 88% от производства Российской империи в сопоставимых границах (без Царства Польского, Финляндии и т. д.).

**Показатели приведены по расчетам автора на основе данных статистических сборников.

Источник: составлено на основе данных [6].

Волжско-Окское междуречье (центральная и восточная часть Центрального экономического района вместе с Нижегородской агломерацией) — историческое ядро российского государства, отличающееся максимальной концентрацией населения и городов, свое лидерство сохраняло на протяжении всего дореволюционного периода.

Петербургско-Прибалтийский район не только сохранил исходный импульс развития, но и стал ведущим районом — транслятором инноваций.

Урало-Камская земля (Уральский экономический район и Кировская область) после подъема первого столетия освоения на протяжении практически всего XIX в. теряла свои позиции, но колея, хоть и «истончилась», сохранялась.

Юг (восток Украины и Ростовская область) — классический район-акцептор, подпитываемый как западными, так и национальными инновациями, обеспечившими ему статус региона роста. Возникшая здесь угле-металлургическая специализация, позже дополненная металлоемким машиностроением, определяет индустриальный облик Донбасса и сегодня.

Кавказ (Северный Кавказ и Закавказье) — во многом аналог Юга, но с той разницей, что индустриальная волна носила здесь очаговый и монопрофильный характер. Очаговый характер индустриализации сохраняется и в наши дни. Основные пласты этносов здесь так и остались вне индустриальных технологий.

Прочие районы Европейской части фактически оставались слабо затронутыми индустриальной волной участками ресурсной полупериферии для ведущих регионов, а Сибирь, Дальний Восток и Туркестан — периферией, почти не затронутой индустриальными инновациями.

Советская индустриализация. Революции 1917 г. привела к построению нового государства, в рамках которого полностью осуществлен индустриальный цикл (завершена первая, полностью пройдена вторая и начата третья промышленная революция). В 1923 г. на долю Московского промышленного района приходилось 38% занятых в промышленности СССР (и 50% — в РСФСР), он давал соответственно 42 и 56% продукции. Вновь, как и ранее, на каждом очередном этапе развития именно в ВОМ накапливается потенциал для очередного инновационного толчка через модернизацию с сохранением исторического базиса (колеи) накопленных технологических укладов (табл. 1). Итогом значительных усилий по развитию восточных районов стало удвоение их удельного веса в экономике страны к середине прошлого века, а доля районов к западу от Волги уменьшилась до 40%. В Урало-Поволжье сформировался крупнейший в мире внутриконтинентальный индустриальный ареал, на который приходилось около $\frac{2}{5}$ занятых и продукции промышленности страны. С учетом юга Западной Сибири и Северного Казахстана здесь оказалось сосредоточено до 50% промышленного и $\frac{1}{3}$ аграрного потенциала страны (табл. 2). Еще примерно $\frac{1}{6}$ промышленного потенциала приходилась на остальные районы Азиатской части (против менее $\frac{1}{20}$ до 1917 г.).

Советская модернизация сопровождалась и кардинальным сдвигом в размещении производительных сил (табл. 1). Основным итогом послевоенного развития стало существенно более равномерное распределение промышленного потенциала. Впервые в истории доля Центрального района оказалась ниже $\frac{1}{4}$ индустриального потенциала страны. Если в 1930 г. на два пристоличных региона приходилось $\frac{2}{3}$ промышленного потенциала СССР (в 1920-е гг. только Московский район концентрировал до 50% всего промышленного потенциала), то к 1980-м гг. их доля снизилась до $\frac{1}{6}$.

Таблица 2

**Отраслевая структура промышленности СССР в 1975 г.
в сравнении с началом и концом XX в., %***

Отрасль	Валовая продукция			Численность промышленно-производственного персонала			Промышленно-производственные основные фонды		
	Начало XX в.	1975	1999	Начало XX в.	1975	1999	Начало XX в.**	1975	1999
Вся промышленность	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Электроэнергетика	—	3	10	—	2	7	—	17	Н.д.
Топливная	—	6	17	—	4	6	—	13	Н.д.
Химия и нефтехимия	—	7	7	—	5	6	—	9	Н.д.
Машиностроение	9	24	19	15	41	29	—	22	Н.д.
Лесная	—	5	5	—	8	8	—	5	Н.д.
Строительных материалов	—	4	3	—	6	6	—	6	Н.д.
Легкая	30	17	2	30	15	7	—	4	Н.д.
Пищевая	48	20	15	36	9	12	—	8	Н.д.
Прочие	13	14	22	19	10	19	—	16	Н.д.

Примечание: * Данные на начало XX в. даны в усредненных для периода 1900—1908 гг.

** В Российской империи учет основных фондов не производился.

Источник: составлено по расчетам автора на основе данных статистических сборников.

Реформы 1980—1990-х гг. Еще в середине 1980-х гг. начался поиск социальных изобретений, которые могли бы дать ответ на очередные вызовы времени. Этот поиск получил широко известное название «Перестройка». Вне всяких сомнений это были реформы, ориентированные на западные инновации. Однако эффективность реформ определяется структурно-отраслевыми и территориальными сдвигами, достигаемыми уровнями социальной и территориальной дифференциации. Ухудшение отраслевой структуры (табл. 2—4), усиление периферийности большинства районов, возрастание различий означает общественно значимую неэффективность проводимых реформ.

Таблица 3

Динамика накопленного индустриального потенциала по районам РФ, %

Экономический район	1991	1999	2018
РФ*	100	100	100
Северный	5,2	4,9	4,9
Северо-Западный	5,6	5,4	6,3
Центральный	17,6	21,1	28,4
Волго-Вятский	4,9	4,7	2,8
Центрально-Черноземный	4,7	4,9	3,2
Поволжский	11,3	11,1	7,9
Северо-Кавказский	7,9	8,0	7,0
Уральский	13,2	13,7	10,0
Западно-Сибирский	14,7	13,1	17,5
Восточно-Сибирский	6,9	6,5	4,4
Дальневосточный	7,4	6,5	6,3

Примечание: *Без Крыма и Севастополя.

Источник: составлено по расчетам автора на основе статистических материалов Росстата.

Таблица 4

Размещение российской промышленности в 1912 и 2018 гг.

Промышленный ареал	Продукция, млн руб., 1912	%		Занятые, млн чел., 2012 / 2018	%	
		1912	2018		1912	2018
Северный	34	0,6	4,2	0,022 / 0,4	1,3	2,9
Санкт-Петербургский — Прибалтийский	816	15	4,8	0,29 / 0,9	17,2	6,5
ВОМ (ЦЭР + Нижний Новгород)	1587	28	18,6	0,8 / 2,95	46,9	15,6
УКЗ	215	4	12,6	0,17 / 1,95	10,2	13,9
Кавказский	596	11	3,6	0,16 / 1,25	9,6	9,0
Сибирский	110	2	39,6	0,1 / 2,650	5,6	19,0
Прочие	2244	39,4	16,6	0,15 / 4,62	9,1	33,1
<i>Всего</i>	5602	100	100	1,7 / 13,95	100	100

Источник: составлено на основе расчетов автора и данных Росстата.

Другим индикатором служит изменение территориальных пропорций в уровнях экономического развития регионов, измеряемых в ВРП 2018 г. в сравнении с 1998 г. и 1991 г. Доля двух столичных регионов (Московского и Петербургско-Ленинградского) возросла сначала с 26,4 до 31 %, а к 2018 г. до 32,5 %. Удельный вес трех восточных районов почти не изменился — соответственно 27,9, 27,5 и 28,7 % — исключительно за счет увеличения доли Западной Сибири с 13,8 до 14,9 %. Доля Урало-Поволжья, напротив, снизилась с 25,2 до 22,8 %, в основном за счет Урала. При этом доля Московского столичного региона в Центре возросла с 64 до 75 %, а Петербургско-Ленинградского региона в Северо-Западном районе — с 66 до 71 %. Таким образом, следует говорить о нескольких разнонаправленных процессах в кардинально изменившейся динамике индустриальных ареалов и их сочетаниях под воздействием двух «дирижеров»: внутрисистемного кризиса на пространстве СССР и сильнейших внешних инновационных воздействий со стороны Запада и, в меньшей степени, Востока и Юга.

Если считать без Сибири, то доля Волжско-Окского междуречья в Европейской части составила в 2018 г. 31 % в стоимостном выражении и 19,5 % по занятым против соответственно 29 и 16,5 % в 1912 г., т. е. практически не изменилась.

Трансформации в размещении промышленности в постсоветский период сопровождались перестройками как общехозяйственной специализации, так и структуры отраслей промышленности. При этом процессы изменения специализации экономических районов или параллельно с уменьшением диверсифицированности региональных экономик и нарастанием монопрофильности, что в определяющей степени диктовалось внешней конъюнктурой.

Наиболее моноспециализированными оказались Западно-Сибирский (60 % продукции промышленности приходится на ТЭК) и Восточно-Сибирский (52 % — цветная металлургия) районы. Фактически были «вычищены» все отрасли, отклоняющиеся от «колеи». Машиностроительная специализация Волго-Вятского района (на нее приходится 42 % промышленной продукции) связана прежде всего с обвальным спадом в химической, легкой и лесной отраслях в сочетании с относительно высокой долей слабо затронутых кризисом некоторых секторов самого машиностроения (автомобильная промышленность).

К районам, сохранившим наиболее диверсифицированную структуру промышленности (в РФ пять отраслей дают более 10 % промышленной продукции каждая), можно отнести Уральский (пять отраслей), Поволжский, Центрально-Черноземный и Дальневосточный (по четыре отрасли в каждом) районы. «Эффект колеи» для них наиболее выражен.

Выводы

Можно считать установленным разнонаправленный характер влияния «эффекта колеи» на территориальную организацию промышленности. С одной стороны, ее закрепляющая роль составляет очевидное конкурентное пре-

имущество старопромышленных и вообще староосвоенных районов. С другой — закреплённость (консервативность) является препятствием для ускоренной модернизации. В результате ни одна из модернизационных волн не позволила в полном объёме преодолеть «эффект колеи».

Наиболее выражен этот эффект в ВОМ, где, несмотря на почти полное вымывание легкой промышленности, специализация региона сохраняется. Именно этот район был базой для Петровских реформ и в значительной мере капиталистической модернизации. Советские социалистические преобразования на начальном этапе почти целиком опирались на потенциал ВОМ и осуществлялись через модернизацию этого старопромышленного района. А вот вторая пятилетка — это неоиндустриализация, когда начался сдвиг промышленности в Урало-Поволжье, хотя для некоторых регионов Урала это была скорее модернизация. Великая Отечественная война многократно усилила этот тренд и сдвинула производство еще восточнее — на юг Сибири. Одновременно формировался изолированный индустриальный ареал на Дальнем Востоке. И вместе с тем модернизировалась промышленность Южного экономического района, унаследованного от империи.

В послевоенные годы индустриализация охватила ЦЧР и западные районы Центральной России, север Западной Сибири и в ограниченных масштабах Северный Кавказ.

Последние тридцать лет в России фактически не было ни модернизационного, ни неоиндустриализационного процессов, и сегодня принципиально важно определиться с выбором районов как для одного, так и для другого вариантов восстановления и развития промышленного потенциала страны с опорой на позитивную составляющую эффекта колеи.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №19-45-670001 «“Эффект колеи”: традиционное и инновационное в социально-экономическом развитии Смоленской области» и №20-05-00695 «Географические факторы общей производительности и издержек производства по регионам России».

Список литературы

1. Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблемы зависимости от траектории предшествующего развития — эволюционная гипотеза // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2015. №1. С. 3—17.
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / пер. с фр. М., 1992.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 3. Время мира / пер. с фр. М.: Прогресс. 1992. 678 с.
4. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. М., 2008.
5. Кириллин В.А. Страницы истории науки и техники. М., 1989.
6. Кузнецова А.Л. Эффект колеи и новый путь развития Калининградской области // Российская Балтика и Балтийский регион : монография / под науч. ред. В.М. Разумовского. СПб., 2017. С. 200—226.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1971. Т. 3.

8. *Промышленность СССР*. Статистический сборник. М., 1988.
9. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / пер. с англ. М., 2014.
10. *Сухарев О. С.* Экономическая теория индустриализации // Вестник Пермского университета. Сер. Экономика. 2015. №2 (25). С. 6—14.
11. *Фетисов А. С.* От историко-географического очерка в экономико-географической характеристике страны к эволюционному страноведению // *Общественная география: многообразие и единство* / под ред. А. С. Фетисова, И. С. Ивановой, И. М. Кузиной. М. ; Смоленск, 2011. С. 83—94.
12. *Эрлих А.* Дискуссия об индустриализации в СССР. 1927—1928 гг. М., 2010.
13. *Яковец Ю. В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999.
14. *Kuklinski A.* Local dynamics and environment: some comments and proposals // Conference on local dynamics and environment. Lausanne, 1988.
15. *Rostow W. W.* The stages of economic growth // *The Economic History Review*. 1959. Vol. 12, №1. P. 1—16.
16. *Toffler A.* The third Wave. N. Y., 1980.

Об авторе

Вячеслав Леонидович Бабурин, доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.
E-mail: vbaburin@yandex.ru

The author

Prof. Vyacheslav L. Baburin, Moscow State University, Russia.
E-mail: vbaburin@yandex.ru

В. А. Колосов¹, А. Б. Себенцов¹

¹Институт географии РАН (Москва, Россия)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕС

Рассмотрены особенности концепции нового регионализма, основанного на сочетании конструктивистского и функционального понимания процесса регионализации, в том числе деполитизация сотрудничества и многоуровневое управление трансграничными регионами разного уровня. Кратко характеризуются региональные организации на Северо-Западе Европы с участием России и ЕС и проанализировано состояние сотрудничества в их рамках на начало 2020 г. Показано влияние на них ухудшения международной обстановки после 2014 г. При этом подчеркнуто, что оно сравнительно мало пострадало от кризиса в отношениях между Россией и ЕС и имеет в нынешних условиях большое значение для их восстановления в будущем.

The authors consider the main features of new regionalism, based on a combination of constructivist and functional understanding of the regionalization process, including the depoliticization of cooperation and multilevel management of cross-border regions at different levels. They briefly characterize the regional organizations in North-West Europe with the participation of Russia and the EU and analyze the state of cooperation in their framework by early 2020. The impact of the deterioration of the international situation after 2014 on it is shown. At the same time, it is emphasized that regional cooperation suffered relatively little from the crisis in relations between Russia and the EU and in the current conditions is of great importance for their restoration in the future.

Ключевые слова: безопасность, угроза, регионализм, Россия, ЕС, противоречия, сотрудничество.

Keywords: security, threat, regionalism, Russia, EU, contradictions, cooperation.

В ряду международных ориентиров России отношения с Европейским союзом всегда были одним из приоритетов внешнеполитического курса. Объективные потребности обеих сторон с начала 1990-х гг. были движущей силой взаимодействия, однако взаимоотношения России и ЕС испытывали периодические подъемы и спады [1; 3]. Были выдвинуты разные интерпретации многочисленных кризисов в отношениях с ЕС, однако после событий 2008 г. и особенно 2014—2016 гг. все чаще встречались работы, убедительно доказывающие, что в их основе лежат общие причины, связанные с неадек-

ватным восприятием друг друга, разными представлениями о базовых ценностях, лежащих в основе международного порядка: государственном суверенитете, правах человека, национальной безопасности [3; 6].

Как и во многих других странах, в России понимание безопасности опирается на давние геополитические традиции, возникшие в результате противостояния православия «латинской ереси» и ее опасного влияния на подданных Московского государства, «единственного социалистического государства в мире» (СССР до Второй мировой войны) и враждебного Запада, а затем противоборства между «социалистическим лагерем» и «миром капитализма», «единственной истинной идеологией марксизма-ленинизма» и «разлагающим» влиянием западной идеологии и культуры. Конечно, геополитические коды конфронтации с Россией глубоко укоренились и на западной стороне [13].

Постепенное охлаждение отношений между Россией и Западом, Россией и ЕС, а затем их резкое обострение в результате политического кризиса на Украине позволили российской стороне легко мобилизовать привычные стереотипы и исторические нарративы. Был реанимирован «онтологический» подход к обеспечению безопасности, которая трактовалась не как повседневная государственная задача, а как чрезвычайный, приоритетный вызов, требующий немедленных действий — мобилизации людских и материальных ресурсов, поскольку внешние силы угрожают национальной идентичности, сохранению государственного суверенитета [3; 6].

Нарастающая глобальная нестабильность и противоречия между ведущими акторами на международной политической арене в сочетании с антироссийскими санкциями укрепили присущий СССР / России реалистический подход к мировой политике — убежденность в том, что сила по-прежнему является решающим фактором. Либеральный подход, лежащий в основе внешнеполитической стратегии ЕС и связанный с делегированием полномочий наднациональным институтам, с приоритетом международных норм, важной ролью прав человека и т. д., стал вызывать в России еще большее недоверие. Либеральная идеология рассматривается как прикрытие для реализации эгоистических интересов ЕС и коллективного Запада. В действующей редакции «Стратегии национальной безопасности» (2015) подчеркивается, что расширение НАТО и укрепление его военной инфраструктуры вблизи российских границ представляют угрозу для России, а миграционный кризис выявил несостоятельность региональной системы безопасности, построенной на базе Североатлантического альянса и ЕС. Вместе с тем наряду с указанием, что международная нестабильность способствует повышению роли государств, которые «все больше берут на себя ответственность за дела в своих регионах», в стратегии отмечается, что «региональные и субрегиональные экономические соглашения становятся одним из важнейших средств защиты от кризисных явлений» [9].

Цель данной статьи состоит в анализе региональных форматов сотрудничества между Россией и ЕС. В чем причина успеха этих форматов на фоне глобального кризиса отношений между Россией и Западом? Насколько они устойчивы к кризисным явлениям в международных отношениях? Каким образом региональное сотрудничество может способствовать преодолению кризиса на международном уровне?

Отвечая на эти вопросы, авторы опираются на результаты исследований по трем проектам: недавно завершившемуся проекту РНФ № 0148-2019-008 «Российское пограничье: вызовы соседства», российско-финскому проекту «Northern Dimensions of European Union Actorness. — The Case of Finland and Russia» и государственному заданию Института географии РАН «Проблемы пространственного развития России в условиях ее неравномерности и глобальной нестабильности» № 0148-2019-0008.

«Новый регионализм» на Северо-Западе Европы

Принципы так называемого нового регионализма, основанного на сочетании конструктивистского и функционального понимания процесса регионализации, нашли свое воплощение в активной и во многих отношениях инновационной политике ЕС на Севере Европы. Согласно такому пониманию, приграничные и трансграничные регионы формируются как стихийно («снизу»), на основе усиления торговых, производственных, миграционных и иных взаимодействий между соседними территориями, их социокультурной общности, так и «сверху», в результате действий отдельных государств. При отсутствии функциональной основы регион может быть «заново» сформирован заинтересованными государствами, общественностью и другими субъектами [11]. «Регионы, как и идентичности, не устанавливаются раз и навсегда: они конструируются и изменяются», — писала Л. Фоусетт, профессор Оксфордского университета [13, р. 26].

Регионализация представляет собой гибкий процесс, содержание и интерпретация которого постоянно меняются. Новый регионализм не требует сходства государственного устройства, территориальной организации и компетенции регионов и муниципалитетов по разные стороны границ между странами-партнерами. Он не обязательно опирается на ранее выработанные нормы и позволяет сочетать западную (европейскую) и незападную модели регионального сотрудничества [7]. Его «измерение» (в терминах Бьерна Хеттне) является не только экономическим, но и культурным, экологическим, социальным. Все это также важные «измерения» региональной безопасности.

Главный принцип нового регионализма заключается в том, что он относительно деполитизирован. Более того, государство не всегда непосредственно участвует или определяет процессы регионализации.

Другим важным принципом «нового регионализма» является многоуровневое управление, которое предполагает передачу всех возможных полномочий от центральных органов власти на субнациональный и наднациональный уровни. Предполагается, что применение этого принципа существенно расширяет круг участников сотрудничества, в который входят международные финансовые организации и партнерства, государственные органы, региональные администрации и муниципалитеты, бизнес, НПО, этнические общины и др. Более того, повестка дня распределяется в созданной системе акторов таким образом, что каждый ее элемент соответствует компетенции институтов того или иного уровня. Кроме того, если каждый актер реализует относительно узкий набор функций, то вместе они могут развивать достаточный потенциал взаимодействия для сглаживания межстрановых противоречий, сохраняя при этом дух сотрудничества даже в ситуации политического противостояния [5]. Невозможность договориться по какому-либо вопросу не становится препятствием для принятия решений по другим пунктам повестки дня, распределенным между многими участниками. Это позволяет добиться относительной автономии региональных организаций от «высокой политики» [2].

Региональные организации с участием России и стран ЕС основаны на сочетании «жесткого» и «мягкого» регионализма. С одной стороны, их деятельность оформлена межгосударственными соглашениями и институтами. С другой — эти мероприятия способствуют консолидации региональных сообществ, созданию или укреплению их идентичности и конкретных общих интересов. В этом смысле территория деятельности этих организаций представляет собой трансграничные регионы. Они частично перекрывают друг друга, и компетенции региональных институтов широко пересекаются [15].

Регионализация и эволюция отношений между Россией и ЕС

Северо-западные регионы России являются частью как минимум двух крупных международных регионов — Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР) и региона Балтийского моря (РБМ). Они сформированы вокруг крупных трансграничных водных объектов и объединены традиционными интенсивными экономическими, политическими и историко-культурными связями. Для этих регионов характерны также специфические вызовы «мягкой безопасности», которые требуют общего ответа входящих в эти регионы стран. Институциональная структура этих двух международных регионов сложная и многоуровневая [11, с. 36], однако наиболее интенсивное сотрудничество развивается в трех пространственных масштабах: транснациональном, трансграничном и приграничном (рис.).

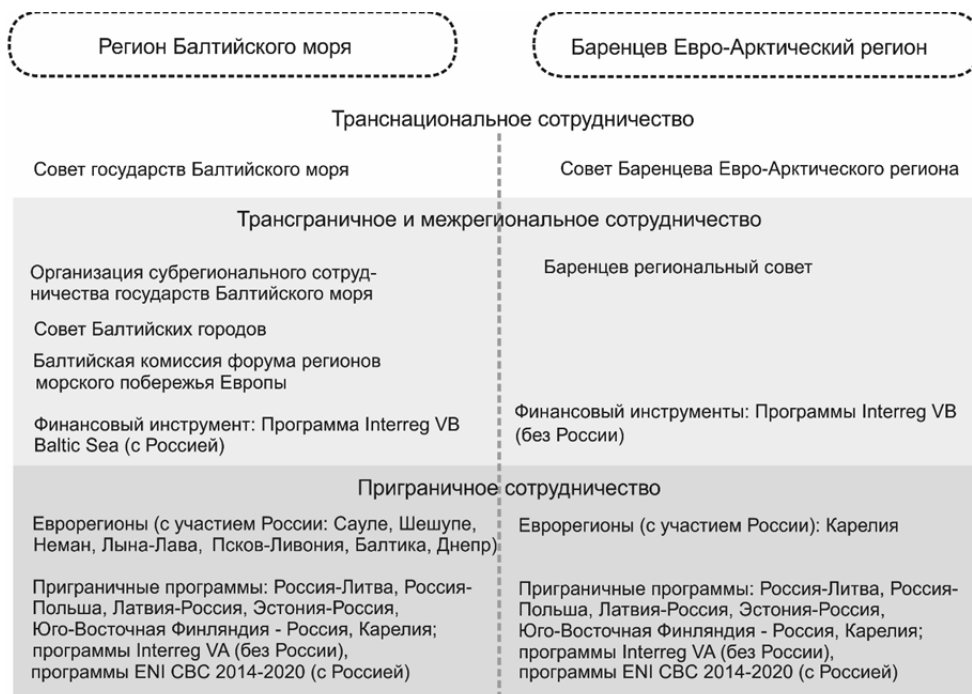

Рис. Институциональная структура сотрудничества между России и ЕС на Северо-Западе

Проведенные исследования показывают, что хотя ЕС вывел из-под санкций контакты между людьми, а также большинство региональных форматов сотрудничества, общее ухудшение отношений затронуло все три пространственных уровня сотрудничества, особенно в первые годы после кризиса 2014 г.

На транснациональном уровне сильнее всего пострадала программа «Северное измерение» (СИ), которая создавалась два десятилетия назад в качестве инновационного формата сотрудничества с Россией и стала одним из воплощений европейского «нового регионализма». СИ включает четыре партнерства (экологическое, транспортно-логическое, в области здравоохранения и социального благополучия и в сфере культуры) и целый ряд других структур, предполагавших широкомасштабное сотрудничество между Россией и ЕС. Однако институциональное строительство и использование передового европейского опыта не привели к прорыву. Проблема заключается в дублировании форматов сотрудничества на севере Европы (СГБС, СБЕР, Арктический совет, Совет министров Северных стран) [4]. Согласно первоначальному плану СИ должно было создать некую «добавленную стоимость» в рамках этих форматов. Но на самом деле программа СИ в определенной

степени конкурировала с ними, превращаясь в своеобразный «зонтик», под который искусственно вставлялись проекты, уже реализованные в рамках других форматов [12]. Восприятие СИ в качестве «альтернативного канала связи с ЕС» привело к завышенным ожиданиям от проекта и разочарованию скромными результатами [10].

После 2006 г. казалось, что СИ обрело собственное лицо и четкие цели. Как «региональное воплощение» четырех общих пространств между Россией и ЕС СИ должно было способствовать сотрудничеству в ближней зоне соседства. Но кризис в отношениях России и ЕС не только похоронил идею четырех общих пространств, но и заморозил сотрудничество в высших руководящих органах СИ. Так, министерская встреча СИ не созывалась с 2013 г., поскольку страны Балтии блокируют ее, невзирая на ее важность для определения повестки дня будущей деятельности этой региональной организации. В результате национальные и наднациональные акторы страдают от стратегической неопределенности и программа превращается в набор слабо связанных институтов [4].

Последствия санкционного противостояния сказались также на других форматах сотрудничества. Существующий в России миф о том, что ЕС делится на «плохие» (большинство «новых» членов) и «хорошие» страны (Франция, Италия, Финляндия, Германия), которые проводят разную политику в отношении России, нашел лишь частичное подтверждение при анализе работы организаций межгосударственного и регионального (трансграничного) уровней. Страны ЕС координируют свою политику на российском направлении через специальный комитет по России и Восточной Европе. Однако прибалтийские страны действительно занимают более жесткую позицию и часто тормозят работу региональных институтов. Так, страны Балтии блокировали встречу высокого уровня Совета государств Балтийского моря (СГБМ), которая несколько раз откладывалась до тех пор, пока министры иностранных дел не собрались в 2017 г. в Рейкьявике по случаю 25-летия этой организации (Швеция также провела министерский саммит в качестве завершающего мероприятия своего председательства). Ранее в СГБМ существовала практика проведения раз в два года совещаний глав правительств, чередующихся с министерскими совещаниями, но последнее такое совещание состоялось в 2012 г. Из-за этого сотрудничество осуществляется под руководством старших должностных лиц, компетенция которых ограничивается текущими вопросами. Тем не менее чиновники, назначаемые национальными внешнеполитическими ведомствами, годами встречаются друг с другом и способны находить взаимовыгодные компромиссы, если только из столиц не дуют холодные ветры.

По мнению российской стороны, важной проблемой в деятельности СГБМ стало отсутствие единого перспективного видения: Балтийская стратегия ЕС была принята без консультаций с Россией. В 2013 г. была создана

специальная комиссия по координации стратегий обеих сторон во главе с российским министром регионального развития и европейским комиссаром по региональной политике, но с 2014 г. ее работа заморожена.

Ограничения были введены также международными финансовыми учреждениями. Так, Европейский банк реконструкции и развития, управляющий Фондом экологического партнерства СИ, поддерживает ныне только старые, уже начатые проекты.

Лучший пример успешного деполитизированного сотрудничества России и ЕС на региональном уровне — Совет Баренцева Евро-Арктического региона (СБЕР). Снижению напряженности здесь способствует и приоритет сотрудничества по решению общезначимых экологических проблем. Одним из главных достижений последних лет стала ликвидация 12 из 42 экологических «горячих точек» на северо-западе России.

Степень негативного влияния межгосударственных отношений на региональные форматы сотрудничества зависит не только от состава участников региональных институтов и тематики. Чем меньше вовлеченность в сотрудничество национальных властей, тем в меньшей степени сотрудничество затронуту общим ухудшением отношений.

Так, вопреки ему в мае 2018 г. Баренцев региональный совет (БРС), состоящий из официальных лиц 14 регионов Финляндии, Норвегии, России и Швеции, выступил с совместным заявлением, в котором подчеркивалась необходимость сделать Баренцев регион безвизовой зоной для жителей этого региона. Власти приграничного норвежского графства Финнмарк известны своим твердым намерением поддерживать контакты с российскими партнерами. В сентябре 2018 г. депутаты Совета графства Финнмарк приняли заявление о необходимости более тесного сотрудничества с Россией и безвизового режима [16]. Учитывая перемены в европейской политике, эта декларация резко контрастирует с долгой безрезультатной дискуссией между Россией и ЕС об отмене виз, прекратившейся в 2014 г. В 2015 г., вскоре после начала конфликта на Украине, графство Финнмарк и Мурманская область — один из лидеров регионального сотрудничества в рамках БРС — подписали декларацию о трансграничном сотрудничестве. Характерно, что в 2010—2019 гг. количество виз, выданных генеральными консульствами в Мурманске (Россия) и Киркенесе (Норвегия), а также местный трансграничный трафик оставались стабильными. Принято решение о том, что БРС спонсирует второй саммит коренных народов Баренцева региона (первый состоялся в мае 2019 г. в Швеции) и молодежный форум на трех уровнях: национальном, региональном и муниципальном. МИД России удовлетворен участием российских регионов в деятельности БРС, их пониманием приоритетов сотрудничества и обратной связью.

Характерной чертой последнего десятилетия стало постепенное расширение «дипломатических» функций региональных форматов. Все чаще на полях

встреч в рамках СГБМ, СБЕР и СИ обсуждаются более общие вопросы сотрудничества между России и ЕС. Так, несмотря на перерыв в саммитах СГБМ в 2012—2017 гг., в «малых форматах» политический диалог продолжался. Наконец, 3 июня 2019 г. в Юрмале (Латвия) состоялась очередная сессия СГБМ на уровне министров иностранных дел. Участники выразили поддержку проектно-ориентированной деятельности, в том числе в рамках Фонда проектного финансирования СГБМ. Его мандат был продлен на следующий трехлетний период (2020—2022). Они также согласовали реформу СГБМ и приняли ее «дорожную карту». Ее цель — придать СГБМ большую гибкость и улучшить взаимодействие Совета с другими многосторонними форматами сотрудничества в регионе. Участники призвали к возобновлению регулярных встреч глав правительств. Российская делегация подчеркнула необходимость разработки нового совместного стратегического документа для Балтийского региона.

Эффективное и деполитизированное сотрудничество наблюдается в рамках программ приграничного сотрудничества. Использование программного подхода способствовало выработке приоритетов сотрудничества, повышению скоординированности действий между разными уровнями власти по обе стороны государственной границы, созданию совместных органов управления программами, разработке единых правил финансирования проектов [15]. Намечившаяся первоначально асимметрия в возможностях России и сопредельных стран ЕС влиять на тематику и сам процесс сотрудничества была в основном преодолена уже в программном периоде 2007—2013 гг.: Россия стала вносить значимый финансовый вклад в программу и получила статус равноправного партнера [8]. Такие изменения уже к концу 2000-х гг. сделали программы соседства привлекательным инструментом, позволяющим приграничным акторам реализовать свои проекты. Это, в свою очередь, способствовало переформатированию институциональной структуры сотрудничества на северо-западных границах России. С одной стороны, произошло снижение интенсивности сотрудничества в большинстве еврорегионов (за исключением еврорегиона «Карелия»), с другой — наблюдалась синергия между институтами приграничного и трансграничного сотрудничества. Так, в рамках Баренцева Евроарктического региона программа приграничного сотрудничества «Коларктик» приобрела черты трансграничного формата, в то время как Баренцев региональный совет по характеру своей деятельности все больше напоминает еврорегион [15].

Во второй половине 2018 г. была доработана правовая база приграничного сотрудничества России с шестью странами ЕС (Финляндией, Швецией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей) а также с Норвегией: она будет действовать до 2020 г., а фактически до 2023 г. Несмотря на взаимные противоречия, Россия и Евросоюз планируют продолжать сотрудничество. В настоящее время идет работа над семью новыми программами приграничного сотрудничества на 2021—2027 гг.

***

Очевидно, что отношения России и ЕС даже в среднесрочной перспективе не вернутся на тот уровень, который преобладал в начале 2000-х гг. Перспективы урегулирования ситуации в Донбассе не просматриваются, не говоря уже о крымской проблеме, которую Россия считает закрытой. На этом фоне особое значение приобретают региональные организации, в которых участвуют Россия и ЕС: Совет Баренцева Евроарктического региона (СБЕР), Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Арктический совет, Совет министров Северных стран, программа «Северное измерение» (СИ). Как показывает опыт последних лет, они меньше пострадали от общего ухудшения международной обстановки, а региональный уровень является наиболее подходящим для согласования интересов в неблагоприятных и постоянно меняющихся условиях. Наблюдаемое частичное дублирование функций отдельных институтов в общей зоне соседства в неблагоприятных международных условиях оказывается преимуществом. Торможение сотрудничества в одном институте (например, СГБМ) как правило компенсируется активизацией взаимодействия в другом (например, в СБЕР).

Таким образом, сложившаяся на Северо-Западе совокупность институтов создает своего рода «страховочную сеть», которая, с одной стороны, не дает межгосударственным отношениям сократиться ниже критического уровня, а с другой — служит площадкой неформального диалога и позволяет сохранить позитивный потенциал взаимодействия, который может стать опорой для восстановления политических отношений в будущем.

Список литературы

1. Борко Ю. А. Россия — Евросоюз: от стратегического партнерства к холодному миру // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2013. № 30. С. 4—10.
2. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. «Северное измерение»: стратегии участников // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 55—63.
3. Колосов В. А., Зотова М. В., Попов Ф. А. и др. Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Ч. 1. Глядя на Запад // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 42—59.
4. Колосов В. А., Себенцов А. Б. Процессы регионализации на Севере Европы и программа «Северное измерение» в отражении российского политического дискурса // Балтийский регион. 2019. № 4. С. 76—92.
5. Кондратьева Н. Б. Россия — ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры // Современная Европа. 2014. № 4. С. 33—47.
6. Медведев С. Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 10. С. 23—33.
7. Михайленко Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс: Екатеринбург, 2014.
8. Себенцов А. Б. Институциональное измерение приграничного сотрудничества в российском приграничье // Региональные исследования. 2018. № 3. С. 66—75.

9. *Стратегия* национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. URL: kremlin.ru/supplement/424 (дата обращения: 20.04.2020).

10. Себенцов А. Б., Колосов В. А. «Северное измерение» отношений России и ЕС: опыт пространственного анализа дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Географическая среда и живые системы. 2020. № 2. С. 28—43.

11. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32—41.

12. Aalto P., Blakkisrud H., Smith H., eds. *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. Brussels, 2008.

13. Fawcett L. *Regionalism from an Historical Perspective* // *The Global Politics of Regionalism*. L., 2005. P. 21—37.

14. Kazharski A., do Nascimento Tabosa C. New patterns of securitization in Central and Eastern Europe // *Theorizing Security in the Eastern European Neighbourhood: Issues and Approaches* / R. Q. Turcsányi, M. Vorotnyuk (eds.). Bratislava ; Kyiv, 2018. P. 60—81.

15. Sebentsov A. B. Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach // *Geography, Environment, Sustainability*. 2020. 13(1). P. 74—83.

16. Staalesen A. Rebel region Finnmark slams door to Oslo government // *The Barents Observer*. 2018. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/life-and-public/2018/08/rebel-regionfinnmark-slams-door-oslo-government> (дата обращения: 20.04.2020).

Сведения об авторах

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, профессор, зам. директора Института географии РАН, Россия.

E-mail: kolosov@igras.ru

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН, Россия.

E-mail: asebentsov@igras.ru

The authors

Prof. Vladimir A. Kolosov, Deputy Director of the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (IGRAS, Moscow), Russia.

E-mail: kolosov@igras.ru

Dr Aleksander B. Sebentsov, Institute of Geography, senior researcher, Russian Academy of Sciences (IGRAS, Moscow), Russia.

E-mail: asebentsov@igras.ru

УДК 911.3

M. Pacuk¹

¹ University of Gdansk (Gdansk, Poland)

CONTEMPORARY FOREIGN MIGRATIONS OF POLES WITH SPECIAL FOCUS ON TARGETED NORDIC COUNTRIES

The paper presents scale, dynamics and directions of foreign migrations of Poles following the accession of Poland to the European Union. Emigration from Poland is definitely European in nature and one of its main causes is the unfavourable situation on the internal labour market. Poles have become the representatives of the largest migration stream in Europe.

В статье представлены размеры, динамика и направления внешней миграции поляков после вступления в Европейский союз. Эмиграция из Польши носит явно европейский характер, и к основным ее причинам относится неблагоприятная ситуация на внутреннем рынке труда. Поляки стали представителями самого большого миграционного потока в Европе.

Keywords: foreign migrations, labour market, emigration of Poles, Nordic countries.

Ключевые слова: зарубежные миграции, рынок труда, эмиграция поляков, страны Северной Европы.

Introduction

The article demonstrates the key features of post-accession migration of Poles in the regional aspect. The choice of Nordic countries in the Baltic region resulted from the assumption that advanced social and economic development, the geographical proximity of these countries and the demand for foreign labour were factors for Polish emigrants, which boosted the countries' attractiveness on the European labour market.

The desk research methodology was adopted to study data published primarily by the Central Statistical Office (GUS), which data once segregated and processed led to new conclusions. The use of data already collected by external institutions is mainly of an exploratory nature, and gives a preliminary picture of the problem. At the present stage of studies, secondary data are sufficient for informative needs with no call for conducting primary studies.

© Pacuk M., 2020

Since 2007 the Central Statistical Office (GUS) publishes annual estimations on the figures and directions of temporary emigration from Poland (the so-called migration resources of Poles in other countries). These data cover persons temporarily living abroad (in the years 2004—2006 for a period of over two months, since 2007 for over three months) and also take into account persons who spend several years abroad but never resigned from their permanent residence in Poland. The estimates do not embrace seasonal emigration of Poles, which because of their short stay (usually less than three months) are subject to simplified formal procedures in the majority of European countries or are not recorded at all. The census carried out in 2002 provided the grounds for the statistic figures up to 2008. In later years, the census in 2011 and foreign sources gave the basis for the estimates. Due to the complexity of contemporary migration from Poland, the scale of the migration phenomena may be only estimated. Procuring data about the real scale of the phenomena from a given study or register is exceptionally difficult, thus Polish migration statistics apply the solution of combining accessible statistical data and administration sources both in the country and abroad to produce relevant estimates. These results should be interpreted as approximations, which primarily indicate trends and direction of travel chosen by Poles [6].

The lack of administration control over the scale of contemporary migration from Poland, means that the number of Poles staying abroad is difficult to access in statistical terms and may fluctuate in particular years [8].

Migration of Poles abroad after 2004

Labour migration to Western Europe has a long tradition. At the turn of the twentieth and twenty first century, seasonal trips dominated with seasonal labour of Poles becoming the key feature of Polish labour migration following the lifting of visa duty by West European countries in 1989. The decisive majority of migrants chose Germany, United States and Canada as the target countries [4].

Following the accession of Poland to the European Union (EU), mass migration became apparent with Poles representing the main migration stream in Europe². The expansion of EU, in 2004, meant the introduction of beneficial legal solutions for emigrants, which had a meaningful impact on the volume and the directions of migration³. According to the national census of 2002, approximately 786 thousand Polish residents stayed abroad and 80% for a period of at least one year. In 2004, this number increased to 2 270 thousand and in 2017 numbered 2 540

---

²The extent of labour oriented migration after 2004 did not destabilise the social and economic situation in Poland and in countries receiving employees [4].

³With Poland's accession to the EU, the system of mutual recognition of professional and vocational qualifications came into force and accelerated the migration of medical staff, who earlier faced problems in finding recognition of their diplomas and protection of some local labour markets [13].

thousand (Figure 1). Following the drop in the number of Poles temporarily living abroad in the years 2008—2010⁴, the figures in 2014 mark growing migration volumes in other countries.

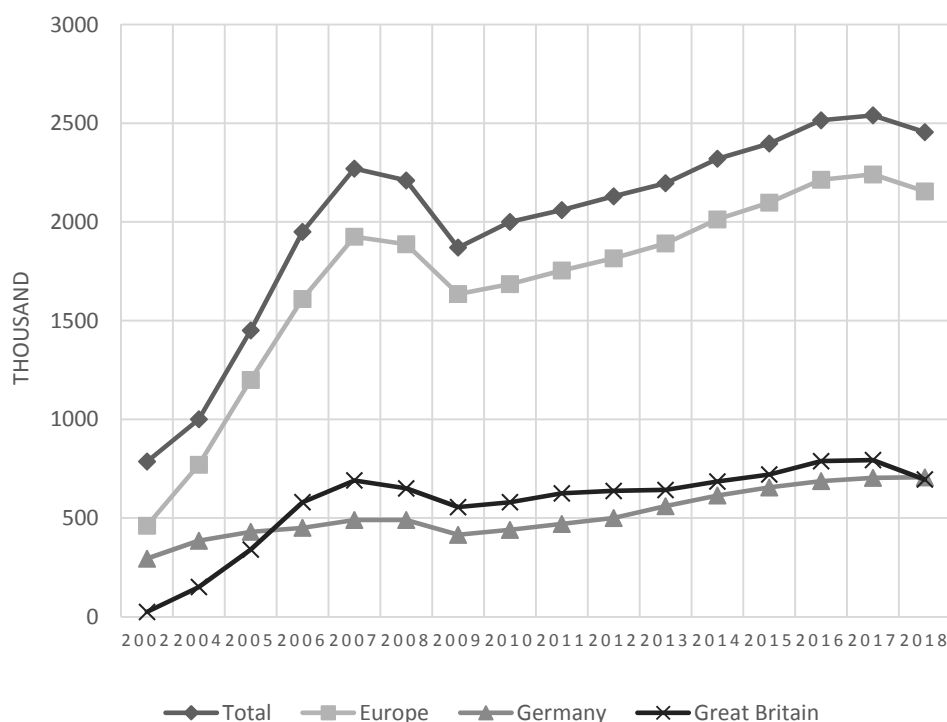

Fig. 1. Emigration from Poland for temporary stay in the years 2002 and 2004—2018 (the number of persons staying abroad at the end of the year, estimated figures)

Source: own study based on [5; 6].

Temporary migration in the majority of cases is work related. GUS data shows that approximately 73% of emigrants travel abroad with the intension of undertaking employment. The percentage was similar for both short-term emigrants (staying abroad for 3 to 12 months) as for long-term emigrants (staying abroad for 12 months or longer) [10].

Estimates regarding the labour force flow between Poland and other countries of the European Economic Area (EEA), in the initial years following accession to the EU, indicate that annually 800 to 900 thousand Polish citizens found legal em-

⁴Available data indicate that the scale of international flow of employees falls with the appearance of signs of an economic slowdown [7].

ployment in the EEA. These figures clearly exceeded those noted in the period directly before the accession of Poland to the EU [4]. The key factors affecting the directions of labour force flow were: decisions of receiving countries on liberalisation of access to the labour market, the demand for foreign labour on local labour markets, living standard in the receiving country, and also historical factors, geographical location and existing migration networks, i. e. the system of interpersonal relations like kinship and friendship linking former and non-immigrants in countries of origin and target countries⁵ [1].

Other important factors increasing migration flow from Poland include [3, p. 39—40]:

- The appearance of the demographic peak on the labour market in Poland, which the Polish labour market could not absorb,
- The growing rate of higher education graduates thanks to the growing number of private educational institutions,
- An unremitting high non-employment rate among graduates of Higher Schools of education,
- The surplus of specialists, which the labour market could not take in,
- Earnings that did not satisfy individual needs.

The post accession period demonstrated special migration features — not only the scale of the phenomena but also the dynamics, the direction and population structure of people leaving the country.

The opening of labour markets in Europe, the possibility of low cost travel and improved material status, thanks to employment in EU countries, slowed down emigration to other countries (mainly the United States and Canada). Germany, due to the country's proximity and other conditions, was the main emigration target for emigrants from Poland and continued to remain an important target country, but in 2006, it ranked second after Great Britain, which together with Ireland and Sweden opened their labour markets as early as in 2004. Great Britain and Ireland noted the greatest hike of temporary stay migrants [16]. The data of Great Britain's Workers Registration Scheme (WRS) shows that in the period 1.05.2004—30.09.2007 Poles constituted the most numerous group of immigrants in the country (approx. 66% inflow from new EU members) [8].

At present, countries hosting the most numerous groups of emigrants holding Polish citizenship comprise: Germany (706 thousand in 2018), Great Britain (695 thousand), The Netherlands (123 thousand), Ireland (113 thousand) and Italy (90 thousand). A significant number of Poles also live in Scandinavian countries — Norway (86 thousand), Sweden (51 thousand) and Denmark (34 thousand).

---

⁵Networking reduces emigration related risk and contributes to an accelerated scale of migration. The majority of Poles hold a social capital useful in the migration process. Over two thirds of adult Poles (69%) have someone abroad. Every seventh (14%) Pole has personal experience in working abroad, every tenth (10%) has a close person (someone from the household) working abroad [11].

The dynamics of migration transferral is greater for temporary stay than for permanent migration. Permanent migration is merely a fraction of real flow and only some of the temporary stays translate with time to permanent stay abroad [12]. After 2004, the emigration figures clearly rose in this category as well (Fig 2).

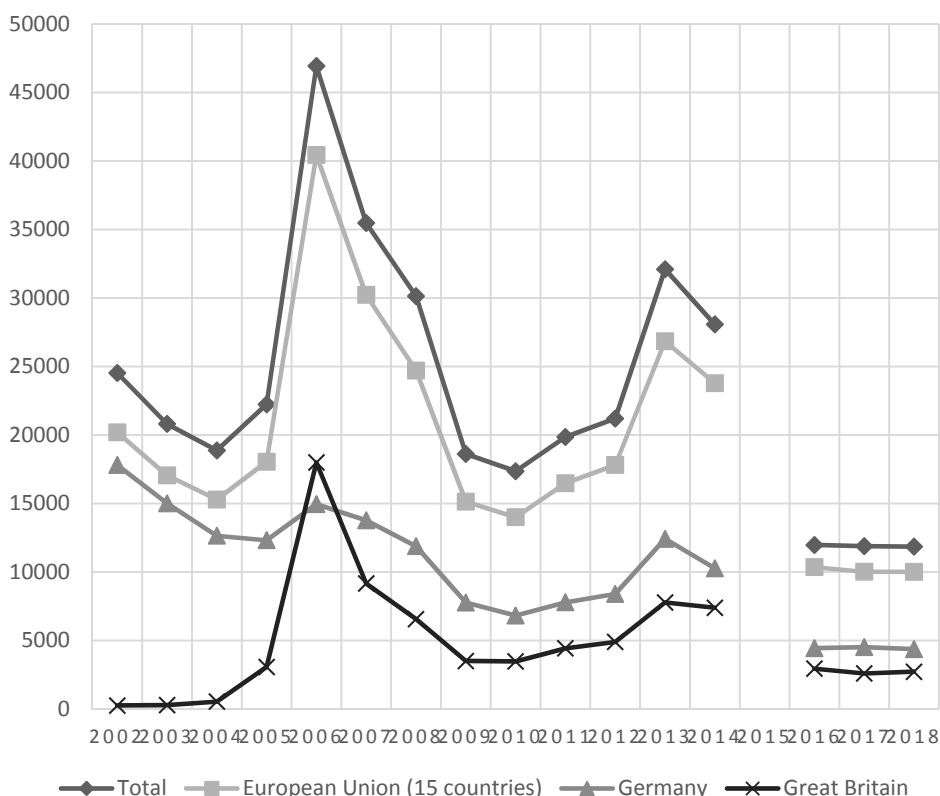

Fig. 2. Migration abroad for permanent stay in the years 2002—2018*

* Lack of data for the year 2015

Source: own study based on [15].

Polish labour oriented migration attracts mainly young people. The most numerous group is aged 25—29 (approx. 380 thousand), 30—34 and 20—24. Approximately 83% of the populations staying abroad for more than three months in 2011 were of production age, and nearly 63% in production and mobility age (below the age of 45) [10].

The mobility of relatively better-educated individuals rose compared to the pre-accession migration period. The new accepting countries enjoying increased atten-

tion following accession to the EU attract younger migrants, better-educated (e. g. Great Britain). Older emigrants, not as well educated, dominate in traditional target countries of Polish emigration (e. g. Germany) [3].

In 2018, for the first time since 2010, the size of the Polish immigration resources in other countries decreased, mainly in Great Britain. The falling number of new migrations abroad and the number of individuals returning to the country probably resulted from the improved situation on the Polish labour market, low unemployment rate, and in the case of Great Britain, the sense of insecurity related to Brexit. Similarly as in previous years, the dominating motivation for moving abroad was the intention of undertaking employment. Compared to 2017, the most significant changes concerned Great Britain where the number of temporary immigrants fell by 12%. A minor rise in the number of Poles was noted in Germany as well as in Denmark, Sweden, Norway and Iceland. In 2018, the most numerous group represented was aged 30—39, whereas 10 years earlier the leading group was aged 20—29. We may assume that the majority of people, who moved abroad in the early years following Poland's accession to the European Union remained abroad [6].

Emigration was assessed to have positively influenced the social and economic condition of Poland — the money transfers to family members by employed emigrants is estimated at 12—14 billion zloty annually, migration became a significant factor affecting the dropping unemployment rate in Poland. Nonetheless, deficits in labour force have generated problems in some regions and sectors [4].

Emigration of Poles to Nordic countries

Sweden is the sole Nordic country, which opened the labour market to the citizens of new EU member states as early as on 1 May 2004. Other countries in the region controlled the flow of people combining a restrictive policy with selective liberalisation in sectors in which the demand for labour force was the highest. In the years 2004—2006, Norway and Denmark had a more liberal immigration policy than Finland or Iceland [2]. In 2006, the remaining two countries opened their labour markets with Denmark opening up in 2009. The active interest of employers from receiving countries substantially influenced labour force flow (in 2006 Danish and Norwegian companies recruited in Poland).

According to GUS, in the years 2004—2018 emigration from Poland for temporary stay to Nordic countries showed a growing trend, particularly to Sweden and Norway (Figure 3). Permanent emigration in the years 2004—2018 demonstrated a similar trend with minor wavers in the years 2009—2010.

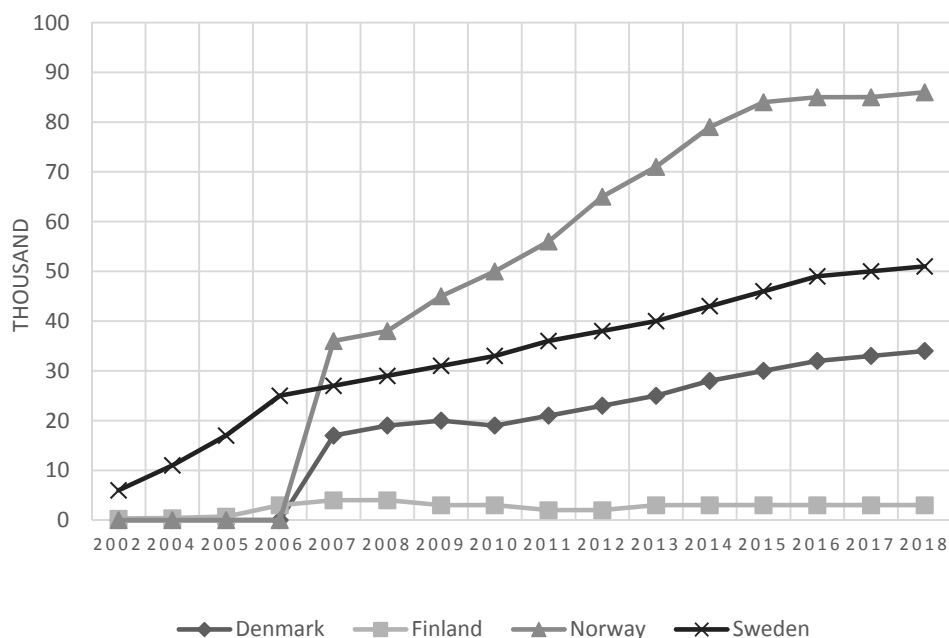

Fig. 3. Emigration from Poland to Nordic countries for temporary stay in the years 2002 and 2004—2018 (the number of persons staying abroad at the end of the year, estimated figures)

Source: own study based on [5; 6].

The number of issued E101 forms, which provide grounds for assessing the volume of services provided abroad (the certificate is issued to persons delegated on business abroad and self-employed persons in other countries) testify the strong growth of interest in Scandinavian countries, primarily Norway. Polish diplomatic services assess that 120—130 thousand Polish citizens could have been staying there both permanently and as temporary migrants in 2007. By 2006, among approximately 55 thousand permits for citizens of new member states (UE-8), 45 thousand were issued to Poles. Sweden also noted a rising trend with the number of permits for settlement granted to Poles increasing from 2.5 thousand in 2003 to approximately 7 thousand in 2006 [8]. Structure analysis of work permits in Nordic countries indicates that Polish applications are the most common. Finland is an exception with Estonians dominating among applicants [9].

Analysing the gender structure of immigrants from Poland we can note that emigration to Nordic countries is of a very much masculine nature. In 2013, men comprised 66% of individuals migrating to Norway, 61% to Denmark, 58% to

Finland and 54% to Sweden [17]. This phenomena is related to the employment structure in receiving countries, primarily in agriculture, gardening, forestry and fishing, construction, industry, communication and trade, tourism and catering.

There is a correlation between the choice of target country and Voivodeship residence. Inhabitants in Pomorskie and Zachodniopomorskie Voivodeships chose most often Scandinavian countries, i. e. Denmark, Norway or Sweden. This phenomena, in the case of permanent stay, was most vivid in 2014 and in 2018, when the inhabitants of the two voivodeships constituted 38% in 2014 and 43% of migrants in 2018 to Norway, and to Sweden about 30% in both mentioned periods [15].

Norway is the biggest recipient of employees from the former Eastern Block⁶. According to official data, Norway hosted 35.9 thousand Poles in 2009, which was approximately 5% of immigrants in the country (Poles form the biggest group among representatives of foreign countries living and working in Norway). Nevertheless, in view of the fact that many Poles fail to register, the actual number oscillates in the range 130—160 thousand reaching a peak in summertime and in seasonal workperiods. Polish citizens are the most numerous employee group among new member states (approx. 65%, followed by Lithuanians and Latvians). The construction sectors is the main employment sector for Poles. The attractiveness of Norway for work and stay results from the general life standard, safety, easiness in dealing with daily issues. The well-developed social aid system and state benefits, as well as the wide access to various forms of training facilitate the migrants' adapting process [14]. This country was one of the few, which introduced an active policy of encouraging Poles to come and take up employment.

In Sweden, Poles form the biggest group of migrants from new EU member states (before Lithuanians and Latvians). New labour migrants include individuals who undertake legal and illegal employment. According to estimates, the pool of migrants with unregulated legal status reads nearly 20 thousand and shows a growing trend in spring and summer with the inflow of seasonal workers. A structure analysis of inflowing migration shows a clear change in the structure profile compared to the period prior to accession. The new migration wave can be divided into three categories. The first group represents the typical labour oriented migration with individuals travelling between Poland and Sweden, working several months and transferring their earning to the home country, who usually find employment in the construction business, agriculture and other professions, which do not require high qualifications. The second category represents highly qualified employees who work on a contract basis, among them physicians, nurses, engineers and other specialists in the construction sector. The third group, which grows most quickly, includes people coming with their families with the intension of settling and working in Sweden [14].

---

⁶The situation is connected with an economic boom of that country based on the exploitation of rich crude oil resources and well-developed shipyard and fish industries.

In December 2006, nearly 4.5 thousand Polish citizens were employed in Denmark. The considerable number of vacancies, estimated at nearly 20 thousand jobs hints that the number of Poles employed in Denmark shall grow [4]. Poles employed in Denmark add up to 40% of employed UE-8 citizens (Lithuanians and Latvians rank next).

Finland represents the only country where Poles do not dominate among employees from new member states (the Estonians are in the lead with a 60% share). The number of legally employed Poles is estimated at 3.4 thousand. In summer months, the count of illegal employees from Poland working in agriculture reads nearly 10 thousand. The share of Finland in employing Poles is dropping [4].

Summary

The study above leads to formulating the following conclusions.

Emigration from Poland is generally labour oriented and one of the key underlying reasons is the unfavourable condition of the internal labour market. Following the accession of Poland to the European Union, both migration for temporary and permanent stays have hiked. Migration is clearly of a European character. Approximately 85% of Polish migrants choose European countries. Migration figures are underestimated as not all long-term emigrants resign from their declared residence and not all report temporary stay abroad.

Polish emigrants are generally young, relatively well-educated and choose English speaking countries, but emigrants also include relatively older individuals, less educated, who choose traditional for Poles emigration target countries.

Norway and Sweden enjoy the greatest popularity among Polish emigrants in the region of Scandinavian countries. The situations stem from the early decision to open the labour market for foreigners (Sweden), the labour market structure and conditions offered which favour the employment of Poles. Work in Nordic countries attracts predominantly men due to the profile of available jobs. This trend is particularly clear in Norway and Denmark. A significant group of migrants from Poland are qualified employees.

The impact of Polish emigrations on the economy is wide ranging, causing changes on the internal labour market and in the demographic situation.

References

1. *Barwińska-Małajowicz A.* Polskie migracje zarobkowe na początku XXI wieku — znaczenie sieci migracyjnych // *Gospodarka Narodowa*. 2012. №7—8. S. 117—141.
2. *Bobrowska A.* Migracje Polaków po przystąpieniu do Unii Europejskiej // *Colloquium Wydziału Nauk Humanistycznych i Społecznych*. 2013. T. 2, №10. S. 49—64.
3. *Danilewicz W.* Wybrane cechy i strategie poakcesyjnych migracji z Polski // *Warmińsko-Mazurski Kwartalnik Naukowy*. 2012. № 1. S. 33—49.
4. *Duszczyk M., Wiśniewski J.* Analiza społeczno-demograficzna migracji zarobkowej Polaków do państw EOG po 1 maja 2004 roku. Warszawa, 2007.

5. *Informacja* o rozmiarach i kierunkach emigracji z Polski w latach 2004—2010. Warszawa, 2011.
6. *Informacja* o rozmiarach i kierunkach czasowej emigracji z Polski w latach 2004—2018. Warszawa, 2019.
7. *Kaczmarczyk P.* Kryzys a decyzje migracyjne Polaków. Warszawa, 2010.
8. *Kaczmarczyk P. (ed.)* Współczesne migracje zagraniczne Polaków. Aspekty lokalne i regionalne. Warszawa, 2008.
9. *Kozielska J.* Poakcesyjne migracje zarobkowe. Kontekst teoretyczno-empiryczny. Wsparcie społeczne. Poznań, 2014.
10. *Migracje* zagraniczne ludności. Narodowy spis powszechny ludności i mieszkań 2011. Warszawa, 2013.
11. *Poakcesyjne* migracje zarobkowe. Komunikat z badań. Warszawa, 2013.
12. *Poprawa* jakości i dostępności statystyki migracji zagranicznych. Raport finalny. Warszawa, 2007.
13. *Puzio-Waławik B.* Społeczno-ekonomiczne skutki migracji Polaków po akcesji Polski do Unii Europejskiej // *Zeszyty Naukowe Polskiego Towarzystwa Ekonomicznego*. 2010. №8. S. 179—192.
14. *Raport* o sytuacji Polonii i Polaków za granicą. Warszawa, 2009.
15. *Rocznik Demograficzny*. Warszawa, 2008; 2011; 2015; 2019.
16. *Zagraniczna* migracja zarobkowa. Raport pobadawczy. Szczecin, 2009.
17. *Zakres* danych o migracjach zagranicznych i ochronie międzynarodowej oraz ich dostępność w świetle Rozporządzenia (WE) nr 862/2007 Parlamentu Europejskiego i Rady z dnia 11 lipca 2007 r. w sprawie statystyk Wspólnoty z zakresu migracji i ochrony międzynarodowej. Warszawa, 2016.

The author

Dr Małgorzata Pacuk, senior specialist in science, University of Gdansk, Poland.
E-mail: malgorzata.pacuk@ug.edu.pl

Об авторе

Малгожата Пацук, доктор географических наук, научно-технический специалист, Гданьский университет, Польша.
E-mail: malgorzata.pacuk@ug.edu.pl

УДК 316.422+332.05

В. В. Воронов¹

¹ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
(Москва, Россия)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ И ЛАТВИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются особенности функционирования малых городов в регионах России и Латвии. Выявлены факторы, определяющие возможности и ограничения их развития на основе опроса экспертов (представителей органов власти, бизнеса, общественности обследуемых городов).

The features of the functioning of small towns in the regions of Russia and Latvia are considered. The factors that determine the possibilities and limitations of their development were revealed on the basis of a survey of experts (representatives of government authorities, business, the public of the surveyed cities).

Ключевые слова: малые города, факторы развития, опрос экспертов, Россия, Латвия.

Keywords: small towns, development factors, expert survey, Russia, Latvia.

Введение

В современной России из 1114 городов 792 являются малыми (≤ 50 тыс. чел.). В них проживают свыше 16 млн чел., или около 12 % населения страны. Геополитические и социально-экономические трансформации России после 1991 г., образовали комплекс проблем для развития малых городов, который можно охарактеризовать одним словом — «разруха»: закрытие или сокращение градообразующих предприятий, узкая специализация рынка труда без прямой возможности перепрофилирования, обветшание городской инфраструктуры, снижение уровня и качества жизни, социально-трудовая маргинализация населения (особенно молодежи), отток населения и многое другое. Это оказывает растущее влияние на повышение конфликтности и риски нарушения государственной устойчивости и безопасности пространственного развития страны [3]. Аналогичные процессы демонстрируют 72 малых города Латвии, в которых (всего в стране 76 городов) проживает около 25 % населения страны. В Латвии значительная часть населения мигрирует из сельской местности в города и прежде всего в столицу Ригу, где сосредоточено 36,4 %

© Воронов В. В., 2020

населения страны. В стране преобладает центростремительная структура населения, дорожного движения, экономического развития. Основные проблемы малых городов Латвии сегодня — кризис рынка труда и развития инфраструктуры, сокращение численности жителей, снижение качества жизни (невысокая заработная плата, спад объемов производства товаров и услуг, проблемы бюджетной эффективности из-за устойчивого дефицита, который нуждается во внешних средствах). В таком положении находится большинство малых краевых и районных городов Латвии вне агломераций, но в наибольшей степени это касается периферийных городов страны.

Эмпирическая база исследования

Современный процесс пространственного городского развития реализуется и адаптируется к действительности с учетом мнения разных акторов: местных органов власти, бизнеса, объединений, ассоциаций, профсоюзов, НКО, образовательных учреждений, политических групп, отдельных граждан [2]. Это предполагает постоянный всесторонний научный мониторинг результативности проводимых мер. В этой связи для выявления возможностей и барьеров в социально-экономических и политико-управленческих практиках, применяемых в отношении малых городов России, в июле — августе 2019 г. было проведено социологическое исследование 16 малых городов в восьми российских федеральных округах на базе структурированных глубинных интервью с экспертами (N = 80) [1]. По такой же методике в январе — феврале 2020 г. в Латвии было осуществлено социологическое пилотное исследование 20 малых городов в пяти регионах страны (N = 25).

Большинство вопросов экспертной анкеты включало оценки по 10-балльной шкале (1 — низкая оценка, 10 — высокая) разных сторон жизни и деятельности малых городов. При этом они были нацелены на выявление двух аспектов этой жизнедеятельности: существующих практик развития малых городов; стратегий их развития.

Отбор респондентов осуществлялся с целью представленности различных активных акторов в малых городах и распределения их компетенций. Результаты опроса респондентов были обработаны в программе SPSS.

Существующие практики жизнедеятельности малых городов России и Латвии

Для лучшего понимания взаимодействий разных уровней власти относительно малых городов экспертам был задан вопрос *«Каково влияние центральной государственной власти (законодательной и исполнительной) на различные виды жизнедеятельности вашего малого города?»* Ответы российских экспертов показали ситуацию преобладания вынужденной автономии местной власти, недостаточно подкрепленной ресурсами и поддержкой центральной власти. Современная политика России фактически направлена

на развитие больших городов, а малых — лишь в агломерациях с большими. Поддержку российских местных самоуправлений федеральной властью в инвестициях, организации территориальной производственной деятельности и в социальной сфере большинство российских экспертов оценили как недостаточную. А вот влияние федеральной власти на кадровую политику местных самоуправлений почти половина респондентов оценила как очень высокое, вплоть до «ручного управления» (половина ответов), что свидетельствует о преобладании авторитарного характера федеральной власти.

В Латвии ситуация схожая, кроме кадровой и бюджетной политик. Ответы экспертов показали ситуацию весьма значимой поддержки республиканской центральной властью местной власти в бюджетных вопросах. Две трети респондентов отметили достаточно высокое значение такой поддержки. Менее благоприятная ситуация наблюдается с поддержкой местных самоуправлений центральной властью в инвестициях: немногим более половины респондентов отметили ее среднее значение и $\frac{1}{5}$ дали низкую оценку. Местные муниципалитеты сами ищут способы и источники развития в условиях узкого внутреннего рынка.

Вопрос экспертам *«Насколько, по вашему мнению, организовано и активно в городе местное бизнес-сообщество?»* показал разную оценку в России и Латвии. В России $\frac{2}{3}$ респондентов оценили уровень организации и активности местных бизнес-сообществ как средний и высокий. В Латвии более $\frac{2}{3}$ респондентов — как средний и низкий. Однако значение местных бизнес-сообществ для развития малых городов эксперты оценили одинаково сдержанно: за их активностью стоят лишь корпоративные интересы, которые не всегда работают на общие городские интересы.

Следующий вопрос *«Насколько, по вашему мнению, организовано и активно местное гражданское сообщество в городе?»* также получил неоднозначные ответы респондентов соседних стран. В России большинство респондентов считают, что социальная активность больше присуща старшему поколению, чем молодежи (в Латвии так думает лишь пятая часть респондентов). Эксперты в обеих странах отмечают проблемы несогласованности действий различных местных гражданских сообществ. В России присутствует и определенный пессимизм в отношении социальной активности жителей, когда многие перестали верить в то, что могут что-то изменить. Как отмечают отдельные российские эксперты, лишь общее дело и общая беда продолжают спланивать русских.

Также экспертам было предложено ответить на следующую тему *«Оцените роль крупного частного бизнеса (иностранного, отечественного): торгового, производственного, финансового — в вашем городе по основным показателям: инвестиции в реальный сектор экономики города, обеспечение занятости на местном рынке труда, поддержка социальной сферы, влияние на приоритеты городского развития».*

Типично мнение российских экспертов о том, что крупному бизнесу малый город с его нуждами не интересен, его интересует лишь получаемая в нем прибыль. Лишь обеспечение крупным бизнесом занятости на местном рынке труда большинство российских и латвийских респондентов оценили как значимое. Ситуация с поддержкой таким бизнесом местных самоуправлений в инвестициях, в социальной сфере (образование, медицина, культура, спорт, социальная защита), в приоритетах городского развития оценивается большинством респондентов в обеих странах как недостаточно значимая.

Для сравнения, экспертам был задан аналогичный вопрос относительно роли малого и среднего бизнеса в развитии российских и латвийских малых городов. Ситуация с поддержкой малым и средним частным бизнесом местных самоуправлений в инвестициях, в социальной сфере (образование, медицина, культура, спорт, социальная защита), в приоритетах городского развития, оценивается большинством российских и латвийских респондентов так же как недостаточно значимая. Это свидетельствует о положении выживаемости малого и среднего бизнеса в российских и латвийских малых городах под прессом фискальной и монетарной политики их государств. Обеспечение занятости на местном рынке труда оценивается, наоборот, как весьма высокое.

Экспертам было также предложено охарактеризовать роль органов правопорядка на местном уровне: *«Оцените значимость и роль силовых структур (полиция, прокуратура и другое) в обеспечении законности и правопорядка в вашем городе»*. Их важность в обеспечении законности и правопорядка в малых городах оценивают как среднюю и высокую значительное большинство российских и латвийских респондентов ($4/5$). По их мнению, повышение роли силовых структур во многом зависит от эффективности управления и кадровой работы местной власти и ее результативного взаимодействия с вышестоящей властью в этой сфере. Это свидетельствует, особенно в Латвии, как о законопослушности большинства граждан, так и о доверии с их стороны органам внутренних дел.

Взгляд на текущую ситуацию жизни малых городов был сформулирован вопросом *«Как вы оцениваете в целом сегодняшнюю социально-экономическую жизнь в вашем малом городе?»* Ответы на него показали, что большинство российских и латвийских респондентов рассматривают ситуацию с социально-экономическим положением в обследуемых городах как «вялотекущую» по благополучию и по занятости жителей. Общую ситуацию выражает типичное мнение российского эксперта из периферийного малого города: *«Промышленность, предприятия — это должно быть главным, а у нас их практически нет, люди работают в основном в сфере обслуживания, и лишь этот рынок развивается»*.

Также экспертам было предложено охарактеризовать влияние различных внешних и внутренних факторов на текущую социально-экономическую ситуацию в городе: *«Оцените степень влияния следующих факторов на соци-*

ально-экономическое развитие в вашем городе в целом». Выделим наиболее значимые ответы респондентов, касающиеся факторов, влияющих на состояние и динамику социально-экономических процессов в малых городах. Большинство ($\frac{4}{5}$) российских и латвийских респондентов считают значительными экономические факторы влияния на текущую социально-экономическую ситуацию во многих малых городах: фискальная, а не стимулирующая налоговая политика их государств, недостаточная инвестиционная политика, необходимость бюджетной обеспеченности развития города. Ответы экспертов показали, что в условиях господства рыночных отношений во всех сферах жизни резко снизилось влияние традиционных для российского и латвийского обществ ценностей, морали, справедливости. Их низкую и среднюю значимость отметили большинство респондентов обеих стран. Высокую значимость у большинства из них получили факторы «глубокого социального неравенства» и «неблагоприятной демографической ситуации». В хозяйственном аспекте развития малых городов большинство российских и латвийских респондентов ($\frac{4}{5}$) высказали мнение о высоком влиянии на ситуацию уровня «научно-технического и технологического развития». Как недостаточно значимое они оценили влияние самоуправлений на развитие межрегиональных связей, пространственно-территориальной организации их взаимодействия.

Большинство респондентов в своих ответах отметили значимое позитивное влияние «наличия в городе производственных предприятий общегосударственного, регионального, местного значения», «наличие средне- и высокотехнологичных предприятий», «объема рынка сбыта продукции местных предприятий в регионе, стране». Также значимо оценили эксперты влияние на ситуацию городского развития трех других взаимосвязанных факторов: «потенциала ресурсов: трудовых, инвестиционных, природных, энергетических», «развитие местной промышленности, филиалов региональных, общегосударственных предприятий средних и высоких технологий» и «рост производства за счет реструктуризации существующих производств, повышения их технологичности». Здесь большая роль принадлежит государству, которое должно способствовать различными мерами (экономическими, административными) развитию разнообразных видов предприятий, особенно высокотехнологичных, с разными формами собственности, именно в малых городах, что пока еще редкое явление и в России, и в Латвии.

Еще один вопрос касался развития человеческого потенциала и капитала в обследуемых малых городах: «Достаточно ли, на ваш взгляд, в вашем городе таких организаций, учреждений (и мест в них) для развития человеческого потенциала, как детские сады, школы, техникумы (колледжи), вузы, клубы, библиотеки, медицинские учреждения, спортивные площадки, секции, залы?» Из ответивших $\frac{2}{3}$ российских и латвийских респондентов отметили достаточное количество школ, библиотек, при этом недостаток вузов (филиалов вузов и колледжей), медицинских учреждений в малых городах, что

неизбежно ведет к оттоку молодежи из них. По остальным организациям (клубы, спортивные площадки, секции, залы) мнения респондентов обеих стран разделились примерно поровну.

Для устойчивого функционирования малых городов необходим мониторинг существующих проблем и эффективное их преодоление. Экспертам был задан вопрос: «*Каким вы видите основные проблемы вашего города, требующие решения (занятость, жилье, развитие малого и среднего бизнеса, возможности для досуга молодежи и других групп жителей, экология, инфраструктура, градостроительная политика и другое)?*» Высокую значимость в оценках большинства российских и латвийских респондентов имеет проблема «занятости молодежи после окончания учебы». Такую же значимость получила проблема «занятости других трудоспособных профессиональных групп с достойной оплатой труда», поскольку бедность тех, кто трудится, приобретает острую актуальность в современном обществе.

Как проблему высокой значимости больше половины российских и латвийских респондентов отметили необходимость «взаимодействия на постоянной основе власти, бизнеса и общественных организаций». Также более половины указали на «сложности в развитии малого и среднего бизнеса». В числе среднезначимых проблем жизни малых городов $\frac{2}{3}$ российских и латвийских респондентов отметили недостаточную «эффективность реализации муниципальных программ», «качество жилья и его доступность», еще $\frac{2}{3}$ респондентов упомянули лишь одну проблему, которая в основном решена: «качество связи: телефонной, мобильной, интернета».

Стратегии развития малых городов России и Латвии

Важную роль в современной стратегии развития малых городов играет фактор «брендинг места», показывающий их ценности, репутацию, сформированные стандарты жизнедеятельности. Этот инструмент повышает привлекательность малого города посредством планов развития, выявления новых направлений его пространственного роста через включение города в систему региональных, национальных и международных связей. Поэтому экспертам был задан вопрос: «*Что в наибольшей степени формирует бренд (лицо) вашего города (символы, события, люди, медиа, география)?*» Наибольшую значимость среди указанных факторов, по оценкам российских и латвийских респондентов, получили символы: архитектура, трудовая, военная, религиозно-подвижническая слава и т. п. в истории города. Также большинство респондентов обеих стран отметили высокую значимость для малого города его месторасположения и особенностей окружающей природы. Большинство российских и латвийских экспертов указали на недостаточную значимость медиа в формировании бренда города, слабую популяризацию различных фактов жизнедеятельности города в региональных и федеральных СМИ для расширения коммуникационных возможностей.

Исследователи обратились к экспертам России и Латвии с вопросом о возможных барьерах в решении проблем развития малых городов: «*Что, по вашему мнению, препятствует развитию вашего малого города?*» Оценки респондентов обеих стран показали высокую значимость двух барьеров, мешающих решению проблем развития малых городов: «фискальный, а не стимулирующий характер налогообложения» и «низкие доходы трудового населения», что характерно для всех периферийных малых городов вне агломераций. В Латвии более $\frac{2}{3}$ респондентов отметили в качестве препятствия развитию малых городов «деградацию социальной сферы ввиду слабых возможностей ее развития: образования, культуры, здравоохранения, социальной защиты, физкультуры и спорта». В России же большинство респондентов считают, что этот барьер оказывает незначительное влияние на развитие малого города. Другие барьеры получили оценку средней значимости у большинства российских и латвийских респондентов: «отсутствие предприятий с востребованной продукцией в регионе, стране, за рубежом»; «деградация городского хозяйства ввиду слабых программ и возможностей его развития» (износ объектов коммунального хозяйства и инженерных коммуникаций, плохие дороги и др.). Эти оценки свидетельствуют о понимании экспертами обеих стран реальных препятствий развития малых городов.

Эксперты в России и в Латвии отметили важность функционирования и развития в малых городах реального сектора экономики. Им был задан следующий открытый вопрос: «*Какие виды производственной деятельности, по вашему мнению, необходимо развивать в вашем городе?*» Большинство российских и латвийских респондентов высказалось за развитие существующих производств, восстановление разрушенных, но уже с современными, наукоемкими технологиями. В российских малых городах преобладает «гаражная экономика» (производство потребительских товаров низкой технологичности). В малых городах Латвии также основную роль играет производство товаров низкой технологичности (деревообработка, продукты питания, легкая промышленность и др.), все больше внимания уделяется развитию туризма (сельского, медицинского и др.) для обеспечения занятости жителей и поступлений средств в бюджет муниципалитетов. Респонденты обеих стран считают, что нужно больше поддержки от самоуправления и государства для обеспечения занятости жителей, особенно молодежи.

В экспертной анкете был сформулирован вопрос «*Как вы оцениваете необходимость изменений общегосударственной политики в отношении развития малых городов в интересах благополучия, порядка, возможностей для большинства их жителей?*» Ответы показали, что такие изменения во многих сферах жизнедеятельности считают необходимыми абсолютное большинство российских и латвийских экспертов. Абсолютное большинство латвийских респондентов высказались за «необходимость изменений в правовой сфере», что связано с дискриминацией отдельных этнических групп в образо-

вании, профессиях, для поддержки «общих ценностей у жителей». Большое значение для будущего малых городов российские и латвийские эксперты придают развитию производственного сектора экономики (кооперация и развитие средне- и высокотехнологичных предприятий разной формы собственности).

Заключительный вопрос исследования касался актуального положения и, особенно, будущего малых городов. Большинство респондентов обеих стран разделяют положение о том, что «сохранение и развитие малых городов способствует воспроизводству традиционных ценностей (семья) и норм жизни (трудовые навыки)». Жители России и Латвии также понимают, что решение нарастающей демографической проблемы в их странах напрямую связано с полицентрическим расселением людей в регионах: в малых городах и в прилегающих сельских районах ребенок — это помощник, а в большом городе — затратный капитал.

Выводы

Исследование показало, что в малых городах России и Латвии местная власть, часть бизнес-сообщества и жители активны и неравнодушны к жизни и судьбе своих городов, у них есть много идей, предложений, практик по сильному выстраиванию будущего малых городов в интересах их развития и благополучия. Жители малых городов России и Латвии вынуждены по-разному (активно, пассивно) адаптироваться к чуждым им по социокультурным кодам и ценностям, рыночным либеральным условиям, они испытывают к ним определенное отчуждение в условиях собственного выживания. При этом надо отметить, что судьба малых городов Латвии выглядит более оптимистично, чем судьба таких же городов России, из-за возможности пока регулярно получать средства структурных фондов ЕС. Последние играют заметную роль в выживании этих городов, поддерживая проекты малого и среднего бизнеса их жителей, участвуя в развитии городской инфраструктуры, хотя для устойчивого развития малых городов этого недостаточно.

Список литературы

1. *Воронов В. В.* Социально-территориальные общности малых городов: экспертное измерение акторов развития // Малые города в социальном пространстве России : монография / отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш ; предисл. акад. М. К. Горшкова. М., 2019. С. 49–65. doi: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019.
2. *Дмитриев А. В., Воронов В. В.* Адаптация и интеграция полиэтнического пространства регионов России: проблемы, рекомендации. М., 2017.
3. *Маркин В. В., Воронов В. В.* Малые города России: экспертное измерение государственной политики // Власть. 2019. № 6. С. 103–108.

Об авторе

Виктор Васильевич Воронов, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия.

E-mail: viktor.voronov@du.lv

The author

Prof. Victor V. Voronov, Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: viktor.voronov@du.lv

УДК 329.63

Н. Л. Туров¹

¹ Институт географии РАН (Москва, Россия)

«НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ» В ЕВРОПЕ: ОТ СЕЦЕССИОНИЗМА К ДЕВОЛЮЦИИ

Рассматривается сущность феномена «нового регионализма» и его проявления в политическом ландшафте Европы. В работе концептуализируется понятие «новый регионализм», приведен критический обзор отличий между «новым» и «старым» регионализмом, характеризуются основные тренды, связанные с изменением структуры регионализма. В «новом» регионализме ключевыми акторами становятся региональные движения и партии. Несмотря на значимость культурно-исторических факторов, основной причиной роста влияния региональных движений называется экономическое неравенство — выделяется «регионализм опережающего развития» и «регионализм отстающего развития». Отмечаются дерадикализация большинства европейских движений и трансформация целей большинства региональных движений: от сецессионизма к деволюции.

The article discusses in detail the essence of the phenomenon of “new regionalism” and its manifestation in the political landscape of Europe. The work conceptualizes the concept of “new regionalism”, provides a critical review of the differences between “new” and “old” regionalism, characterizes the main trends associated with changes in the structure of regionalism. Regional movements and parties are becoming the main actors for the “new regionalism”. Despite the importance of cultural and historical factors, the main reason for the growth of the influence of regional movements is economic inequality — “regionalism of advanced development” and “regionalism of lagging development” are distinguished. Most European movements are characterized by de-radicalization and transformation of goals: from secessionism to devolution.

Ключевые слова: регионализм, «новый регионализм», региональные партии, сецессионизм, деволюция, Европа.

Keywords: regionalism, “new regionalism”, regional parties, secessionism, devolution, Europe.

В последние несколько десятилетий региональные движения пользуются все большей поддержкой, присутствуют практически в каждой стране современной Европы. Их идеология основывается на защите и продвижении определенных территориальных интересов. Активизация регионалистов связана с

ответной реакцией на усиление глобализации и интеграционных процессов в Европе, увеличением числа этнорегиональных конфликтов в мире («эффект домино») и рядом успешных примеров появления новых государств в результате сецессии. Регионы постепенно присваивают некоторые специфические функции государства, такие как самостоятельное решение бюджетных вопросов, установление режима ввоза-вывоза товаров, включены в систему отношений с территориями других государств или даже с отдельными государствами и т. д. [2].

Разброс значений понятия «регионализм» в научной литературе очень велик. К примеру, в классической работе П. Шмитт-Эгнера [10] выделяется пять типов регионализма: «старый» (основывается на праве самоопределения регионов), «новый» (движение за децентрализацию внутри страны), «постмодернистский» (создание привлекательного имиджа региона в глобальном измерении), «транснациональный» (усиление трансграничных связей между регионами) и «межгосударственный» (объединение государств в макрорегионы). В этом исследовании наибольшее внимание уделяется так называемому новому регионализму, в конце XX века пришедшему на смену «старому». Мы придерживаемся определения российского исследователя П. Панова, который трактует регионализм («субнациональный регионализм» у автора) как «идеологию и возникающее на ее основе движение, которое стремится к политическому конструированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс» [3, с. 102].

Концепция «нового» регионализма возникла в конце 80-х гг. XX в., однако до сих пор остается актуальной в политической науке. Сторонники «нового» регионализма большее внимание уделяют культурно-историческому контексту и региональной идентичности, отходят от «жестких» границ и односторонних центр-региональных взаимодействий. В «новом» регионализме ключевыми акторами дезинтеграции могут выступать не только центральные власти (нисходящий регионализм), но и локальные движения и партии (восходящий регионализм) [5]. Регионы в рамках этого подхода понимаются как «динамичные места социального взаимодействия при особом внимании к процессу их становления и способу, посредством которого они конструируются рефлексивными акторами» [11, с. 27]. Некоторые авторы [8] даже заявляют, что регионоцентричная модель (*regioness*) способна заменить сложившуюся государственно-центричную систему международных отношений (*nationstates*).

В концепции «нового» регионализма большое внимание уделено процессу регионального строительства (*region-building*) [7]. Именно европейскому пространству свойственен процесс «конструирования» регионов благодаря политике Европейской комиссии и национальных правительств по передаче все более широких компетенций на региональный уровень — децентрализации, опирающейся на использование символического капитала и потенциала территории. Через Комитет регионов, Конференцию европейских регионов и

городов (*KERS*) и другие институты ЕС поощряет развитие региональной идентичности и расширяет межрегиональные связи. В Западной Европе это влечет дерадикализацию большинства старых региональных движений и высокую институционализацию их политической деятельности [6]. В европейском пространстве ключевым субъектом регионализма становятся региональные политические партии.

Подъем региональных движений пришелся на 70—80-е гг. XX в. во многом из-за роста самоопределения этнических сообществ. В середине 2000-х гг. происходит второй подъем региональных движений, более сильный. Между пиками, в 1990-е гг., наблюдался период разочарования процессами децентрализации и снижения на этом фоне поддержки региональных движений [1]. М. Китинг объясняет появление «нового» регионализма крахом послевоенной модели территориального управления [9]. Важнейшими аттракторами «нового» регионализма на стыке тысячелетий выступили процессы глобализации, европейской интеграции и децентрализации.

«Старые» региональные движения прежде всего опирались на необходимость отделения и создания собственного государства на основе отличной от ядра государства политической культуры. Современные региональные движения все чаще добиваются распределения благ в интересах конкретного региона. Хотя движения и используют сепаратистскую риторику, она выступает средством получения больших межбюджетных трансфертов, чем предполагает значимость региона. Государство может идти на уступки в обмен на прекращение сепаратистской риторики и признание безусловной власти центра. Игнорирование центром ультимативной модели псевдосецессионистских регионов может привести к реальному отделению. В этом случае региональная элита апеллирует к несправедливости региональной политики и пр. Формируется концепция «ущемленного региона», следование которой может легитимизировать сепаратизм. Жители такого региона видят бездействие центральных властей в отношении местных проблем, в дальнейшем ощущают отчуждение от остальной части страны и поэтому сражаются за право влиять на принятие решений по вопросам, касающимся региона.

Все больше движений добивается не отделения, а деволюции, предполагающей передачу максимально возможного объема полномочий региону. Концепт максимальной деволюции (*DevoMax*) рассматривается как конечная цель многих движений и выступает альтернативой сецессии. Вариант деволюции возможен только при компромиссном соглашении между регионом и центральной властью. Деволюция может оказаться как демократической мерой по решению (или сглаживанию) сепаратистской проблемы внутри страны, так и временной мерой по «заморозке» конфликта.

Регионализм в Европе становится настоящим мейнстримом. Так, в Странах Балтии в большинстве регионов субнационального уровня региональные движения получают солидную поддержку на выборах: доля голосов за них даже превышает поддержку региональных партий в «традицион-

ных» ареалах регионализма (Каталония, Корсика, Бавария и т. д.). При этом в странах Балтии нет таких сильных этнокультурных контрастов, как в Испании или Италии.

В классической работе М. Китинга [9] европейское пространство разделяется на три группы регионов в соответствии с их культурой, идентичностью, институтами, характерным гражданским обществом и пр. Однако политический ландшафт современной Европы неразрывно связан с экономическими процессами, именно им уделено основное внимание в исследовании. Современные региональные движения большей частью возникают на территориях, которые по уровню социально-экономического развития отличаются от среднего по стране. Региональные движения появляются в двух случаях: а) наиболее «богатые», экономически развитые территории недовольны системой перераспределения бюджета в стране и стремятся к отделению или интеграции в состав другого государства («регионализм опережающего развития»); б) беднейшие регионы ссылаются на неспособность государства улучшить их положение ввиду слабости центральной власти или / и несправедливого перераспределения ресурсов («регионализм отстающего развития»).

К регионализму опережающего развития относится большинство движений Западной Европы (Каталония, Страна Басков, Падания, Бавария и т. д.). Подобная аргументация использовалась при отделении Словении и Хорватии от Югославии. Генезис центробежных тенденций чаще всего исходит именно из «благополучных» регионов (регионов-доноров). К регионализму отстающего развития можно отнести движения в хорватской Славонии, французской Корсике, бельгийской Валлонии и т. д. Отсутствие очевидных перспектив развития общества в рамках государства также способно привести к сепаратистским тенденциям. Такие тенденции многократно усиливаются при проживании на «бедной» территории этнокультурных сообществ. Примечательно, что идея «регионализма бедных» может стать более популярна не в самом регионе отделения, а в остальной части страны. Так, идея о раздельном пути Франции и Корсики более популярна у французов, нежели у корсиканцев. Схожие идеи актуальны в Англии, Италии и Испании. Можно предположить, что формируется целая волна «регионализма метрополий», т. е. отделение из состава государства наиболее проблемных регионов [4].

Под воздействием инструментов региональной политики или из-за иссякания локальных экономических ресурсов некоторые благополучные регионы могут стать депрессивными. Одни региональные движения продолжают позиционировать регион как «богатый», другие перемещают акцент на его культурную или политическую инаковость. Возможно и обратное: Шотландия в составе Великобритании долгое время представляла собой глубокую периферию, и шотландские регионалисты использовали образ отсталого региона для получения большего числа субсидий. Много поменялось в 1970-е гг., когда началось освоение нефтяных месторождений Северного моря у шотландского побережья. В результате изменилась и стратегия регио-

налистов, которые стали требовать не увеличения объема субсидий, а большую долю доходов от добычи нефти на шельфе. Шотландцы шутят по поводу своего положения: «Прежде англичане твердили нам, что для независимости мы слишком бедны. Теперь же оказалось, что мы для этого слишком богаты» [12, с. 255].

***

Феномен «нового регионализма» на стыке тысячелетий привел к массовому росту региональных инициатив по всей Европе. Новые движения возникают даже там, где культурные или языковые требования отсутствовали в прошлом. При перемещении в пространстве избиратель не обязательно будет поддерживать региональное движение старого места жительства. Наоборот, стремясь увеличить достаток, он будет поддерживать новые движения. Можно говорить не об успехе конкретных движений, а об успехе идеи регионализма.

Исходя из роста числа различного рода региональных движений, можно было бы ожидать постоянного дробления политического пространства Европы, однако на практике этого не происходит. Современный регионализм больше похож на борьбу за бюджет, чем на борьбу за отделение.

Исследование выполнено в Институте географии РАН в рамках работы над проектом РНФ № 19-17-00232 «Постсоветские непризнанные государства: факторы жизнеспособности и риски для России». Сбор электоральных данных по региональным движениям выполнен при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32284 «Успех региональных партий в современной Европе: причины и особенности».

Список литературы

1. Бирюков С. В., Барсуков А. М. Этнорегиональные партии как фактор демократизации общеевропейского политического процесса // Регионология. 2010. № 4. С. 17—26.
2. Зонина Т. В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. 1999. № 5. С. 155—164.
3. Панов П. В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. № 1. С. 102—115.
4. Попов Ф. А. География сепаратизма в современном мире. М., 2012.
5. Стрелецкий В. Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 9—21.
6. Холодковский К. Г. Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI в. // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 2. С. 27—37.
7. Туровский Р. Ф. Субнациональная политика: введение к возможной теории // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 4. С. 86—99.

8. *Hettne B.* Beyond the «new» regionalism // *New Political Economy*. 2005. Vol. 10, №4. P. 543—571.

9. *Keating M.* The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. Cheltenham, 1998.

10. *Schmitt-Egner P.* The concept of «region»: theoretical and methodological notes on its reconstruction // *European Integration*. 2002. Vol. 24, №3. P. 179—200.

11. *Soderbaum F.* The Political Economy of Regionalism: The Case of Southern Africa. Basing stoke, 2004.

12. *Овчинников В. В.* Корни дуба. Впечатления об Англии и англичанах. М., 2005.

Об авторе

Никита Леонидович Туров, младший научный сотрудник, Лаборатория геополитических исследований, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: nikitaturov@yandex.ru

The author

Nikita L. Turov, junior research fellow, Center for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Science, Russia.

E-mail: nikitaturov@yandex.ru

УДК 327.5:327.8

Я. А. Ворожеина¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШИ: БАЛТИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Рассмотрен комплекс представлений о геополитических условиях и соответствующей им модели геополитического поведения (геополитическая картина мира), транслируемый современной Польшей. Акцентируется внимание на исторических истоках актуального видения Польшей геополитической ситуации и избранной государством модели геополитического поведения. Анализируется инициированный Польшей геополитический проект «Междуморье» («Трехморье»), направленный на образование в границах Европейского союза неформального интеграционного объединения государств трех морей: Балтийского, Адриатического и Черного.

The article examines a complex of ideas about geopolitical context and the corresponding model of geopolitical behavior (geopolitical worldview), which is broadcast by modern Poland. The author focuses on the historical origins of Poland's current vision of the geopolitical situation and of the model of geopolitical behavior chosen by the state. The article analyzes the geopolitical project "Intermarium" ("Three Seas") initiated by Poland, which is aimed at forming an informal integration union of the states of the three seas — the Baltic, Adriatic and Black seas within the borders of the European Union.

Ключевые слова: Польша, геополитическая картина мира, модель геополитического поведения, Междуморье, регион Балтийского моря.

Keywords: Poland, geopolitical worldview, model of geopolitical behavior, Intermarium, Baltic region.

Польша в настоящее время выступает одним из наиболее активных акторов геополитических процессов в регионе Балтийского моря. Это обусловлено рядом факторов, среди которых самыми значимыми являются польские геополитические амбиции, имеющие глубокие исторические корни, и исторически сложившийся способ адаптации государства к заданным геополитическим условиям. Исторический опыт свидетельствует о наличии основных

моделей геополитического поведения («ягеллонской»¹ и «пястовской»²), избираемых Польшей в качестве наиболее приемлемых с точки зрения реакции на внешние вызовы, обусловленные географическим и культурным положением государства на стыке цивилизаций³.

Обсуждение проблематики положения Польши на цивилизационном стыке Европы и России имеет большую историю. Этот вопрос становился и становится предметом дискуссии польских интеллектуалов и политиков⁴, в большинстве сходящихся во мнении о цивилизационной принадлежности Польши к Европе и необходимости «закрепления» положения государства в европейском геополитическом пространстве⁵. При этом выбор европейского геополитического пространства исторически воспринимался преобладающей частью политических элит как способ защиты от влияния России, рассматриваемого в качестве угрозы безопасности и независимости польского государства. Такой подход обуславливает распространенность выраженного скептицизма в отношении России в Польше и развитие соответствующих геополитических идей. В абсолютном меньшинстве в истории польской геополитической мысли можно встретить мнения о том, что учет российских геополитических интересов, сближение и сотрудничество с Россией были бы наиболее предпочтительными для Польши, так как обезопасили бы государство от немецкого влияния (в отличие от российского, являющегося, с точки зрения, например, Р. Дмовского, губительным для Польши)⁶. Широкое распространение в польской геополитической мысли получили также идеи формирования конфедерации государств (от Балтийского до Черного и

---

¹ «Ягеллонская» модель, или «ягеллонская» идея — польская геополитическая концепция создания конфедерации государств или империи, охватывающей Восточные Кресы (Литва, западные территории нынешней Беларуси и Украины) и противостоящей России.

² «Пястовская» модель выстраивалась от идеи польского национального государства (этнически однородного), геополитическое поведение которого ориентированно на защиту от экспансии Германии.

³ Автор, анализируя геополитическую стратегию Польши в исторической динамике, исходит из положений цивилизационного подхода, предложенных В. Л. Цымбурским.

⁴ Вопрос цивилизационной принадлежности Польши широко обсуждался также в работах отечественных мыслителей — Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Н. Н. Страхова и др.

⁵ Поляки в течение тысячелетия привержены западноевропейской культуре и воспринимают себя европейцами вне зависимости от геополитической ситуации. См.: [9; 10; 14; 21; 24; 41] и др.

⁶ Ввиду укоренившихся в польском историческом сознании крайне негативных представлений о роли России в истории Польши предпочтительным пространством выступает прежде всего Европа. См.: [9; 10; 14; 24; 41] и др.

Адриатического морей), противостоящей влиянию России и Германии, — например концепции «Междуморье»⁷ и «УЛБ»⁸. Каждая из представленных геополитических картин основывалась прежде всего на прагматизме — стремлении к обеспечению наиболее выгодных для Польши условий для достижения геополитических амбиций и реализации исторической миссии государства.

Указанные идеи, пронизывая историю развития польской геополитической мысли, актуальны для Польши и сегодня. Геополитическое поведение современной Польши в регионе Балтийского моря формировалась под влиянием упомянутого прагматизма польской геополитической мысли и доминирования стереотипного типа исторического сознания в польском обществе. Во-первых, исходя из транслируемых Польшей геополитических установок и комплекса реализуемых действий, польская геополитическая стратегия вобрала в себя прагматические идеи, господствующие в различные периоды развития национальной геополитической мысли. Во-вторых, геополитические устремления современной Польши в регионе Балтийского моря отражают стереотипные образы исторического сознания польского общества (прежде всего негативные представления о роли России в истории польского государства)⁹. Оба этих подхода проявились как в геополитической стратегии Польши в целом, так и в частности в регионе Балтийского моря.

⁷ «Междуморье» — концепция, сформулированная Юзефом Пилсудским перед Первой мировой войной, которая заключалась в создании федерации государств Центральной и Восточной Европы. «Междуморье» должно было включать территориальное пространство между Адриатическим, Черным и Балтийским морями: Польшу, Беларусь, Украину, Литву, Латвию, Эстонию, Венгрию, Румынию, Молдавию, Югославию, Чехословакию. С точки зрения Пилсудского, реализация данного геополитического проекта позволила бы странам региона Центральной и Восточной Европы избежать доминирования Германии и России. См.: [14; 29; 30].

⁸ УЛБ (также «доктрина Гедройца — Мерошевского») является развитием концепции «Междуморья» Ю. Пилсудского. Принципиальное отличие «доктрины Гедройца — Мерошевского» от идеи «Междуморья» заключалось в восприятии роли Литвы, Беларуси и Украины в планируемой конфедерации. В концепции Ю. Пилсудского Литва, Беларусь и Украина были неоспоримо польскими территориями, так как его геополитическое видение в первую очередь основывалось на идее восстановления территориальных границ Речи Посполитой, предшествовавших разборам XVIII в. Гедройц и Мерошевский отталкивались от необходимости переоценки данной концепции в соответствии с актуальными внешне- и внутривосточными условиями. С их точки зрения, необходимо было отказаться от восприятия Литвы, Украины и Беларуси в качестве неоспоримо польских территорий и опираться на партнерские отношения с данными государствами после предположительного выхода их из состава СССР, признав их независимыми. См.: [16].

⁹ Подробнее см.: [1].

С точки зрения прагматизма геополитическая стратегия Польши в регионе Балтийского моря определялась ситуацией, сложившейся после распада СССР, и развивалась в рамках «ягеллонской» модели геополитического поведения, доминировавшей в различные периоды истории польского государства. В отношении ситуации, возникшей после распада СССР, речь идет о том, что географически и геополитически Польша, с точки зрения польских национальных элит, оказалась между двумя историческими противниками — Россией и Германией. Трансформационные процессы в регионе Балтийского моря, вызванные крахом советского блока, в глазах польских национальных элит создавали для Польши возможность выхода из зоны российского влияния для последующей реализации геополитических амбиций.

Однако выход из одного блока влияния (СССР / России) подразумевал вход в другой (ЕС / Германии), позиционируемый Польшей в качестве «возвращения в Европу». В это же время Германия не могла рассматриваться в качестве союзника для реализации геополитических устремлений Польши (в силу укорененности негативных представлений об этом государстве в историческом сознании поляков). При этом постсоциалистическая Польша, преодолевая потрясения перехода на рыночную экономику и имея небольшой потенциал развития, не обладала ресурсами для того, чтобы самостоятельно стать значимым геополитическим игроком. Эти факторы обусловили ориентацию Польши на союзника, способного выступить гарантом ресурсного обеспечения государства для достижения геополитических устремлений и в это же время не представляющего, по мнению польской политической элиты, угрозы суверенитету и национальной идентичности.

С экономической точки зрения в ситуации трансформационных процессов в Европе самым очевидным союзником (донором) для Польши был Европейский союз, а исходя из военно-политических устремлений и стратегии в сфере безопасности — США (НАТО). Так задачи вступления Польши в НАТО и ЕС стали приоритетом внешней политики государства конца 1990-х — начала 2000-х гг., стандартизовав ее под курс развития упомянутых организаций и общие международные тенденции того времени. В связи с этим геополитическая стратегия Польши в регионе Балтийского моря ограничивалась необходимостью соответствия «брюссельской» политике и ориентировалась на участие государства в общеевропейских интеграционных процессах на балтийском направлении, а также реализацию евро-атлантической повестки. В этот период Польша принимала участие во всевозможных программах сотрудничества в регионе Балтийского моря, в том числе направленных на развитие связей с Россией в этом макрорегиональном измерении [22].

В это же время доктрина внешней политики Польши формировалась под влиянием специфики исторического сознания польского общества, заключающейся кроме прочего в укорененности стереотипов и мифов об особой гео-

политической миссии государства по сдерживанию России (мессианизм, прометеизм, проект «Междуморье» и пр.) и существовании в сложных условиях противодействия российскому влиянию и постоянной угрозы для польского государства также со стороны Германии. Наложение специфики исторического сознания поляков на прагматический подход к внешней политике в конечном итоге определило выбор Польшей географически отдаленного союзника — США. В «обмен» на союзничество Польша приняла на себя роль своего рода сублидера американского противостояния России на европейском континенте. В этом контексте инициирование официальной Варшавой проекта «Междуморье» (также «Трехморье») представляется развитием избранной геополитической стратегии еще в начале трансформации внешней политики Польши после выхода из социалистического блока.

На начальном этапе постсоциалистическая Польша стремилась вписать внешнюю политику в стандарты, заданные НАТО, ЕС и общими международными тенденциями. Первоочередной задачей внешней политики Польши было так называемое поляками возвращение в Европу, «закрепить» которое должно было присоединение государства к союзным организациям. Данный период с определенной долей условности можно обозначить как евроэнтузиастский. Евроэнтузиазм польской внешней политики после достижения основной цели — вступления в ЕС — продлился за счет долгосрочного нахождения у власти в Польше проевропейской элиты в лице партии «Гражданская платформа» и характеризовался умеренно позитивным дискурсом в отношении России, что соответствовало европейской политике и евроатлантической риторике того времени.

Вместе с тем, несмотря на умеренную позицию в отношении России на этапе европеизации внешней политики Польши, антироссийское начало, являющееся концептуальной основой польских геополитических устремлений, постепенно проявлялось, достигнув наибольшего выражения после прихода к власти национал-консервативной и евроскептической партии «Право и справедливость» («ПиС»). С приходом к власти «Права и справедливости» внешняя политика Польши в отношении России стала обретать все более агрессивные черты. Этому способствовала также радикализация риторики США и ЕС на российском направлении после украинского кризиса. Иными словами, у Польши появились внутривнутриполитические и внешнеполитические условия, при которых антироссийское начало ее геополитических устремлений смогло наиболее раскрыться. В настоящее время «ПиС» ведет активный процесс деевропеизации и «национализации» внешней политики, сосредоточивается на увеличении ресурсного потенциала для реализации геополитических амбиций. Одним из проявлений этого является последовательное усиление военного контингента НАТО и США в Польше, создание инфраструктурных мощностей для достижения энергетической независимости от России.

В этом контексте актуализация идеи объединения государств в регионе «трех морей» с самого начала представлялась в оценках экспертов геополитическим проектом [34].

Исторически идея «Междуморья» имела своей целью решить проблему преодоления Польшей лимитрофного положения¹⁰ за счет создания конфедерации государств, противостоящей европейскому (германскому) и российскому влиянию. Автор исходит из того, что ключевая идея современного «Трехморья» с геополитической точки зрения (аналогично идеям, развиваемым в другие исторический периоды) заключается в создании конкурирующего с Германией и Россией интеграционного объединения стран Центральной и Восточной Европы. Об этом свидетельствует сосредоточенность интеграционных проектов в области развития военной и энергетической безопасности «Трехморья», а также создания региональной энергетической инфраструктуры, ориентированной на американские поставки сырья [11; 28]. Польша выступает основным инициатором таких проектов, связанных с формированием «Трехморья», как создание литовско-польско-украинской бригады [31], строительство газопроводной сети «Коридор “Север — Юг”»¹¹, создание индекса фондовых бирж государств Трехморья, а также инвестиционного фонда «Трехморье»¹².

Огромное влияние на понимание концепции «Трехморье» правящей в Польше «Права и справедливости» оказывает приверженность партии упоминаемым историческим стереотипам и мифологии. Геополитическая стратегия «Права и справедливости» базируется на нескольких аксиомах. Во-первых, Россия в представлении партийных идеологов выступает противником Польши. Во-вторых, с точки зрения польских национал-консерваторов, интеграционные процессы в рамках ЕС угрожают «субъектности» Польши, а также реализуются в ситуации доминирования Германии. В-третьих, в таких геополитических условиях стратегической целью Польши является упор на развитии особых взаимоотношений с США. В рамках такого понимания геополитических условий формировалась концепция проекта «Трехморье» [4].

---

¹⁰ Лимитроф — геополитически неустойчивое пространство между цивилизационными платформами. Подробнее см.: [2].

¹¹ Реализация проекта «Коридор “Север — Юг”» направлена на обеспечение соединения терминала СПГ в Свиноустье и Балтийского газопровода с будущим терминалом СПГ в Хорватии (через южную территорию Польши, Чехию, Словакию и Венгрию). Иными словами, речь идет о создании межгосударственного инфраструктурного комплекса, позволяющего экспортировать и импортировать газ в рамках указанного региона. Строительство данной инфраструктуры осуществляется в том числе при поддержке европейских фондов.

¹² Фонд ориентирован на проекты по созданию транспортной, энергетической и цифровой инфраструктуры в интеграционном объединении «Трехморье».

Таким образом, геополитическая стратегия Польши в регионе Балтийского моря в настоящее время ориентируется прежде всего на формирование объединения «Трехморье» и реализацию евроатлантического направления внешней политики в данном региональном пространстве. Основное внимание официальной Варшавы уделяется созданию инфраструктуры, позволяющей обеспечить энергетическую безопасность и развить транспортную логистику между государствами ЕС, имеющими выход к Балтийскому, Черному и Адриатическому морям, минимизировав участие в этих процессах иных сторон (прежде всего России). Комплекс предпринимаемых Польшей действий позволяет сделать вывод о конкурирующей в отношении России роли объединения, а также его соответствии «ягеллонской» модели польского геополитического поведения.

Список литературы

1. Клемешев А.П., Ворожеина Я.А. Национал-консервативный «поворот» Польши в геополитическом контексте // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 17—28.
2. Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. 1997. Т. 2, №3. С. 170—174.
3. Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий. // Полис. Политические исследования. 1999. №4. С. 7—28.
4. Andrzej Duda spotkał się z Rexem Tillersonem. URL: <http://forsal.pl/artykuly/1100579,andrzej-duda-spotkal-sie-z-rexem-tillersonem-rozmowa-trwala-godzine.html> (дата обращения: 31.07.2020).
5. Bachman K. Geopolityczne miejsce Polski i integracja Polski z Unią Europejską // Geopolitical Studies. 1998. №4. S. 33—56
6. Bakke E. Central and East European party systems since 1989 — Central and South-east European Politics Since 1989. Cambridge University Press, 2010. P. 64—90.
7. Balcer A., Buras P., Gromadzki G., Smolar E. Polityka europejska rządu PiS. Warszawa, 2017.
8. Balcer A., Buras P., Gromadzki G., Smolar E. Polish views of the EU: the illusion of consensus. Warszawa, 2017.
9. Bieleń S. Polska a perspektywy Europy środkowej i Wschodniej // Studia Europejskie. 1998. №3. S. 63—84.
10. Bocheński A. Między Niemcami a Rosją. Warszawa, 1937.
11. Czaputowicz: wsparcie USA dla Trójmorza to bardzo ważna deklaracja. URL: <https://polskieradio24.pl/5/1223/Artykul/2456238,Czaputowicz-wsparcie-USA-dla-Trojmorza-to-bardzo-wazna-deklaracja> (дата обращения: 31.07.2020).
12. Czachór Z. Kryzys i zaburzona dynamika Unii Europejskiej. Warszawa, 2013.
13. Czas na zmiany: rozmowa z Jarosławem Kaczyńskim / oprac. red. W. Butkiewicz. Warszawa, 2014.
14. Eberhardt P. Twórcy polskiej geopolityki. Kraków, 2006.
15. Fligstein N. Euroclash: the EU, European identity, and the future of Europe. Oxford, 2008.

16. *Giedroyc J., Mieroszewski J.* Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB // *Kultura*. 1974. №9 (324). S. 3—14.
17. *Grycuk A., Russel P.* Członkostwo w Unii Europejskiej a rozwój gospodarczy Polski // *Studia BAS (Biuro Analiz Sejmowych)*. 2017. Vol. 51, №3. S. 79—113.
18. *Grzymski J.* Powrót do Europy — polski dyskurs: wyznaczanie perspektywy krytycznej. Warszawa, 2016.
19. *Hloušek V., Kopeček L.* Origin, Ideology and Transformation of Political Parties: East-Central and Western Europe Compared. L., 2010.
20. *Kaczyński J.* Polska naszych marzeń. Lublin, 2011.
21. *Kaczyński J.* Porozumienie przeciw monowładzy. Z dziejów PC. Warszawa, 2016.
22. *Kisiel-Łowczyk A.B.* Bałtycka integracja ekonomiczna. Warszawa, 2000.
23. *Kloczkowski J.* Przekłęte miejsce Europy? Dylematy polskiej geopolityki. Kraków, 2008.
24. *Koneczny F.* Polska między Wschodem a Zachodem. Lublin, 1996.
25. *Marczewska-Rytko M.* Polska między Zachodem a Wschodem w dobie integracji europejskiej. Lublin, 2001. S. 35—45.
26. *Moczulski L.* Geopolityka. Potęga w czasie i przestrzeni. Warszawa, 1999.
27. *Nałkowski W.* Przejściowy charakter Polski i jego wpływ na Polaków // *Wolne Słowo*. 1911. №119. S. 8—11.
28. *Nawet miliard dol. dla krajów Trójmorza. USA wesprą inwestycje energetyczne.* URL: <https://www.forbes.pl/energetyka/ok-1-mln-dol-od-usa-dla-krajow-trojmorza-na-inwestycje-energetyczne/2vk99bz> (data обращения: 31.07.2020).
29. *Okulewicz P.* Koncepcja „Międzymorza” w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918—1926. Poznań, 2001.
30. *Okulewicz P.* Koncepcja «Międzymorza» w ujęciu Włodzimierza Wakara // *Mazowieckie Studia Humanistyczne*. 2002. №2. S. 209—219.
31. *Pacula P.* Współpraca obronna w regionie Morza Bałtyckiego. Stan obecny i perspektywy. Bezpieczeństwo Narodowe. BBN, Warszawa, 2013. №2.
32. *Pawlak J., Sobczak P.* Poland sees Brexit as chance to shift EU power back to nations // *Reuters*. 22.12.2016. URL: <http://uk.reuters.com/article/uk-poland-politics-kaczynski-diplomacy-idUKKBN14B21A> (data обращения: 11.02.2017).
33. *Piskozub A.* Polska w cywilizacji zachodniej. Elementy nauki o cywilizacji II. Gdańsk, 1995.
34. *Potulski J.* Podstawowe polskie kody geopolityczne // *Polska jako Międzymorze*. Gdańskie Studia Międzynarodowe. 2017. T. 15, №1—2. S. 80—9628.
35. *Program PiS 2014*. Warszawa, 2014.
36. *Ross G.* The European Union and Its Crisis, Through the Eyes of the Brussels Elite. N. Y., 2011.
37. *Rossa-Kilian D.* Region Morza Bałtyckiego obszarem rozwoju i współpracy w świetle dokumentów. Toruń, 2006.
38. *Schmitter P. C.* The crisis of the Euro, the crisis of the European Union and the crisis of democracy in Europe // *Reframing Europe’s Future: Challenges and Failures of the European Construction*. L., 2014.
39. *Statut Prawa i Sprawiedliwości*. Warszawa, 2016.
40. *Szczerski K.* Utopia Europejska. Kryzys integracji i polska inicjatywa naprawy. Warszawa, 2017.

41. *Wojciechowski Z.* Między Niemcami a Rosją: z powodu książek: Adolfa Bocheńskiego «Między Niemcami a Rosją» i W. Bączkowskiego «Grunwald czy Piławce?». Poznań, 1938.

42. *Zięba R.* Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej. Warszawa, 2013.

Об авторе

Яна Антановна Ворожеина, кандидат политических наук, заместитель проректора по научной работе (по социально-гуманитарному направлению), Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: YVorozheina@kantiana.ru

The author

Dr Yana A. Vorozheina, Deputy Vice-Rector for Research (social and human sciences) Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: YVorozheina@kantiana.ru

УДК 94(438).081

А. А. Курганский¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУМОРЬЯ В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Предпринята попытка проанализировать польскую историографию концепции Междуморья во внешней политике Второй Речи Посполитой (1918—1939). Оценки этой концепции часто были зависимы от идеологических установок и политической конъюнктуры, однако в целом польским историкам удалось выявить ее истоки, содержание и определить причины неудачи.

The article attempts to analyze the Polish historiography of the concept of Intermarium in the foreign policy of the Second Polish Republic (1918—1939). Assessments of this concept were often dependent on ideological attitudes and political conditions, however, in general Polish historians were able to identify its origins, content and determine the causes of failure.

Ключевые слова: Междуморье, внешняя политика, Польша, историография.

Keywords: Intermarium, foreign policy, Poland, historiography.

Концепция Междуморья, разработанная Юзефом Пилсудским и его сторонниками в 1920-е гг., представляла собой один из проектов создания системы коллективной безопасности в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ) в межвоенный период. Уже на протяжении почти столетия она занимает умы не только польских политиков, но и историков разных стран. В польской исторической науке дискутируются такие ее аспекты, как исторические корни (так называемая Ягеллонская идея), практические шаги дипломатии Польши по ее реализации, причины ее краха в конце 1930-х гг. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать, как изучалась концепция Междуморья в польской историографии, начиная с межвоенного периода до настоящего времени.

Первым исследователем этой темы справедливо считается сторонник польской мессианской идеи историк Оскар Халецкий. Будучи медиевистом, он стал рассматривать польскую внешнюю политику XX в. сквозь призму исторических традиций эпохи правления Ягеллонов. В программной статье «Ягеллонская идея» он обосновал ее применимость по отношению к современной ему Польше и в целом к региону ЦВЕ, которые, по его мнению, принадлежат к западноевропейской культуре в противовес российскому экспансионизму [7].

© Курганский А. А., 2020

Свои исследования Халецкий продолжил развивать после Второй мировой войны в США, его труды были высоко оценены в американской и западноевропейской историографиях. В ПНР, наоборот, работы этого автора считались «обоснованием нового польского экспансионизма», он подвергался резкой критике, в том числе со стороны самого В. Гомулки. Напротив, папа-попьяк Иоанн Павел II, являвшийся сторонником Ягеллонской идеи, часто ссылался на Халецкого [12, s. 19]. После крушения социализма в Польше исследования Халецкого снова стали очень востребованными.

После войны в ПНР к внешней политике режима санации относились сугубо негативно, резко критиковался польский экспансионизм и сближение с Германией. Вместе с тем в этот период были предприняты первые серьезные попытки анализа доктрины Междуморья [13—14; 16].

Юзеф Левандовский, изучая в 1960-е гг. процесс формирования восточной политики Польши в межвоенный период, отметил, что после провала плана создания федерации в границах Речи Посполитой 1772 г. Польша сразу предприняла усилия по созданию федерации Междуморья с независимыми новообразованными странами Европы [13, s. 202—204]. Он назвал внешнеполитические инициативы пилсудчиков от момента подписания Рижского мира до Майского переворота «империализмом слабости». В отличие от движения прометеизма, имевшего целью развал Советской России, создание Междуморья должно было решать актуальные внешнеполитические задачи, а именно противодействие угрозе со стороны двух своих великих соседей — Германии и Советского Союза. Эта концепция предполагала возможность политического сближения стран Балтии — Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии и некоторых стран бассейна Черного моря в различных комбинациях, включая Венгрию, Румынию, Болгарию и даже Турцию с Грецией. Среди этих акторов Польша, по мнению автора, была самым большим и развитым государством, что давало ей неплохие шансы занять в будущем образовании лидирующие позиции [14, s. 162—163].

Автор отмечает, что в то время концепция Междуморья настолько глубоко проникла в польское политическое сознание, что ее сторонниками были даже представители других политических лагерей — двое министров иностранных дел: Константин Скирмунт и деятель национальной демократии Мариан Сейда [Ibid., s. 188—190].

Показательна эволюция взглядов Левандовского. Вначале он критически воспринимал все инициативы санационной политики, следуя идеологическим установкам «народной Польши», одновременно подчеркивая, что эта тема всегда была проблемной для польских историков с точки зрения оценок этих событий. Затем, по-прежнему негативно характеризуя режим санации и военное управление страной, он более нейтрально, если не сказать благосклонно, оценивает концепцию Междуморья как один из способов достижения национальных целей государства, а именно обеспечение его суверенитета. При этом неудачи ее воплощения в жизнь историк объясняет неблагоприятными экономическими и политическими условиями. Такой взгляд на Междуморье

шел вразрез с официальной идеологией. Не случайно ученому пришлось эмигрировать в Швецию, где он и оставался до конца жизни как политический беженец.

Интересный взгляд на рассматриваемую проблему представлен в монографии Сергиуша Микулича о прометеизме. Автор утверждает, что польские федеративные проекты на протяжении всего межвоенного двадцатилетия были составной частью движения прометеизма и находились в русле общего направления внешней политики «бельведерского лагеря», т. е. пилсудчиков. Основываясь на широком комплексе архивных документов, историк критически анализирует историографию польской внешней политики, в том числе и польскую эмигрантскую. Характеризуя цели и действия Англии и Франции в межвоенный период по отношению к Польше, он приходит к выводу, что их позиция зависела от отношения к Германии и СССР, а также от других своих интересов в разных частях Европы [16, s. 248—253]. Микулич аргументированно критикует Пилсудского и режим санации за неправильно сформулированные цели и неверно определенные приоритетные направления во внешней политике страны с опорой на федерализм и прометеизм, которые берут свои начала из Ягеллонской традиции: «Мысль о том, что Польша могла стать наследницей ягеллонской Польши, оказалась ерундой, тем более после Рижского мира» [Ibid, s. 286].

Свой вклад в изучение концепции Междуморья внес польский историк Рышард Чарковский, защитивший в 1970-е гг. в МГУ им. М. В. Ломоносова кандидатскую диссертацию и опубликовавший позже в Москве монографию по этой теме [1]. Историк в русле марксистской традиции критикует «великодержавные» планы Юзефа Бека, указывает на его стремление к сотрудничеству с Германией, что, по мнению Чарковского, способствовало поражению Польши в 1939 г.

Параллельно с историографией ПНР исследование темы продолжали историки-эмигранты. Среди них следует выделить работы таких выдающихся историков дипломатии, как Пётр Вандыч и Анна Мария Ченчала [2—4; 18—20]. Основными их заслугами стало то, что они ввели в научный оборот большое количество польских архивных документов, которые в годы Второй мировой войны оказались вывезены из Польши, и проанализировали внешнеполитические инициативы Второй Речи Посполитой в широком международном контексте. Кроме того, несомненный интерес для изучения Ягеллонской идеи и истоков доктрины Междуморья представляют работы непосредственных участников политических процессов в межвоенной Польше — дипломатов и историков Романа Дэмбицкого и Титуса Комарницкого, а также журналиста и советолога Мариана Дзевановского [2; 5—6; 9].

С распадом социалистического лагеря и крушением социализма в Польше произошла ревизия исторической науки. С одной стороны, в научный оборот были введены труды эмигрантских историков, а с другой — изменили свои взгляды бывшие марксисты.

Известный варшавский историк Петр Лоссковский, начавший активно изучать польско-литовские, польско-балтийские отношения еще в 1950-е гг., в изданной в 1990 г. монографии «Польша в Европе и мире 1918—1939» приводит новые документы МИД, характеризующие основные тенденции польской внешней политики в ЦВЕ и на Балканах [15, s. 204—205]. Он делает вывод, что идеи и концепции министра Юзефа Бека вполне можно рассматривать как план на отдаленное будущее, однако Бек был убежден в возможности их реализации в ближайшей перспективе [Ibid., s. 205].

В четвертом томе монументального коллективного труда «История польской дипломатии» под редакцией П. Лоссковского Анджей Скшыпек написал большой раздел о периоде 1935—1938 гг., который целиком посвящен концепции Междуморья и «тактике балансирования». Автор анализирует широкий комплекс международных отношений в Европе и мире и действия польской дипломатии, в частности указывает, что в концепции Междуморья в 1930-е гг. было два основных направления — северное (страны Балтии и Скандинавия) и южное (страны бассейна реки Дунай и Балканского региона) [8, s. 499—504].

Основной работой по изучаемому вопросу в современной польской историографии по праву считается монография Петра Окулевича «Концепция “Междуморья” в мысли и политической практике лагеря Юзефа Пилсудского в 1918—1926 гг.» [17]. Новым в ней было то, что на основании широкого круга источников и материалов прессы автор представил этапы создания концепции, ее эволюцию и попытки реализации в указанный период, а также проследил ее соотношение с более ранними федералистскими проектами. Историк отмечает, что после подписания в 1921 г. Рижского мира неудавшийся федералистский проект Междуморья был трансформирован в идею создания крупного союза Междуморья, где место Украины заняла Румыния, а место Литвы — Латвия, Эстония и Финляндия [Ibid., s. 416]. Однако до сих пор многие польские историки оспаривают вывод Окулевича о том, что на рубеже 1925—1926 гг. произошел окончательный отказ от идеи создания Междуморья.

Высокий научный уровень, тщательный анализ архивных документов многих стран отличает работы выдающегося современного польского историка дипломатии и советолога Марека Корната [10; 11]. Ученый анализирует последний вариант реализации концепции Междуморья, а именно проект «Третьей Европы» 1937—1938 гг. Он приходит к выводу, что концепция Междуморья этого периода — это исключительно оборонительный проект, направленный против Германии, который объективно не был антинемецким. Отмечая, что это был нереалистичный проект, продиктованный «отчаянным поиском дополнительных гарантий безопасности для Польши в условиях распада международной системы», автор подчеркивает, что это было скорее общее видение внешней политики, нежели «разработанная в деталях концепция» [11, s. 163—164]. Резюмируя свой анализ и исследуя многочисленные неверные, как он считает, оценки европейской политики правящими кругами

Польши, а также польские возможности на европейской сцене, которые послужили причинами провала этой программы, Корнат отмечает, что эта концепция была оригинальной и более рациональной, чем многочисленные подобные европейские проекты коллективной безопасности.

Очень интересный взгляд на Ягеллонскую идею и Междуморье межвоенного периода представляют Павел Коваль и Агнешка Ожельская-Стончек. Они считают, что идея создания Междуморья на протяжении всего столетия присутствовала в умах польских политиков и интеллектуалов. Исследователи четко выделяют отличия Междуморья от Ягеллонской идеи (разновидностями реализации которой были федералистский проект Пилсудского и антисоветское движение прометеизма). Концепцию Междуморья, по мнению авторов, связывает с федералистским проектом прежде всего то, что она была разработана после провала последнего. Отличиями выступают разный уровень интеграции стран, идея о включении других стран в объединение, то, что вопрос польского меньшинства в этих странах не играл никакой роли, меньшая историческая связь этих стран с Польшей и более практический характер объединения, то есть ориентация под актуальные внешнеполитические реалии [12, с. 21—23].

Хотя польская историография концепции Междуморья на протяжении почти ста лет часто была зависима от идеологических установок и политической конъюнктуры, стараниями отдельных ученых, которые всегда пытались сохранять объективность, многие аспекты концепции проработаны на серьезном исследовательском уровне. К настоящему времени недостаточно исследованными остаются вопросы, связанные с реализацией концепции Междуморья во второй половине 1920-х и первой половине 1930-х гг., продолжают дискутироваться проблемы польского экспансионизма, сотрудничества Польши с Германией после 1934 г., а также польско-советские отношения этого периода.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90011 «Эволюция концепции Междуморья во внешней политике Польши в межвоенный период».

Список литературы

1. Чарковски Р. «Интермариум»: польские интеграционные проекты и попытки их реализации в 1935—1938 годах. М., 2010.
2. Cienciala A. M., Komarnicki T. From Versailles to Locarno: keys to Polish foreign policy, 1919—25. Lawrence, 1984.
3. Cienciala A. M. Poland and the Western powers 1938—1939: A Study in the Interdependence of Eastern and Western Europe. L. ; Toronto, 1968.
4. Cienciala A. M. The Foreign Policy of Józef Piłsudski and Józef Beck, 1926—1939: Misconceptions and Interpretations // The Polish Review. 2011. Vol. 56, № 1—2. P. 111—151.

5. *Debicki R.* Foreign policy of Poland 1919—39: From the Rebirth of the Polish Republic to World War II. N. Y., 1962.
6. *Dziewanowski M. K.* Joseph Pilsudski: a European federalist, 1918—1922. Stanford, 1969.
7. *Halecki O.* Idea jagiellońska // *Kwartalnik Historyczny*. 1937. № 1—2. S. 486—510.
8. *Historia dyplomacji Polskiej*. Warszawa, 1995. T. 4 : 1918—1939.
9. *Komarnicki T.* Rebirth of the Polish Republic: A study in the diplomatic history of Europe, 1914—1920. Melbourne, 1957.
10. *Kornat M.* Polityka równowagi 1934—1939. Polska między Wschodem a Zachodem. Kraków, 2007.
11. *Kornat M.* Polityka zagraniczna Polski 1938—1939. Cztery decyzje Józefa Becka. Gdańsk, 2012.
12. *Kowal P., Orzelska-Stączek A.* Inicjatywa Trójmorza: geneza, cele i funkcjonowanie. Warszawa, 2019.
13. *Lewandowski J.* Federalizm, Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI 1918 — IV 1920). Warszawa, 1962.
14. *Lewandowski J.* Imperializm słabości. Kształtowanie się koncepcji polityki wschodniej piłsudczyków 1921—1926. Warszawa, 1967.
15. *Łossowski P.* Polska w Europie i świecie 1918—1939. Szkice z dziejów polityki zagranicznej i położenia międzynarodowego II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1990.
16. *Mikulicz S.* Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971.
17. *Okulewicz P.* Koncepcja «Międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918—1926. Poznań, 2001.
18. *Wandycz P.* France and her Eastern allies, 1919—1925: French-Czechoslovak-Polish relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962.
19. *Wandycz P.* Soviet-Polish Relations 1917—1921. Cambridge, MA, 1969.
20. *Wandycz P.* The twilight of French Eastern alliances, 1926—1936: French-Czechoslovak-Polish relations from Locarno to the remilitarization of the Rhineland. Princeton, 1988.

Об авторе

Анатолий Анатольевич Курганский, аспирант, младший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: anatkurg@yandex.ru

The author

Anatolii A. Kurganskii, PhD student, junior researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: anatkurg@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ГЕОГРАФИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

УДК 332.1

С. П. Земцов¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Москва, Россия)

ГЕОГРАФИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ В КРИЗИСНЫЙ 2020 ГОД

Уровень развития малого бизнеса и реакция на кризис различны в регионах. Падение доходов населения, ограничения на рынках и в доступе к капиталу, цифровое неравенство ведут к сокращению числа предприятий на 3,5–4%, влияние господдержки невелико и отсрочено.

Small businesses development and its response to the crisis differ between regions. Falling incomes, restrictions on markets and in access to capital, digital inequality lead to a reduction in the number of enterprises by 3.5–4%. The impact of public support is small and delayed.

Ключевые слова: COVID-19, предпринимательство, рыночный потенциал, безработица, поддержка малого и среднего бизнеса, регионы России.

Keywords: COVID-19, entrepreneurship, market potential, unemployment, SME support, Russian regions.

Социально-экономические изменения в мире ускоряются, в том числе в результате нарастания природных, демографических и технологических рисков. Есть основания полагать, что кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, мог ускорить цифровую трансформацию экономик [14]. Ранее предпринимательство рассматривалось как инструмент адаптации к подобным изменениям [10]. Но в 2020 г. малый и средний бизнес находился среди наиболее пострадавших секторов экономики [6; 4], затронуто около 75% субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) [6].

География МСП в России формировалась последние 30 лет; в регионах сложились устойчивые институциональные, отраслевые и иные особенности.

© Земцов С. П., 2020

Выявляется несколько типов предпринимательских экосистем [7; 9], которые по-разному реагируют на макроэкономические изменения. Так, в регионах с наиболее уязвимыми предпринимательскими экосистемами (Северный Кавказ, Арктика, Дальний Восток) в кризисные 2014—2015 гг. число субъектов МСП сокращалось наиболее высокими темпами, многие предприниматели уходили в теневой сектор. В целом кризис 2020 г. должен привести к серьезному падению предпринимательской активности.

Цель исследования — выявление региональных факторов, значимых для развития малых предприятий в России, с целью оценки возможных последствий кризиса, а также адекватности соответствующих мер поддержки. В соответствии с нашей гипотезой мы предполагали, что сила влияния отдельных факторов примерно постоянна в последние десятилетия. Установив это влияние, можно оценить масштаб падения сектора МСП на основе прогнозов изменения исходных факторов.

Всего в России на август 2020 г. насчитывалось около 5,59 млн субъектов МСП (в 2019 г. — 5,84), а падение за период пандемии составило около 4,3%, по данным Единого реестра МСП [5]. При этом часто владельцы фирм не закрывают свои компании в случае прекращения деятельности, а ждут автоматического исключения из реестров ФНС после 2 лет с момента последней отчетности. Особенно это характерно для менее развитых регионов. Таким образом, реальные масштабы падения бизнеса будут известны лишь спустя 1—2 года.

Сейчас более 45% субъектов МСП сосредоточены в 10 крупнейших агломерациях, в которых в наибольшей степени пострадали туризм, сфера развлечений и общественное питание [6]. Плотность субъектов МСП на душу рабочей силы выше в регионах с крупными агломерациями, где сосредоточен потребительский спрос (Санкт-Петербург, Москва, Новосибирск, Екатеринбург) (рис.), и в регионах с благоприятными институциональными условиями, доступом к капиталу (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Тюменская, Воронежская области) [9]. Традиционно выше плотность малого бизнеса и в регионах с выгодным экономико-географическим положением вблизи зарубежных (Калининградская и Сахалинская области, Приморский и Краснодарский края) и российских рынков (Ярославская, Ивановская, Московская, Калужская области).

Во многих регионах во время пандемии число субъектов МСП сократилось более чем на 5%, среди них — как регионы с наиболее уязвимыми предпринимательскими экосистемами (Ингушетия, Еврейская АО, Адыгея, Архангельская область, Коми, Тыва, Саха, Крым), так и крупнейшие агломерации (Москва, Пермский край, Самарская область), в которых вводились более жесткие карантинные мероприятия.

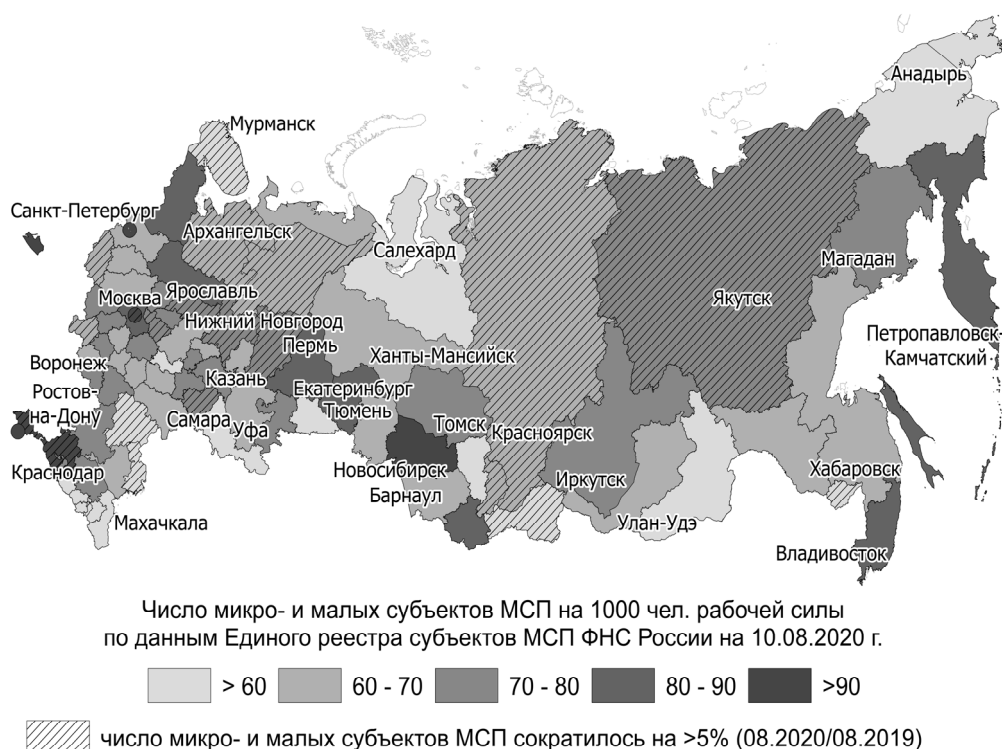

Рис. 1. Плотность и динамика микро- и малых субъектов МСП в 2019—2020 гг.

Для подтверждения гипотезы и выявления факторов мы использовали ранее предложенную эконометрическую модель [2; 9], в которой число микро- и малых фирм — зависимая переменная, а характеристики рынков (спроса), институтов (включая господдержку) и доступа к интернету в регионах — искомые факторы. Для контроля учета различий в размерах регионов мы использовали показатель численности рабочей силы.

По результатам эконометрических расчетов (табл.) мы подтвердили наибольшую значимость спроса для развития МСП. Если доходы населения уменьшаются на 1%, то количество микро- и малых предприятий — примерно на 0,4—0,46%, в зависимости от иных факторов. Большинство МСП продают свои товары и оказывают услуги на региональных рынках. Падение доходов населения в 2020 г. может составить около 5—6%, тогда только этот фактор приведет к сокращению числа малых фирм на 1,5—2,2%.

Результаты эконометрической оценки факторов изменения числа микро- и малых фирм в регионах России в 2008—2018 гг.

Зависимая переменная: число микро- и малых фирм. Включено 83 региона. Длина временного ряда = 5—10 лет. Все переменные логарифмированы				
Число наблюдений	876	905	656	491
Номер модели	(1)	(2)	(3)	(4)
Доход на душу населения (за вычетом прожиточного минимума), тыс. руб.	0,40*** (0,068)	0,41*** (0,077)	0,46*** (0,090)	0,19 (0,15)
Рыночный потенциал, млрд руб.	0,15*** (0,046)	0,12*** (0,040)	0,13* (0,070)	0,11** (0,043)
Безработица год назад, %	0,14*** (0,047)	0,11*** (0,042)	0,14*** (0,044)	0,17 (0,12)
Индекс доступности региональных банковских услуг	0,22** (0,10)	—	—	—
Доля лиц, имеющих доступ в Интернет, %	—	0,066* (0,036)	—	—
Налоговые льготы на одну организацию, тыс. руб.	—	—	0,032*** (0,0091)	—
Субсидии на поддержку МСП год назад, тыс. руб.	—	—	—	0,031** (0,014)
Контрольная переменная — рабочая сила, млн чел.	0,14 (0,17)	0,10 (0,15)	-0,64** (0,30)	0,030 (0,13)
Константа	4,2*** (1,3)	4,1*** (1,2)	8,3*** (2,2)	6,5*** (1,8)
LSDV R ²	0,98	0,98	0,978	0,988
Within R ²	0,539	0,544	0,47	0,12

Примечание: Если при коэффициентах используются ***, ** и *, это означает, что коэффициенты значимы на 1-, 5- и 10-процентом уровне значимости (p-value); в противном случае мы не можем сказать, влияет ли фактор на зависимую переменную. В скобках указаны значения робастных стандартных ошибок.

LSDV (least square dummy variable) R² — это R², который учитывает тип панельных данных, Within R² является скорректированным R² для модели с фиксированными эффектами.

Снижение рыночного потенциала, характеризующего размер и близость российских и зарубежных рынков [2], на 1 % связано с уменьшением числа малых фирм на 0,12—0,14 % (табл.). Границы России и большинства других стран закрыты большую часть 2020 г. Согласно прогнозу МВФ мировая экономика сократится на 3 % [13], что означает близкое сокращение рыночного потенциала. Тогда это может привести к снижению числа малых фирм на 0,36—0,45 %.

Многие безработные становятся вынужденными предпринимателями и самозанятыми в отсутствие иных способов получения дохода, потому рост безработицы на 1 % может вести к увеличению числа фирм на 0,11—0,15 % в

2021 г. при восстановлении доступа к рынкам и капиталу. Влияние безработицы в этом же году — отрицательное через уже учтенный в модели механизм снижения доходов, но если в регионе отсутствует доступ к рынкам / капиталу (Северный Кавказ, отдельные Арктические регионы), увеличение безработицы на 1 % приводит к сокращению числа малых фирм на 0,21 %.

Доступ к капиталу — значимый фактор в развитии малого бизнеса (модель 1 в табл.). Доступ к кредитам важен для того, чтобы покрыть кассовый разрыв, возникший с введением режима самоизоляции. Так, за получением льготного кредита на возобновление деятельности, который банки выдают из расчета 1 МРОТ на сотрудника, обратились более 316 тыс. субъектов МСП, что составило более 50 % всех заявок на поддержку [12]. В регионах с большей плотностью и конкуренцией банков (в них выше индекс доступности банковских услуг), процентные ставки могут быть ниже. В целом в 2020 г. следует ожидать оттока капитала из банков и снижение указанного индекса. Сокращение доступности банковских услуг на 5 %, аналогичное наблюдавшемуся в 2014—2015 гг., может привести к уменьшению числа малых фирм на 1 %.

Новым фактором развития МСП является доступ в Интернет для домашних хозяйств, что представляет собой основу для онлайн-торговли, онлайн-сервисов и цифровых платформ, особенно в период самоизоляции. Регионы с более высоким уровнем цифровизации, преимущественно крупные агломерации, при прочих равных условиях лучше адаптируются. В регионах, где доля домохозяйств, имеющих доступ к Интернету, увеличилась на 10 %, число фирм выросло на 0,7 % (модель 2 в табл.). Причем это значение было рассчитано для предыдущих периодов, когда только 42 % фирм использовали Интернет для продажи товаров, а на онлайн-рынок приходилось 2 % от общего объема торговли. Предполагается, что после кризиса эти значения вырастут.

Господдержка влияет положительно на развитие малого бизнеса, хотя эффект слабый и отложенный, что согласуется с нашими более ранними расчетами [1; 2]. Так, увеличение субсидий на 1 % связано с ростом числа фирм на 0,03 %, но с лагом в один год из-за специфики бюджетного процесса в России (модель 4 в табл.). В период пандемии было выделено 81,1 млрд руб. на субсидии малому бизнесу пострадавших отраслей. Размер субсидий составил 12 130 руб. на одного работника. По данным [12], этой мерой воспользовались более 16 % опрошенных компаний, а востребованной считали более 60 %.

Налоговые проверки, которые были временно прекращены в период пандемии, в предыдущие годы не влияли на число малых фирм. Налоговые льготы важны и могут помочь компаниям восстановиться после кризиса: их увеличение на 5 % на одну фирму связано с ростом числа малых фирм на 0,15 % (модель 3 в табл.). Во время пандемии предприниматели наиболее пострадавших отраслей были освобождены от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, 21,7 % опрошенных компаний воспользовались мерой по снижению страховых взносов [12]. С другой стороны, существует проблема дробления бизнеса, когда средние и крупные предприятия делятся на микрофирмы для получения льгот [1].

По нашим оценкам, при сокращении мировых рынков на 3%, доходов населения — на 5,5%, объема банковских услуг — на 5% возможно снижение числа микро- и малых фирм на 3,5—4%. Используя лишь три фактора, нам удалось дать близкую к реальной оценку — около 4,3%, по данным ФНС РФ [5]. Полученные соотношения (табл.) хорошо описывают ситуацию в среднем ($LSDV R^2 > 0,98$), но для каждого конкретного субъекта велика доля иных факторов ($Within R^2 = 0,12—0,54$). При этом переменные господдержки ухудшают оценки качества модели, что может быть связано с ручными механизмами ее распределения между регионами.

Согласно расчетам [8], уменьшение числа микро- и малых фирм на 1% может привести к снижению ВРП на 0,06—0,17%. Только в результате снижения активности малого бизнеса можно ожидать падения российского ВВП в 2020 г. на 0,22—0,67%.

В крупных агломерациях выше возможности для адаптации малого бизнеса за счет роста онлайн-сектора. В Московской области, Москве и Санкт-Петербурге доля компаний, использующих Интернет для продажи товаров и услуг, составляет более 50%, а на Северном Кавказе — ниже 30%. Поэтому наиболее серьезные последствия для сектора МСП следует ожидать на Северном Кавказе, в Краснодарском крае и в Крыму, где на сектор МСП приходится более половины всех занятых [6]. Ожидается рост теневой занятости.

Выявленные факторы помогают оценить адекватность мер, принимаемых государством [11]. Например, попытки сохранить занятость за счет ограничений могут негативно повлиять на восстановление сектора. Выделенные субсидии, налоговые и кредитные льготы стабилизируют ситуацию. Рост выплат наиболее уязвимым гражданам как способ стимулировать спрос также направлен на эти цели. Без повышения спроса, доступа к рынкам и капиталам посткризисное восстановление будет невозможным. Необходимы и дополнительные меры по сокращению цифрового неравенства между регионами [12], включая онлайн-доступ малого бизнеса к налоговым платежам, субсидиям, государственным закупкам и т. д. В целом востребованы меры по улучшению делового климата [3].

Список литературы

1. Антонова М. П., Баринаева В. А., Громов В. В. и др. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта. М., 2020.
2. Баринаева В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России // Вопросы экономики. 2018. Т. 6. С. 92—116. doi: 10.32609/0042-8736-2018-6-92-116.
3. Баринаева В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В. Улучшение делового климата для МСП как ответ на текущий кризис и пандемию коронавируса // Экономическое развитие России. 2020. Т. 7, №7. С. 54—65.

4. Виленский А. В. Российское малое и среднее предпринимательство в начале коронавирусного кризиса: федеральный и региональный аспекты // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 4. С. 46—57.

5. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: <https://ofd.nalog.ru/> (дата обращения: 10.09.2020).

6. Земцов С. П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 46, № 2. С. 168—180. doi: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-9.

7. Земцов С. П., Бабурин В. Л. Предпринимательские экосистемы в регионах России // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 4—14.

8. Земцов С. П., Смелов Ю. А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. Т. 4, № 40. С. 84—108. doi: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-4.

9. Земцов С. П., Царева Ю. В. Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. Т. 37, № 1. С. 145—165. doi: 10.31737/2221-2264-2018-37-1-6.

10. Земцов С., Баринаева В., Семёнова Р. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 84—96.

11. Леващенко А., Коваль А. Меры финансовой и нефинансовой поддержки МСП в условиях ситуации с COVID-19 // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27, № 5. С. 66—70.

12. Приложение к Докладу Уполномоченного по правам предпринимателей при Президенте Российской Федерации. COVID-19: последствия для бизнеса и экономики. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2020/7.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).

13. IMF. 2020. World Economic Outlook. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (дата обращения: 10.09.2020).

14. Zemtsov S. New technologies, potential unemployment and ‘nescience economy’ during and after the 2020 economic crisis // Regional Science Policy & Practice. 2020. № 12. P. 723—743. doi: 10.1111/rsp3.12286.

Об авторе

Степан Петрович Земцов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, РАНХиГС, Россия.

E-mail: spzemtsov@gmail.com

The author

Dr Stepan P. Zemtsov, Leading Researcher, RANEPA, Russia.

E-mail: spzemtsov@gmail.com

УДК 332.1

В. В. Горочная^{1, 2}

¹ Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ,
РОСТОВСКОЙ, ВОРОНЕЖСКОЙ, БЕЛГОРОДСКОЙ И КУРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ:
ВЗГЛЯД РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Статья освещает актуальные проблемы осознания региональным сообществом экономической безопасности западных приграничных регионов России. Анализ исследований за последние годы показал преобладание внутренних (региональных и межрегиональных), а не внешних факторов, идентифицируемых в качестве рискованных.

The article highlights current problems of economic security in the Western border regions of Russia. The analysis of the studies appeared during the last years pointed out the prevalence of intra-regional and also cross-regional (but not international cross-border) reasoning for the main challenges and risks.

Ключевые слова: экономическая безопасность, геоэкономическая турбулентность, приграничные регионы.

Keywords: economic security, geo-economic turbulence, border regions.

Проблемы экономической безопасности актуализуются в результате нарастания геоэкономической нестабильности как в глобальном масштабе, так и в особенности в системе «Россия — Запад», поэтому в фокусе повышенного внимания оказываются западные приграничные регионы России в целом [3; 8; 15]. Среди них в том числе заслуживают отдельного рассмотрения центральные и южные, непосредственно граничащие с Украиной, а потому после 2014 г. испытывающие существенное сокращение экспортно-импортных операций, научно-технического и кадрового взаимодействия с прежде наиболее значимым соседствующим партнером.

Однако наряду с данной составляющей важно выявить и не зависящие от геоэкономических потрясений угрозы экономической безопасности, задаваемые внутрирегиональными и общенациональными российскими факторами. Таким образом, оценка внешнеэкономических угроз должна производиться с учетом того, насколько сложившуюся обстановку осложняют внутренние факторы (как долгосрочные, так и текущие), а также того, насколько региональная социально-экономическая система способна к

самоорганизующемуся противостоянию за счет внутренних структурных и организационных преобразований, осуществления результативного импорто-замещения [5].

Наряду с количественной и качественной оценкой экономической безопасности как таковой важно учитывать внутрорегиональный вектор научного, а также взаимосвязанного с ним социального и политического дискурса, формирующего собственное понимание категории безопасности в социально-экономической сфере, а также представления о текущих и потенциальных угрозах. Данный аспект соответствует все большей гуманизации понятия экономической безопасности региона, ее зависимости от взгляда регионального сообщества и администрации, так как одни и те же факторы могут идентифицироваться либо не идентифицироваться в качестве рисковенных, что в итоге влияет на траекторию развития региона, его ценности, цели и приоритеты [5].

Цель данной работы — выявление специфики понимания региональной экономической безопасности, ее измерителей, факторов достижения, рисков и угроз, которое сложилось в исследовательском сообществе за последние годы (в период после внешнеэкономических изменений 2014—2015 гг.) в российских регионах, приграничных по отношению к Украине (включая трансакваториальную сорасположенность Краснодарского края; данные по Республике Крым не вошли в исследование в силу адаптационного переходного периода после включения в состав РФ, еще не сформировавшего устойчивого подхода и позиции регионального исследовательского сообщества). Важной задачей в том числе является определение соотношения внешних, внутрорегиональных, межрегиональных, общероссийских факторов, распознаваемых региональными исследовательскими в качестве наиболее значимых и целевых.

Анализ исследовательской литературы по проблематике экономической безопасности соответствующих регионов за последние годы показывает, что большинство работ опирается на количественные показатели внутренней экономической динамики, в первую очередь промышленной (включая состояние основных фондов и инвестиционной деятельности), а также инновационной, с возможностью корректировки и уточнения данных за счет качественной информации, полученной в ходе экспертных опросов. Опыт применения данной методической схемы показателей к анализу экономической безопасности *Курской области* на основе сопоставления интегрального показателя с критическими значениями продемонстрировал усиление угроз, переход в зону «допустимого риска», что в особенности проявляется в нестабильной инновационной динамике и небольшом количестве объектов инновационной инфраструктуры, недостаточных темпах технологического перевооружения промышленности, отсутствия планомерной стратегии маркетинга территории и привлечения инвестиционных потоков и квалифицированных кадров [1].

Прикладные методики оценки, применявшиеся для оценки экономической безопасности *Белгородской области*, учитывали сопоставление основных индикаторов как со среднероссийскими значениями, так и со средними по сопредельным государствам и ближайшим соседствующим внешним территориям [2]. На фоне небольшого (хотя и постепенно сокращающегося за счет положительной динамики, сохранившейся после 2014 г. [4]) отставания от общероссийских значений основных душевых макроэкономических показателей «позитивной оценки заслуживает сравнение со средним значением, выявленным в Украине» [2, с. 305]. Однако при этом фиксируется и существенное снижение «адаптивности системы к изменяющимся условиям внешней среды» [2, с. 306], что маркируется уменьшением уровня инвестиционной активности, быстрым ростом дефицита бюджета и соотношения кредиторской задолженности с объемами выпускаемой продукции. Несмотря на постепенное снижение социальной напряженности, существенным остается социальный разрыв в уровне благосостояния населения внутри региона. В качестве важного обстоятельства отмечается и неоднозначная динамика большинства показателей (при улучшении ситуации в период 2014—2016 гг. последовало усиление рисков, наметившееся уже с 2017 г.) [2]. Стремительно же снижавшиеся объемы внешнеторгового оборота обнаружили небольшую тенденцию к повышению лишь с 2018 г. [4].

В отношении *Воронежской области* в качестве важных стратегических проблем обеспечения экономической безопасности акцентируется потребность в инновационном и технико-технологическом перевооружении промышленного комплекса региона, что не может быть полноценно и своевременно достигнуто ни усилиями местного бизнес-сообщества, ни при содействии проектов региональной поддержки, а соответственно, требует вовлечения региона в более масштабные общероссийские программы по сокращению технологического отставания, структурным и институциональным преобразованиям и поддержке экспорта [10]. В условиях относительно высокой плотности научных организаций и инновационно активных предприятий обращают на себя внимание отсутствие эффективных механизмов их координации, а также недофинансированность проектов и разработок [10]. Экспертные данные указывают на повышенные риски нарушения регулярности обеспечения производства поставками сырья и комплектующих в результате изменения режима трансграничного взаимодействия, неблагоприятное воздействие скачков валютных курсов, а также на проблемы законодательной базы налогообложения, качества кадровых ресурсов (в том числе управленческих) [17].

Кадровые проблемы, качество человеческого капитала, а также модель взаимодействия деловой и административной элит акцентируются экспертами и при оценке экономической безопасности *Ростовской области* [9]. Также фиксируются ряд структурных [11] и бюджетно-финансовых слож-

ностей [19], необходимость стимулирования инвестиционной деятельности [14] при наличии перспектив инновационного развития (в том числе на «волне» кластеризации инновационного производства в целях обеспечения импортозамещения [6; 8]). Тем самым в экономике региона даже при утрате более чем 30% доли Украины во внешней торговле [16] наиболее ощутимыми оказываются внутренние, а не внешние проблемы: после переструктурирования торговых связей происходит активное наращивание экспорта и усиление профильных производств; проблемным за счет геоэкономических потрясений остается в первую очередь сектор инвестиций [9]. Разрыв внешних связей скорее создает стратегические риски упущенных возможностей, в том числе взаимодействия в Черноморском регионе в целом [7].

В Краснодарском крае, как показал анализ основных исследовательских и прикладных работ за последние годы, используется широкий круг как собственно экономических (в том числе финансовых), так и социально-ориентированных показателей [12; 13; 18]. При этом социально-экономическая безопасность региона понимается преимущественно в конкурентном аспекте, а в качестве основных конкурентов рассматриваются другие регионы ЮФО, в первую очередь непосредственно территориально соседствующие с Краснодарским краем. Большое внимание уделяется потенциалу трудовой миграции из сопредельных регионов, имеющих производственные и финансово-экономические трудности (Республика Калмыкия), а также низкие показатели социального благополучия, повышенную заболеваемость и преступность (Ростовская область) [12]. Обобщим проведенный обзор по регионам (табл.).

**Основные особенности идентификации
проблем экономической безопасности по регионам**

Регион	Основные направления измерения	Главные идентифицируемые источники угроз	Причинность
Курская область	Финансово-экономические, в том числе инвестиционные; состояние ОС; динамика инноваций; качество кадров	Технико-технологическое отставание (в том числе недоиспользование потенциала); недостаток объектов инновационной инфраструктуры; сокращение инвестиционной деятельности; недостаток квалифицированных кадров	<i>Внутрирегиональная:</i> отсутствие на региональном уровне стратегии маркетинга территории и эффективных схем привлечения внешних инвесторов; недостаток управленческих квалифицированных кадров в регионе

Продолжение табл.

Регион	Основные направления измерения	Главные идентифицируемые источники угроз	Причинность
Белгородская область	Финансово-экономические, в том числе инвестиционные; состояние ОС; динамика инноваций; уровень и качество жизни населения	Сопредельное государство с его социально-экономическими проблемами, трансграничная миграция и контрафакт. снижение инвестиционной активности, проблемы регионального бюджета и финансового здоровья кредитной системы	<i>Внутрирегиональная:</i> снижение уровня региональной адаптивности. <i>Общероссийская:</i> снижение инвестиционной привлекательности и бюджетной обеспеченности. <i>Внешняя:</i> усиление дифференциации социально-экономических показателей с внешними сопредельными территориями
Воронежская область	Финансово-экономические, в том числе инвестиционные; состояние ОС; динамика инноваций; международная торговля	Технико-технологическое отставание (в том числе недоиспользование потенциала); сокращение инвестиционной деятельности; нестабильность экспорта, усложнение логистических и контрактных схем импорта	<i>Внутрирегиональная:</i> структурные и институциональные проблемы, недостаточная связность науки и бизнеса; ограниченный внутрирегиональный инвестиционный потенциал. <i>Общероссийская:</i> снижение инвестиционной привлекательности; потребность в целевых программах федерального уровня (ожидания от федерального центра). <i>Внешняя:</i> разрыв связей и ужесточение трансграничных режимов

Окончание табл.

Регион	Основные направления измерения	Главные идентифицируемые источники угроз	Причинность
Ростовская область	Финансово-экономические, в том числе инвестиционные; состояние ОС; динамика численности малых и средних предприятий (в том числе расходящаяся с данными официальной статистики); динамика инноваций; качество кадров; качество правового обеспечения	«Миграция предприятий» и квалифицированных кадров за пределы региона, снижение деловой и инвестиционной активности, проблемы регионального бюджета. Необходимость в технико-технологическом росте и инноватизации рассматривается как вызов, но не угроза	<i>Внутрирегиональная:</i> преобладание краткосрочных ожиданий, характер взаимодействия администрации и бизнес-элит, «сводящий на нет» адаптивность региональной социально-экономической системы. <i>Межрегиональная:</i> активная конкурентная позиция со стороны Краснодарского края. <i>Общероссийская:</i> снижение инвестиционной привлекательности
Краснодарский край	Финансово-экономические; состояние ОС; социально-демографические; здоровье; преступность; качество жизни и «социальное самочувствие»	Соседствующие регионы РФ (как конкуренты и источники трудовой миграции)	<i>Межрегиональная:</i> усиление дифференциации и ужесточение межрегиональной конкуренции в пределах Юга России

Заключение

Как видно из проведенного анализа, в большинстве рассматриваемых регионов используется примерно одинаковый (хотя и подсчитываемый по разным методикам) набор индикаторов экономической безопасности, с большими или меньшими отклонениями — преимущественно в сторону инновационной и социальной составляющих. Однако при этом осознание угроз и их причинности исходит в основном из внутрирегиональных и общероссийских проблем и ожиданий. Лишь в двух регионах (в Белгородской и в меньшей степени в Воронежской областях) осложнение ситуации после 2014 г. час-

тично воспринимается в качестве следствия внешних геоэкономических изменений, смены режимов, нормативно-правовых и логистических схем трансграничного взаимодействия. В абсолютном большинстве регионов причинность социально-экономических угроз перенесена во внутрорегиональное поле, а на Юге России — в межрегиональное за счет обострения конкурентного давления. Таким образом, количественная и качественная фиксация уровня экономической безопасности и его причинно-следственное обоснование преимущественно отталкиваются не от прямого влияния геоэкономической турбулентности, а от изначальных региональных слабостей и общероссийских структурных и институциональных проблем, которые усилились либо ярко проявились в результате ее воздействия.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»).

Список литературы

1. *Афанасьева Л.В., Белоусова Л.С., Ульянцева Ж.А.* Управление экономически безопасным развитием региона инструментами промышленной политики // Социально-экономические явления и процессы. 2018. №3. С. 178—187.
2. *Безуглова Ю.В., Иголкина Т.Н., Эмирова И.У.* Прикладные аспекты оценки региональной экономической безопасности (на примере Белгородской области) // Инновации и инвестиции. 2019. №6. С. 304—309.
3. *Волошенко Е.В., Волошенко К.Ю.* Оценка и измерение экономической безопасности приграничных регионов России: теория и практика // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №3. С. 96—118.
4. *Глотова А.С., Лихобабенко Е.А.* Оценка экономической безопасности Белгородской области в контексте ключевых показателей социально-экономического развития региона // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. №3. С. 518—522.
5. *Горочная В.В., Дружинин А.Г.* Индикация экономической безопасности приграничного региона в условиях геоэкономической турбулентности (на примере Ростовской области) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №1. С. 96—106.
6. *Горочная В.В.* Кластерообразование и инновационная безопасность в регионах западного побережья России: инвентаризация и основные тренды развития // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. №3 (59).
7. *Горочная В.В.* Трансграничная кластеризация в черноморском регионе как фактор экономической безопасности Юга России // Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного побережья России : матер. междунар. науч. конф. Калининград, 2018. С. 74—84.
8. *Горочная В.В.* Турбулентность в геоэкономике: методический подход к моделированию воздействия на экономическую динамику порубежного региона // Экономика устойчивого развития. 2018. №4 (36). С. 136—142.

9. *Горочная В. В.* Экономическая безопасность Ростовской области в условиях геоэкономической турбулентности: опыт экспертного эмпирического обследования // Балтийский регион — регион сотрудничества — 2019 : матер. III междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2019. С. 169—181.

10. *Зеленцова С. Ю.* Инновационная система региона как основа обеспечения социально-экономической безопасности территории на долгосрочную перспективу (на примере Воронежской области) // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2013. №15. С. 65—70.

11. *Казанин И. Ю.* Исследование социально-экономической безопасности Ростовской области, когнитивное моделирование стратегии развития // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. №3. С. 12—16.

12. *Листопад М. Е., Герич В. М.* Повышение социально-экономической безопасности Краснодарского края // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. №8 (365). С. 1460—1478.

13. *Маханько Г. В., Назаренко Н. А., Чичканева Е. С.* Оценка экономической безопасности региона (на примере Краснодарского края) // Научный журнал КубГАУ — Scientific Journal of KubSAU. 2017. №128. С. 649—664.

14. *Панченко М. И.* Обеспечение экономической безопасности Ростовской области посредством инвестирования в инновации // Проблемы экономики и менеджмента. 2016. №10 (62). С. 15—17.

15. *Проблемы экономической безопасности регионов западного побережья России* / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2019.

16. *Росстат.* Официальный портал Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.09.2020).

17. *Соколинская Ю. М.* Мероприятия по обеспечению экономической безопасности системы государственного регулирования социально-экономического развития на примере Воронежской области и АО концерн «Созвездие» // Вестник ВГУИТ. 2018. №1 (75). С. 341—347.

18. *Тереженко А. П.* Социально-экономическая характеристика и мониторинг показателей экономической безопасности Краснодарского края // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №12. С. 247—250.

19. *Харченко С. В., Каплянян Р. А., Мустафаева Н. Ю. и др.* Обеспечение экономической безопасности посредством стабилизации бюджета Ростовской области // Economics. 2016. №4 (13). С. 47—49.

Об авторе

Василиса Валерьевна Горочная, кандидат экономических наук, специалист по учебной и методической работе, Южный федеральный университет; научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tunduk@hotmail.com

The author

Dr Vasilisa V. Gorochnaya, Specialist for Education and Methodical Work, South Federal University; researche, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: tunduk@hotmail.com

УДК 621.002: 658.51 + 658.114.32 + 636.4

Т. Е. Дрок¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ СБАЛАНСИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НА СВИНОВОДЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

На основе проведенного практико-ориентированного исследования представлена авторская адаптация алгоритма построения системы сбалансированных показателей, учитывающая отраслевую специфику изучаемого свиноводческого предприятия. Практическая ценность заключается в возможности применения смоделированной стратегической карты системы сбалансированных показателей и финансовой модели ключевых показателей эффективности не только на данном предприятии, но и на других предприятиях свиноводческой отрасли страны.

As a result of the practice-oriented research, the author's adaptation of the algorithm for constructing a balanced scorecard is presented, taking into account the industry specifics of the studied pig breeding enterprise. The practical value lies in the possibility of using a simulated strategic map of the balanced scorecard and the financial model of key performance indicators not only at this enterprise, but also at other enterprises of the country's pig-breeding industry.

Ключевые слова: система сбалансированных показателей, свиноводство, ключевые показатели эффективности, построение, внедрение, Калининградская область.

Keywords: balanced scorecard, pig breeding, key performance indicators, construction, implementation, Kaliningrad region.

Введение

В настоящее время свиноводческая отрасль сталкивается с некоторыми существенными проблемами, в числе которых пандемия коронавируса, вирус африканской чумы свиней, ужесточение законодательства относительно деятельности свинопроизводителей, высокий уровень конкуренции со стороны производителей товаров-субститутов, нехватка квалифицированных кадров. Вследствие этого на рынке остаются функционировать крупные агропро-

мышленные компании, располагающие передовыми инновационными производственными технологиями, способные привлечь дополнительное внешнее финансирование банков и иностранных инвесторов.

Принимая во внимание современные реалии развития экономик всего мира, аналитики предрекают закрытие или значительное ослабление отдельных отраслей после пандемии коронавируса. Однако сельское хозяйство относят к отраслям, которые, вероятнее всего, пострадают в меньшей степени, нежели другие. Неуязвимость сельского хозяйства обусловлена удовлетворением базовой потребности человека. Кроме того, сельское хозяйство является производством непрерывного цикла, оно не может остановиться и уйти в самоизоляцию. Риск заражения у аграриев меньше, чем у жителей огромных мегаполисов, они способны избежать массовых тесных контактов.

В силу закрытия границ аграриям приходится полагаться на внутренние ресурсы и вести поиск рабочей силы на своих территориях. Подобные проблемы могут стимулировать переход на автоматизированные технологии, которые и так развиваются быстрыми темпами, а после окончания пандемии коронавируса могут сделать еще больший скачок.

Серьезным препятствием для успешной работы выступает разрушение некоторых хозяйственных связей из-за изоляции городов и стран и прерывания международной торговли, что совпало и со значительным ослаблением рубля. Импортная продукция (техника, семена, удобрения, средства защиты растений, медикаменты для животных и т. п.) стала менее доступной.

Отечественная агропромышленность полной самообеспеченности не достигла и зависимость от импорта в ряде позиций все еще существует. Однако эта проблема не настолько критична, чтобы полностью подкосить сельское хозяйство, и, возможно, она подстегнет российский бизнес к импортозамещению.

В рамках проводимых исследований и анализа хозяйственной практики управления свиноводческими предприятиями региона в данной статье представлены результаты разработки и внедрения системы сбалансированных показателей (ССП) на свиноводческих предприятиях региона, что вызвано насущной необходимостью укрепления их конкурентных позиций на рынке.

Концепция СПП разработана Р. Капланом и Д. Нортоном в 1990-х гг. [21; 22] и получила дальнейшее развитие как в их научных трудах [9—12], так и в работах других авторов [15; 17—20].

Результаты научных исследований и практические разработки зарубежных авторов по построению и внедрению в хозяйственную практику системы

сбалансированных показателей свидетельствуют о том, что данная методика оценки эффективности стратегического и оперативного управления детально ими проработана, апробирована во многих крупных компаниях и используется уже несколько десятков лет. Данный инструмент стратегического управления бизнесом несовершенен и уступает более прогрессивным методам управления компанией, ее стратегией и человеческим капиталом. В частности, эта система не включает критически важный компонент — средства оценки.

Обзор трудов российских авторов по теме исследования показал, что система ключевых показателей эффективности (KPI) в российских реалиях имеет в основном прикладной характер и используется российскими компаниями более 10 лет. К тому же многие труды отечественных авторов об оценке эффективности персонала сфокусированы не на разработке действительно сбалансированных систем показателей, а на мотивации и установлении постоянной и переменной частей заработной платы [1—4; 13].

Авторский семиэтапный алгоритм построения системы сбалансированных показателей на свиноводческих предприятиях региона

Цель исследования — разработка и оценка эффективности внедрения системы сбалансированных показателей на свиноводческих предприятиях эксклавного региона. В задачи исследования входило построение системы сбалансированных показателей на предприятиях свиноводческой отрасли, базирующихся на научных разработках зарубежных и отечественных авторов. Использованы методы монографического, стратегического и финансового анализа деятельности одного из крупнейших свиноводческих комплексов страны и лидера региона.

Первый этап предполагает разработку единой стратегии, миссии, видения и бизнес-модели компании, учитывающих результаты анализа макроокружения с целью определения ключевых факторов риска [4]. Бизнес-модель одного из крупнейших свиноводческих предприятий региона представлена в таблице 1, на базе которой в таблице 2 построена цепочка ценности его бизнес-единицы «Свинопроизводство».

Для второй по значимости после скотоводства свиноводческой отрасли характерны следующие негативные факторы [5]:

- 1) возникновение вируса африканской чумы свиней (АЧС);
- 2) нестандартность бизнес-процессов [8];
- 3) удорожание составляющих кормов, медикаментов;
- 4) высокие процентные ставки по кредитам;
- 5) забастовки и протесты населения и др.

Таблица 1

Бизнес-модель одного из крупнейших свиноводческих предприятий региона

Ключевые партнеры	Ключевые виды деятельности	Ценностные предложения	Взаимоотношения с клиентами	Потребительские сегменты
<ul style="list-style-type: none"> — поставщики сельхозтехники (<i>JohnDeere, CLAAS, HORSCH</i>) — поставщики спецтехники и электроники (<i>BigDutchman, Skold</i>) — поставщики технологической системы управления свинофермой (<i>Egieberg, AsoFunk</i>) — поставщик кормов («Агропродукт», «Солнечество», «Фурмановское») — поставщики племенных свиной («ЕвроГен») — поставщики медикаментов («Инга Фарм», «ГД ВИК», «Неофорс») — поставщики пищевых добавок, оболочки 	<ul style="list-style-type: none"> — разведение свиней — оптовая и розничная торговля сельскохозяйственным сырьем, живыми животными, мясомпродуктами — выращивание масличных, зерновых и зернобобовых культур — оказание услуг сельхозпроизводителям по утилизации отходов производства 	<ul style="list-style-type: none"> Обеспечение потребителей качественной свиной, выращенной по европейским технологиям, а также мясомпродуктами. Технологическая утилизация биологических отходов от деятельности сельхозпроизводителей Калининградской области 	<ul style="list-style-type: none"> Персональная поддержка. Близость к клиенту 	<ul style="list-style-type: none"> B2B (оптовые продажи): — торговые предприятия — оптовики и агрохолдинги — мясоперерабатывающие предприятия. B2C (через розничные магазины)
<ul style="list-style-type: none"> — денежные ресурсы (инвестиции); — материальные ресурсы (современное оборудование) — человеческие ресурсы (опыт и компетенции датских управленцев) 	<ul style="list-style-type: none"> Ключевые ресурсы 	<ul style="list-style-type: none"> Каналы сбыта — личные контакты и по телефону с менеджером по продажам — сети розничной торговли — специализированные кулинарии — HoReCa — собственные магазины 	<ul style="list-style-type: none"> Потоки поступления доходов 	
<ul style="list-style-type: none"> — стоимость закупок животных, семян, техники, медикаментов и т. п. — коммерческие и управленческие расходы — расходы на транспортировку — расходы на обслуживание оборудования — цеховые расходы — затраты по организации производства и управлению 	<ul style="list-style-type: none"> — выручка от оптовой и розничной реализации продукции и предоставления услуг — доход от реализации основных средств — получение государственных субсидий — доход в виде процентов от предоставленных другим организациям кредитов 			

Таблица 2

Цепочка ценности бизнес-единицы «Свинопроизводство» одного из крупнейших свиноводческих предприятий региона

Поставка и хранение сырья и комплектующих	Производство	Логистика	Продажи и маркетинг	Постпродажное обслуживание
Сложившиеся отношения с ключевыми поставщиками по всему миру. Поставка племенных свиной из Дании. Хранение поступающих материалов на складских площадках. Хранение кормов на собственном комбикормовом заводе. Собственное производство кормов. Управление запасами	Состоит из нескольких площадок: хрячник, маточник, репродуктор, доращивание, откорм. Уход ветеринарами за животными. Полная производственная мощность свиноматки оценивается в 180 000—190 000 убойных свиной в год. Производство: — свиной в живом весе — натурального рубленого мяса — готовых к употреблению мясных продуктов (колбасы, сардельки/сосиски, свиные рулеты и т. п.) — полуфабрикатов из свинины (натуральные котлеты, шашлык, фарш)	Внутренняя логистика между производственными площадками. Погрузо-разгрузочные работы. Доставка покупателям осуществляется собственными грузовыми машинами, а также логистическими компаниями. Стоимость доставки включена в цену товара	Обработка заказов. Предоплата 50% за сутки до отгрузки свиней. Фьючерсные контракты. Сбыт: опг, сети розничной торговли, специализированные кулинарии HoReCa (поставки в заведения общепита), собственные магазины. Формирование базы постоянных клиентов. Скидки постоянным клиентам-оптовикам, поиск новых клиентов. Активная реклама, продвижение. Формирование бренда. Изучение рынка и конкурентов	Предоставление скидок на животных с отклонениями. Рассмотрение жалоб. Возможность возврата больных животных. Бесплатное проведение анализов и исследований

Развитие технологии	<p>Высокотехнологичная свиноферма по европейским стандартам</p> <p>Контроль здоровья свиней на каждом этапе производства</p> <p>Фракционная переработка отходов жизнедеятельности свиней и их дальнейшее использование в качестве удобрений</p> <p>Замкнутый цикл производства</p> <p>Использование мясных и генетически лучших пород свиней (ландрас, дюрок, йоркшир и производные от них)</p> <p>Дезинфекция въезжающих машин раствором глютекса и аэрозольным методом</p> <p>Соблюдение IV уровня компартамента</p>
Управление человеческими ресурсами	<p>Обучение персонала специфике работы на свиномплексе</p> <p>Курсы по английскому языку для категорийных менеджеров</p> <p>КРП как метод контроллинга и мотивации персонала</p> <p>Страхование сотрудников от производственных травм</p> <p>Подробные регламенты для сотрудников</p>
Общее управление	<p>Развитая инфраструктура и материальная база</p> <p>Эффективные системы планирования и бюджетирования</p> <p>Сбалансированная система показателей как метод управления компанией, MS Navision — ПО, используемое для управления свиномплексом</p> <p>Европейский (датский) высший менеджмент</p>

Таким образом, основными перспективными направлениями развития свиноводства являются рост поголовья свиней с последующей интенсификацией его использования, эффективное использование кормов за счет улучшения полноценности рационов, а также соблюдение всех правил биобезопасности согласно IV компартменту. В этой связи актуальными корпоративными стратегиями свиноводческих предприятий становятся дальнейшее развитие продукта (расширение ассортимента, продажа не только свиней в живом весе, но и различных мясных частей свиней с целью увеличения уровня рентабельности продаж); развитие производства продуктов растениеводства, концентрическая диверсификация (производство и реализация на сторону смесей для кормов).

Также предлагается акцентировать внимание на маркетинге, узнаваемости свиноводческой компании и бренде, на розничных продажах (создание собственных мясных лавок нового формата по продаже высококачественной свинины и произведенной мясной продукции), на оказании дополнительных услуг другим сельхозпроизводителям (переработка, утилизация отходов, смеси для кормов и др.). В рамках проводимого исследования для каждой бизнес-единицы свиноводческого предприятия в таблице 3 были сформулированы конкурентные стратегии [16].

Таблица 3

Конкурентные стратегии бизнес-единиц свиноводческого предприятия

Бизнес-единица	Вид конкурентной стратегии	Действия, направленные на укрепление конкурентного преимущества	Предполагаемый результат реализации стратегии
Свинопроизводство	Стратегия широкой дифференциации	Определить и назначить премиальную цену, увеличить темпы роста продаж в тех сегментах, в которых покупатель готов платить премиальную цену; обеспечить уровень товарно-материальных запасов выше, чем при стратегии лидерства по издержкам	Новыми продуктами компании могут стать: 1) натуральное рубленое мясо; 2) готовые к употреблению мясные продукты; 3) полуфабрикаты из свинины
Строительство ферм	Фокусирование на дифференциации	Осуществлять индивидуальный подход к каждому отдельно взятому клиенту, применять новейших технологий под нужды конкретного сельхозпроизводителя	Строительство животноводческих комплексов, утилизационных заводов для конкретных заказчиков (государства, животноводческих производств) с конкретными технологическими решениями и мощностями

Бизнес-единица	Вид конкурентной стратегии	Действия, направленные на укрепление конкурентного преимущества	Предполагаемый результат реализации стратегии
Растениеводство	Фокусирование на низких издержках	Поддерживать конкурентоспособные цены, совершенствовать систему планирования производства и сбыта продукции, добиваться экономии на масштабе	Деятельность, связанная с растениеводством, ранее существующая только в рамках самообеспечения производства кормами, с многократным увеличением посевных территорий, становится самостоятельной бизнес-единицей, которая может реализовывать корма животноводческим производствам по достаточно низким ценам

Предложенный портфель стратегий для конкретных бизнес-единиц свиноводческих предприятий, имеющих свои особенности, можно считать оптимальным с позиции снижения операционного и финансового рисков, способствующим разработке комплексного плана управления ими. Стратегическое видение компании, к примеру, может быть определено лозунгами: «Быть самым эффективным, прибыльным и экологичным производителем высококачественной свинины в России» или «Самая экономически эффективная концепция фермы в России», а возможная бизнес-миссия может звучать следующим образом: «Объединяя опыт, профессионализм и новейшие технологии, начиная с производства кормов и заканчивая экологичным выращиванием свинины, обеспечить регион и страну высококачественным мясом» [7].

Второй этап — моделирование бизнес-процессов и определение центров ответственности. На рисунке 1 представлена модель бизнес-процессов внутренней интегрированной цепи поставок свиноводческого предприятия.

Третий этап — визуализация стратегической карты предприятия в целом и его подразделений; проверка взаимосвязей и исключение противоречий целей. На рисунке 2 автором представлено дерево стратегических целей свиноводческой компании. Следует отметить, что для разработки ССП важна последовательность проекций. Перспективы выстраиваются в единую логическую цепочку: достижение важной цели бизнеса — получение прибыли, которая находится в проекции финансов, — зависит от удовлетворенности клиентов, которая, в свою очередь, достигается с помощью правильной организации бизнес-процессов, находящихся в ведении персонала [7]. Таким образом, дерево целей построено «снизу-вверх», начиная с перспективы потенциала и заканчивая финансовой перспективой.

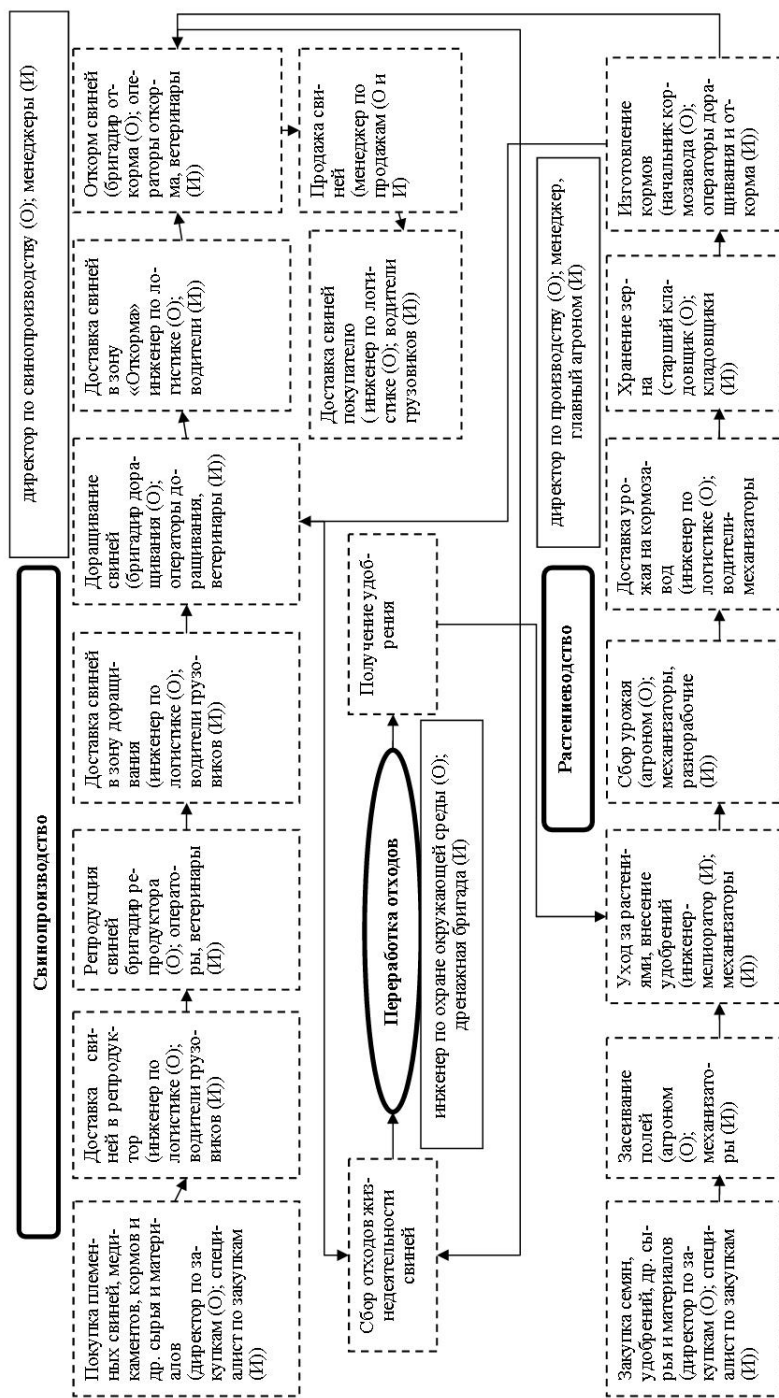

Рис. 1. Внутренняя интегрированная цепь поставок свиноводческого предприятия

Примечание: O — ответственный, И — исполнитель.

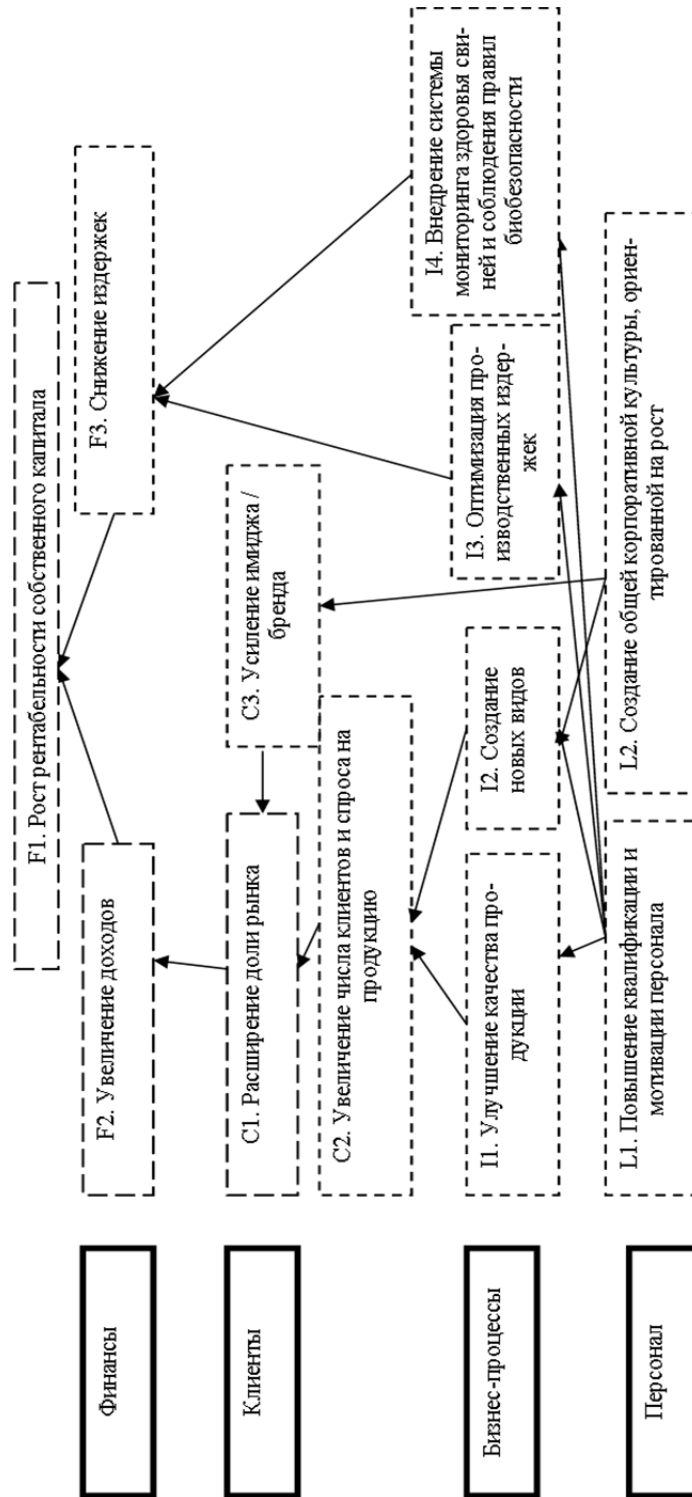

Рис. 2. Стратегическая карта целей свиноводческого предприятия

Четвертый этап — выбор ключевых показателей эффективности для каждой проекции ССП; составление организационных и индивидуальных ССП путем каскадирования ответственности по подразделениям и отдельным должностям. Опираясь на принцип соблюдения причинно-следственных связей при построении ССП (каждый параметр, включенный в сбалансированную систему, должен быть элементом цепи причинно-следственных связей, посредством которой компания получает информацию о стратегии бизнес-единицы), в таблице 4 предлагаем систему ключевых показателей эффективности (KPI), адекватную стратегическим целям свиноводческого предприятия [6].

Таблица 4

**Карта ключевых показателей эффективности (KPI)
свиноводческого предприятия**

Проекция	Цель	Показатель
Финансы	F1. Рост рентабельности собственного капитала	F1.1. Рентабельность собственного капитала (ROE), %
		F1.2. Рентабельность инвестированного капитала (ROIC), %
		F1.3. Коэффициент финансовой прочности, %
	F2. Увеличение доходов	F2.1. Выручка от реализации, тыс. руб.
		F2.2. Объем реализованной продукции, т
	F3. Снижение издержек	F3.1. Доля производственной себестоимости в выручке, %
F3.2. Показатель затрат на рубль товарной продукции, руб.		
Клиенты	C1. Расширение доли рынка	C1.1. Доля рынка в регионе, %
		C1.2. Доля рынка в России, %
	C2. Увеличение числа клиентов и спроса на продукцию	C2.1. Прирост объема продаж за счет новых покупателей, тыс. руб.
		C2.2. Оборачиваемость дебиторской задолженности, дней
	C3. Усиление имиджа / бренда	C3.1. Узнаваемость предприятия потребителями, %
		C3.2. Рейтинг в национальном союзе свиноводов, место

Проекция	Цель	Показатель	
Бизнес-процессы	I1. Улучшение качества продукции	I1.1. Коэффициент убойного выхода, %	
		I1.2. Доля брака, %	
	I2. Создание новых видов продукции	I2.1. Количество товарных позиций нового товара, готового к выходу на рынок, шт.	
	I3. Оптимизация производственных издержек	I3.1. Средний дневной привес одной свиньи на откорме, г/день	
		I3.2. Затраты корма на 1 кг привеса, кг	
		I3.3. Загрузка производственных мощностей, %	
	I4. Внедрение системы мониторинга здоровья свиней и соблюдения правил биобезопасности	I4.1. Средний показатель рождаемости на одну свиноматку, голов в год	
		I4.2. Коэффициент смертности, %	
		I4.3. Доля больных животных, отправленных на карантин, %	
		I4.4. Среднее количество нарушений правил биобезопасности, раз в месяц	
	Развитие и рост	L1. Повышение квалификации и мотивации персонала	L1.1. Доля работников, повысивших разряд, овладевших новыми специальностями, повысивших квалификацию, %
			L1.2. Коэффициент текучести кадров, %
L2. Создание общей корпоративной культуры, ориентированной на рост		L2.1. Индекс удовлетворенности сотрудников, %	
		L2.2. Ежегодные оценки по PD-системе, баллов	

Таким образом, перспектива «Финансы» включает управление доходами, расходами, активами и собственным капиталом.

Проекция «Клиенты» особенно важна для сельскохозяйственных организаций и нацелена на определение доли рынка, конкурентной обстановки.

Проекция «Процессы» предполагает мониторинг показателей убойного выхода туши и уровня загруженности производственных мощностей.

В проекции «Персонал» основное внимание уделено квалификации и мотивации работников, текучести кадров.

В заключение вышесказанного построена сбалансированная система показателей свиноводческого предприятия (рис. 3).

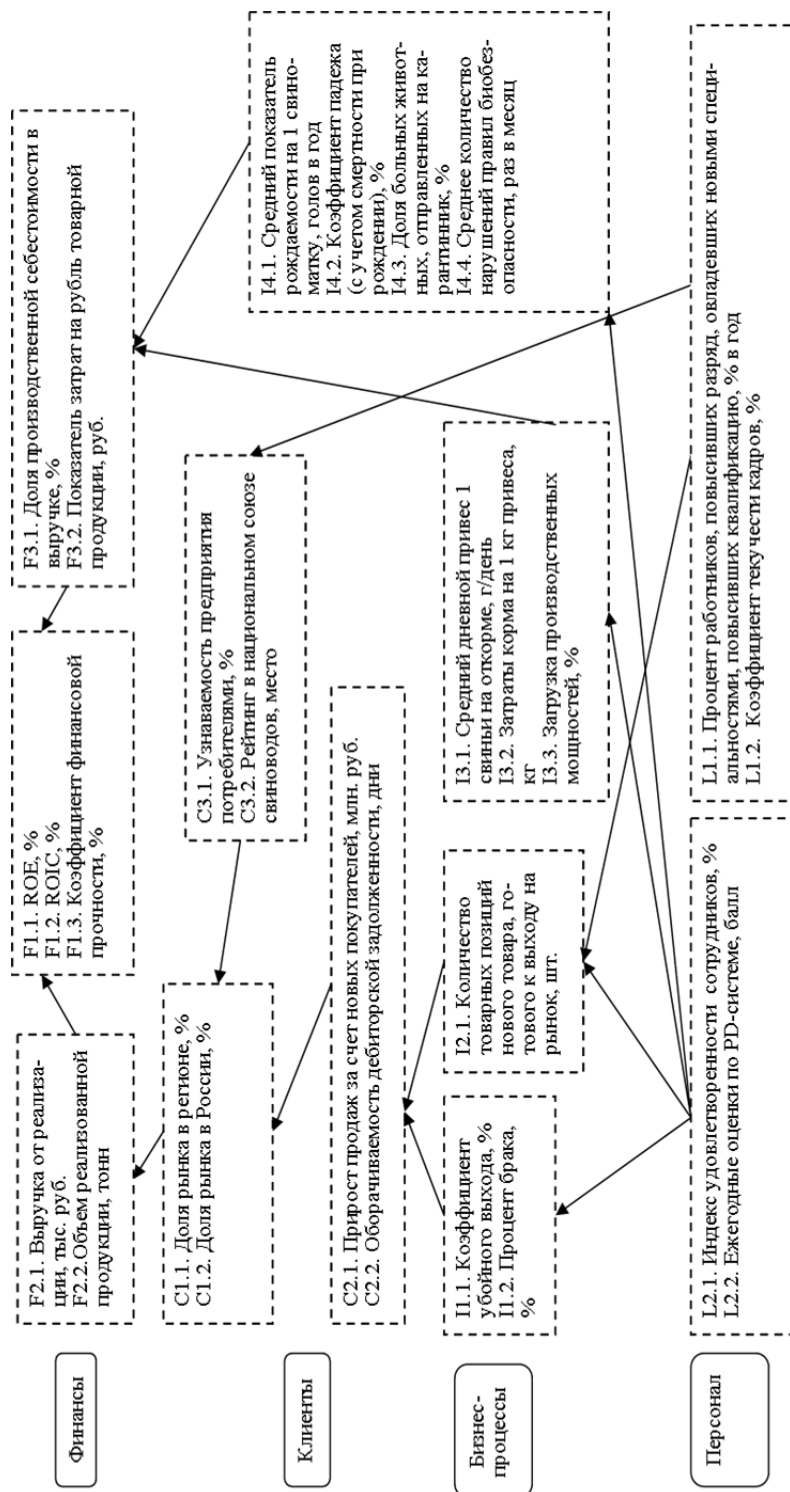

Рис. 3. Сбалансированная система показателей свиноводческого предприятия

Пятый этап — подготовка стратегических инициатив для достижения установленных целевых значений КРІ; описание плана мероприятий для достижения поставленных целей.

Шестой этап — составление мотивационных программ стимулирования работников организации. Доведение стратегий компаний через каскадирование целей до конкретных отделов и сотрудников путем навязывания достижения определенных показателей деятельности становится очень болезненным для персонала. В этом аспекте важно учитывать пожелания работников, понимать их систему ценностей, личные профессиональные цели и пути развития. Для этого рекомендуется через составление личных планов развития сотрудника с его непосредственным начальником сформировать личные профессиональные цели и показатели развития при помощи *Performance Development System (PDS)*, которая гарантирует выполнение трех условий:

- 1) сотрудники могут эффективно управлять своей карьерой и максимизировать свой потенциал;
- 2) будет установлено общее понимание того, что ожидается от сотрудника;
- 3) вознаграждение будет основываться на реальном трудовом вкладе отдельно взятого сотрудника в общее дело компании.

На первом этапе каждый сотрудник с его непосредственным начальником формулирует рабочие цели, основанные на бизнес-процессах и общих целях компании. Затем дважды в год происходит мониторинг выполнения и соответствия поведения сотрудника ценностям компании. Далее осуществляются самооценка выполненных задач и поведения и оценка руководителя с выведением итогового результата. Результаты оценки напрямую связаны с вознаграждением и возможностями развития [3].

Рассмотрим систему КРІ ключевого подразделения свиноводческого предприятия — «Свинопроизводство». Несмотря на то, что производство представляет собой классический центр затрат, в котором формируется основная часть расходов компании, здесь также появляются основные предпосылки для возможности генерирования доходов. На рисунке 4 представлена карта целей данного подразделения.

Остановимся на некоторых целях и показателях, характеризующих степень их достижения. Повышение квалификации и взаимное обучение операторов свинопроизводства послужит толчком к производству новых товаров. Контролируемые здесь показатели — количество товарных позиций нового товара, готового к выходу на рынок, и коэффициент обновления продукции.

Другая важная цель в перспективе бизнес-процессов — увеличение привеса свиней на доращивании и откорме. Показатели эффективности согласуются с показателями на корпоративном уровне, однако на уровне подразделения корректнее отслеживать их значения по отдельности, а именно: контролировать средний дневной привес на доращивании и средний дневной привес на откорме. Рост данных КРІ будет свидетельствовать об увеличении убойного выхода животного.

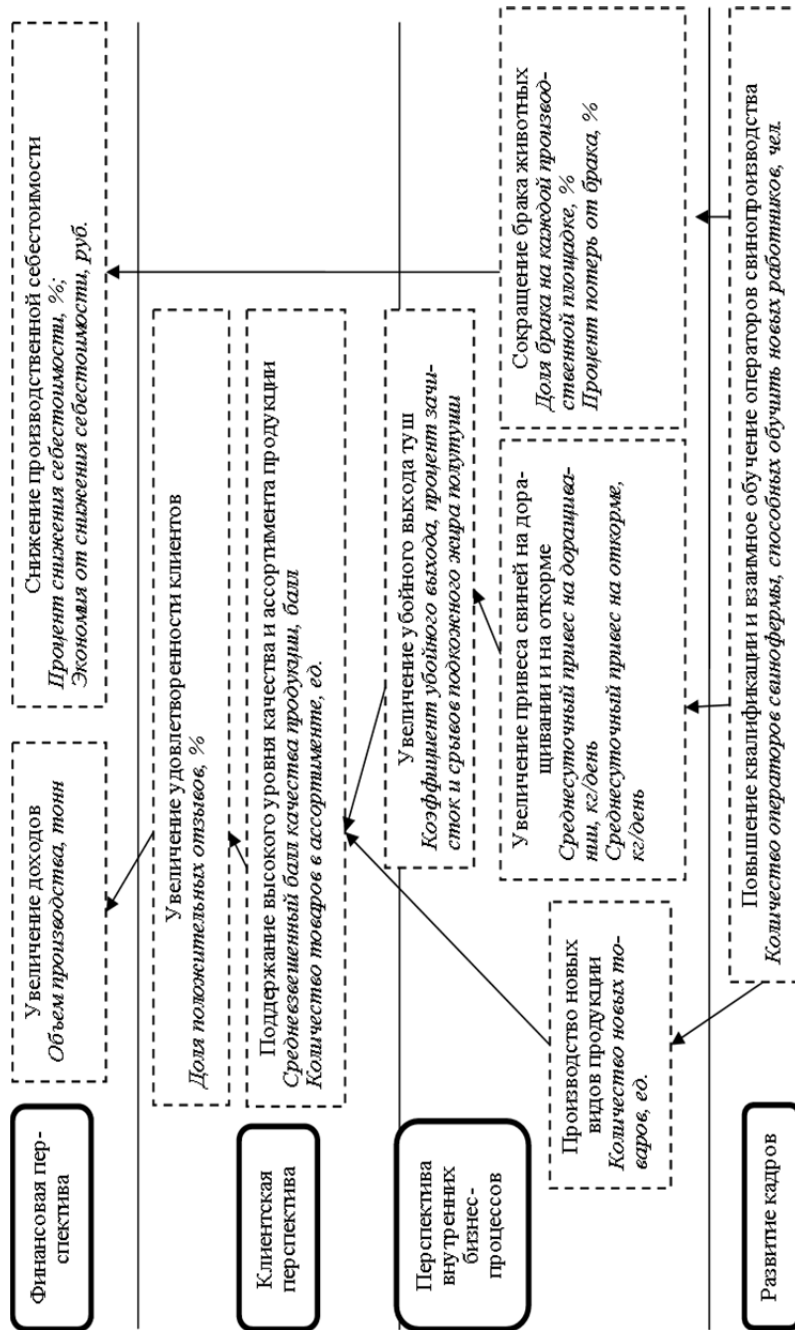

Рис. 4. Дерево целей и показателей свинопроизводства свиноводческого предприятия

Производство новых видов продукции и увеличение убойного выхода туш необходимо для поддержания высокого качества, ассортимента продукции (КРІ — средневзвешенный балл качества продукции, количество товаров в ассортименте, ед.) и вытекающего из этого увеличения удовлетворенности потребителей (доля положительных отзывов). Результат надлежащего выполнения целей — увеличение доходов (объем производства, т; прирост денежного потока, руб.).

Возвратимся к составляющей бизнес-процессов и рассмотрим цель по сокращению брака животных, которая включает в себя показатели доли брака и размера потерь от брака на конкретных производственных площадках: хрячнике, репродукторе, дорасчивании и откорме. Данная ветка целей — путь к снижению производственной себестоимости (процент снижения себестоимости; экономия от снижения себестоимости).

Седьмой этап — тестовое внедрение и корректировка ССП, ее интегрирование с помощью управленческих программных продуктов с уже существующими системами обмена информацией на свиноводческом предприятии. Внедрение ССП в крупную компанию является достаточно сложным и затратным решением. Рекомендуется для этой цели приобрести программный продукт или внедрить систему в уже используемое программное обеспечение. К примеру, если свиноводческое предприятие использует «MS Navision», то в этот программный продукт можно интегрировать ССП, используя облачный сервис *BSC Designer*, преимущества которого заключаются в простоте использования, наглядности, доступности, возможности интеграции с другими системами и выгрузке отчетов в *MS Excel*.

Результаты исследования

Подтверждено, что через систему стратегических целей стратегия развития свиноводческих предприятий транслируется до каждого подразделения и работника путем установления ключевых показателей эффективности, достижение которых их материально стимулирует. Главная проблема построения таких моделей заключается в том, что они не носят универсальный характер, а модель ключевых показателей эффективности может видоизменяться вместе с изменением стратегии развития, бизнес-процессов, состава персонала и т. п. Еще одной проблемой при внедрении системы сбалансированных показателей может стать непринятие стратегии сотрудниками и сопротивление ее реализации.

Результаты исследования прикладных аспектов применения ССП в хозяйственной деятельности свиноводческих предприятий региона позволили структурировать данный процесс, смоделировать стратегическую карту крупного свиноводческого предприятия по четырем проекциям, объединяющим четырнадцать стратегических и двадцать семь ключевых показателей.

Стратегия развития организации была каскадирована до подразделения свинопроизводства с выделением ключевых показателей эффективности оператора свинофермы; разработана программа действий, позволяющая реализовать стратегические цели развития свиноводческого предприятия. Остановимся на наиболее важных мероприятиях, которые были рекомендованы руководству свиноводческого предприятия к внедрению в его хозяйственную практику.

В проекции потенциала в отношении человеческого капитала были приняты следующие решения:

- повышение квалификации работников и проведение различных тренингов;
- осуществление материальной и нематериальной мотивации;
- внедрение *PD-system* для оценки личных целей сотрудников и их связи с профессиональными целями;
- разработка системы *KPI* для оценки эффективности работников на основе стратегических карт всей компании и производственного отдела;
- замена переменной части заработной платы сотрудников в виде квартального бонуса, составляющего 25 % от оклада на премию по системе *KPI*.

В рамках проекции «Бизнес-процессы» было предложено:

- использование скрещенных видов беконных пород для увеличения убойного выхода туш;
- применение метода снижения предубойного стресса, сбалансированной рецептуры кормов и оптимального режима откорма;
- введение системы управления качеством путем контроля и регулирования процента брака и контроля соответствия 1-й категории качества мяса;
- в рамках цели развития новых продуктов постоянное изучение ассортимента конкурентов, организация собственной бойни и мясопереработки, а также производство не только свиней в живом весе, но и натурального мяса, колбасных изделий, мясных полуфабрикатов.

В перспективе «Клиенты» необходимо разработать и проводить рекламные кампании, освоить новые сегменты рынка — не только B2B, но и B2C, а также предоставлять возможность 25—50 %-ной предоплаты в зависимости от условий договора и сроков сотрудничества. Для усиления имиджа необходимо принять меры по вступлению во всероссийские сельскохозяйственные и мясоперерабатывающие союзы предприятий, улучшить узнаваемость логотипа компании, а также усовершенствовать сайт компании и его функционал.

По результатам проведенных исследований был составлен трехлетний прогноз развития свиноводческого предприятия региона на 2020—2023 гг., а также рассчитан экономический эффект от внедрения предложений по каждой проекции ССП. Прогнозная выручка в 2023 г. увеличится на 66 % по сравнению с 2020 г., или на 1,1 млрд руб. Прирост рентабельности собствен-

ного капитала свиноводческого предприятия составит 44%. Он обусловлен в основном увеличением рентабельности продаж на 12% и оборачиваемости активов на 27%. Налоговое бремя влияет на рентабельность организации в меньшей мере, так как она пользуется специальным налоговым режимом — единым сельскохозяйственным налогом. Показатель рентабельности инвестированного капитала в прогнозном году увеличится на 3%, что свидетельствует об увеличении инвестиционной привлекательности для потенциальных инвесторов.

Было рассчитано, что увеличение объема производства приведет к тому, что запас финансовой прочности организации увеличится в 2 раза, или на 1,15 млрд руб. При этом бизнес будет безубыточным уже на уровне годового производства в 4071 т свинины в живом весе. Коэффициент финансовой прочности в прогнозном 2023 г. составит 0,83, что характеризует организацию как финансово устойчивую и не имеющую риска банкротства.

Доля рынка в России в 2020 г. составит 1,2% (20-е место), а в прогнозном — 2% (12-е место). Прирост продаж за счет новых покупателей в 2023 г. будет 400 млн руб. Компания станет более узнаваема. Средний дневной привес от кормов одной свиньи на площадке откорма в прогнозном году должен составить 1000 г за счет более эффективного кормления и рецепта кормов, при этом затраты кормов на 1 кг привеса должны сократиться с 3 до 2,9 кг. В проекции «Развитие и рост» мероприятия, направленные на увеличение мотивации и квалификации персонала, увеличат его показатели удовлетворенности и квалификации: ожидается снижение текучести кадров на 2% по сравнению с текущим периодом.

Увеличение показателя эффективности внедрения ССП в 3,23 раза свидетельствует о том, что эффективность стратегического управления с применением инструмента ССП значительно выше, чем было при применении стандартной системы планирования и бюджетирования, не имеющей стратегически ориентированного характера.

Заключение

Таким образом, разработанный алгоритм построения ССП на свиноводческих предприятиях региона послужит важнейшим инструментом стратегического управленческого учета и эффективной организации системы финансового контроллинга, которая через ключевые показатели эффективности и результативности транслирует стратегию, миссию и видение через каскадирование стратегических целей свиноводческих предприятий до подразделений и сотрудников. Данный алгоритм может быть внедрен в хозяйственную практику других предприятий свиноводческой отрасли страны в постпандемический период.

Список литературы

1. Бувин Н. Н. Ключевые показатели эффективности: как разработать и внедрить // Финансовый директор. 2016. Вып. 5. С. 123—135.
2. Ветлужских Е. Н. Мотивация и оплата труда: Инструменты. Методики. Практика. М., 2018.
3. Ветлужских Е. Н. Система вознаграждения. Как разработать цели и KPI. М., 2018.
4. Гершун А. В., Горский М. А. Золотые страницы: лучшие примеры внедрения сбалансированной системы показателей. М., 2008.
5. Дрок Т. Е., Кохан А. Н. Риск-менеджмент в хозяйственной деятельности свиноводческого комплекса Калининградской области // Балтийский экономический журнал. 2019. №1(25). С. 23—33.
6. Дрок Т. Е., Никонова Ю. С. Ключевые показатели эффективности в концепции сбалансированной системы показателей // Актуальные проблемы развития экономики: сб. науч. тр. / под ред. А. Я. Баринова. Калининград, 2018. С. 230—237.
7. Дрок Т. Е., Никонова Ю. С. Управление сельскохозяйственной организацией на основе систем BSC и KPI // Вопросы экономики и управления. 2016. №5.1 (7.1). С. 29—33.
8. Дрок Т. Е., Шапарь Д. С. Система сбалансированных показателей как инструмент управления предприятиями агропромышленного комплекса // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, №2. С. 673—688. doi: 10.18334/vines.10.2.100927.
9. Каплан Р., Нортон Д. Организация, ориентированная на стратегию. Как в новой бизнес-среде преуспевают организации, применяющие сбалансированную систему показателей. М., 2009.
10. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М., 2017.
11. Каплан Р., Нортон Д. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты действием. М., 2012.
12. Каплан Р., Нортон Д. Стратегическое единство. Создание синергии организации с помощью сбалансированной системы показателей. М., 2006.
13. Клочков А. К. KPI и мотивация персонала. М., 2010.
14. Остервальдер А., Пинье И. Построение бизнес-моделей: настольная книга стратега и новатора. М., 2017.
15. Парментер Д. Ключевые показатели эффективности. Разработка, внедрение и применение решающих показателей. М., 2009.
16. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М., 2005.
17. Прайснер А. Сбалансированная система показателей в маркетинге и сбыте. Планирование и контроль на базе ключевых показателей эффективности. М., 2009.
18. Рамперсад Х. К. Универсальная система показателей деятельности. Как достигать результатов, сохраняя целостность. М., 2006.
19. Эккерсон У. Панели индикаторов как инструмент управления: ключевые показатели эффективности, мониторинг деятельности, оценка результатов. М., 2007.
20. Этрил П., Маклейн Э. Финансовый менеджмент и управленческий учет для руководителей и бизнесменов. М., 2019.
21. Kaplan R. S., Norton D. P. The Balanced Scorecard as a strategic management system // Harvard Business Review. 1992. № 1. P. 61—66.
22. Kaplan R. S., Norton D. P. The Balanced Scorecard. Boston, 1996.

Об авторе

Татьяна Емельяновна Дрок, кандидат экономических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: TDrok@kantiana.ru

The author

Dr Tatyana E. Drok, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: TDrok@kantiana.ru

УДК 910; 913

Д. Н. Самусенко¹, С. С. Лачининский², А. А. Михайлова³, И. С. Сорокин²

¹ Институт географии Российской академии наук (Москва, Россия)

² Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

³ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОЙ ВОСПРИИМЧИВОСТИ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Традиционно крупные города — главные генераторы, потребители и проводники инноваций. Однако успех долгосрочного инновационного развития все чаще связывается с диффузией инноваций в сельскую местность. Данное исследование сфокусировано на выявлении территориальной специфики инновационной восприимчивости в разрезе сельских и городских поселений. Объектом исследования выступили муниципалитеты Ленинградской области России, а предметом — распространение в них потребительских инноваций (на примере пунктов выдачи интернет-заказов). Выявлено, что сельские поселения все активнее участвуют в расширении географии интернет-торговли, однако основными драйверами этого процесса продолжают выступать социальные, а не экономические факторы.

Traditionally, large cities are the main generators, consumers and agents of innovation. However, the success of long-term innovation development is increasingly associated with the diffusion of innovation to the countryside. This study is focused on identifying the spatial patterns of innovation susceptibility in the context of rural and urban settlements. The object of the study is the municipalities of the Leningrad region of Russia, and the subject is the dissemination of consumer innovations in them (on example of Internet delivery offices). It is revealed that rural settlements are increasingly participating in the expansion of the geography of online commerce, however, the main drivers of this process continue to be social rather than economic factors.

Ключевые слова: инновационное развитие, география интернет-торговли, пункт выдачи интернет-магазина, цифровизация, потребительские инновации, пандемия COVID-19.

Keywords: innovative development, geography of online commerce, Internet delivery office, digitalization, consumer innovation, COVID-19 pandemic.

Введение и постановка проблемы

Развитие инновационных видов деятельности и увеличение их доли в структуре национальной экономики, а также системная цифровизация социально-экономических и политических процессов активно декларируются в

качестве стратегических приоритетов государственной политики многих стран мира, включая Россию, на протяжении последнего десятилетия [4; 9; 10; 13; 17; 20]. Однако если до пандемической ситуации 2020 г. реальная вовлеченность широких слоев населения в данный процесс все еще оставалась недостаточной [14; 16], то в условиях введения правительствами многих стран ограничительных мер на передвижение граждан, в том числе посещение общественных мест, в целях предотвращения распространения COVID-19, потребность населения в освоении инноваций для реализации их обыденных, рутинных потребностей существенно возросла [2; 3; 6; 8]. Особенно ярко это проявилось в розничной торговле и сопровождалось резким ростом сектора электронной коммерции [5; 7; 18].

Изменение потребительского поведения населения в сторону переориентации с офлайн-модели коммуницирования к использованию цифровых технологий — важная часть инновационной культуры [21—23] и необходимый этап в развитии инновационной экономики. Вынужденный характер цифровой трансформации позволил несколько форсировать этот процесс, но его скорость для разных групп населения неодинакова и тесно связана с уровнем их инновационной восприимчивости [1; 11; 12]. В данном контексте под инновационной восприимчивостью будет пониматься степень готовности и желание населения внедрять современные цифровые решения в повседневные рутины. Мы полагаем, что на уровень инновационной восприимчивости влияют не только личностные характеристики (образование, опыт, возраст, компетенции, индивидуальные предпочтения и др.), но и экономическая обстановка и условия проживания, в том числе инфраструктурная обеспеченность территории. В этой связи данное исследование направлено на выявление различий между уровнем инновационной восприимчивости населения сельских и городских поселений на примере развития электронной торговли в Ленинградской области.

Методика исследования

География исследования охватывает городские и сельские поселения 18 муниципальных образований Ленинградской области. По состоянию на 1 января 2019 г. в Ленинградской области проживало 1,8 млн чел.: в городской и сельской местности — 64,3 и 35,7 % соответственно [19]. В качестве маркера инновационной восприимчивости населения использован показатель количества пунктов выдачи заказов интернет-магазинов, которые, по нашему мнению, выступают проводниками потребительских инноваций. При этом мы исходим из предположения, что потребителями инноваций онлайн-торговли являются не только граждане, но и хозяйствующие субъекты.

В качестве объекта для анализа территориального распределения пунктов выдачи рассматривались маркетплейсы «Вайлдберриз» (*Wildberries*) и «Озон» (*Ozon.ru*), занимающие согласно рейтингу *Data Insight* 2019 г. 1-е и 3-е место среди 100 крупнейших интернет-магазинов России [15]. Это платформы электронной коммерции, объединяющие большое количество продавцов (50 и 13 тыс. соответственно), предлагающих различные категории товаров. Дополнительно Озон включает онлайн-туристическое агентство *Ozon.Travel* и платформу цифровых книг *Litres*.

Выбор «Вайлдберриз» и «Озон» для исследования обусловлен и высоким уровнем их популярности среди населения Ленинградской области, что подтверждается данными сайта *trends.google.ru*, позволяющего анализировать тренды интернет-поиска в территориальном разрезе. За последние 5 лет (2015—2019) динамика популярности этих магазинов среди поисковых запросов населения муниципалитетов Ленинградской области существенно выросла, а уровень интереса к каждому из них сопоставим (рис. 1).

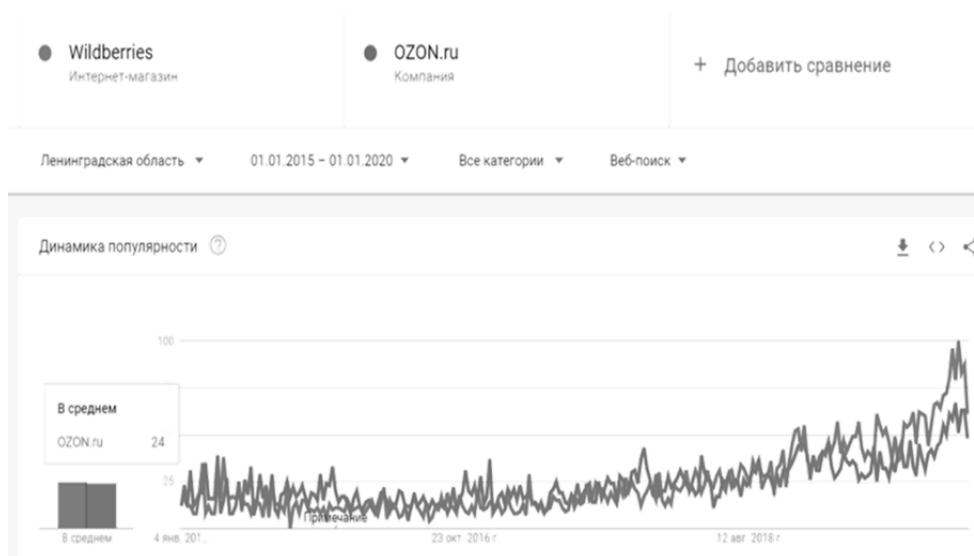

Рис. 1. Динамика популярности онлайн-запросов интернет-магазинов «Вайлдберриз» и «Озон» в поисковой системе *Google*, 2015—2019 гг.

Примечание: Количество баллов отражает уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю для Ленинградской области за 2015—2019 гг., где 100 баллов — наивысший уровень популярности запроса.

Источник: данные сайта *trends.google.ru*.

Согласно данным официальных сайтов Wildberries.ru и ozon.ru по состоянию на начало 2020 г. в Ленинградской области функционировало 78 собственных пунктов выдачи «Вайлдберриз» и 89 — «Озон». Все пункты «Вайлдберриз» сконцентрированы в городах региона и не покрывают сельские поселения, что не позволяет их использовать для проведения сравнительной оценки между городской и сельской местностью. Территориально пункты выдачи «Озон» также преимущественно локализованы в городах. Однако у интернет-магазина есть разветвленная сеть партнерских компаний, через которые осуществляется выдача заказов: «Почта России»; сетевые магазины (МТС, «Ситилинк» и прочие), логистические компании («Халва», *PickPoint*, *TelePort*); сеть магазинов «Пятерочка» (сервис 5post) и др. Таким образом, общее количество точек «Озон», через которые жители всех муниципальных образований Ленинградской области имеют доступ к онлайн-торговле, составляет 812, что более чем в 10 раз превышает число таковых у «Вайлдберриз». В этой связи для дальнейшего анализа выбрана именно данная торговая онлайн-площадка.

На начальном этапе исследования произведена выгрузка первичных данных об адресах размещения и организационной принадлежности пунктов выдачи заказов «Озон» с официального сайта ozon.ru. Далее все пункты были разделены на четыре типа: собственные пункты «Озон», включая автоматические постаматы; пункты партнеров (торговые сети и логистические компании); магазины «Пятерочка» (служба 5post); отделения «Почты России». На следующем этапе с использованием картографических и статистических методов, была проанализирована обеспеченность городского и сельского населения Ленинградской области разными типами пунктов выдачи интернет-заказов.

Результаты исследования

Интернет-магазин «Озон» имеет широкую сеть пунктов выдачи заказов и представлен во всех муниципалитетах Ленинградской области. В таблице 1 рассчитаны показатели концентрации пунктов выдачи «Озон» в муниципальных образованиях региона. Лидерами по их размещению являются районы с высокой долей городского населения, непосредственно прилегающие к Санкт-Петербургу: Всеволожский, Гатчинский, Выборгский, Тосненский (рис. 2). Наименьшее проникновение интернет-торговли произошло в отдаленные и/или сельскохозяйственные районы (рис. 3, табл. 1). Аналогичная зависимость прослеживается и в относительном выражении: если в ведущих Всеволожском и Гатчинском муниципалитетах в расчете на 10 тыс. чел. населения функционирует свыше 20 пунктов, то в отдаленных Лодейнопольском, Сланцевском, Волосовском и Подпорожском районах — менее 5.

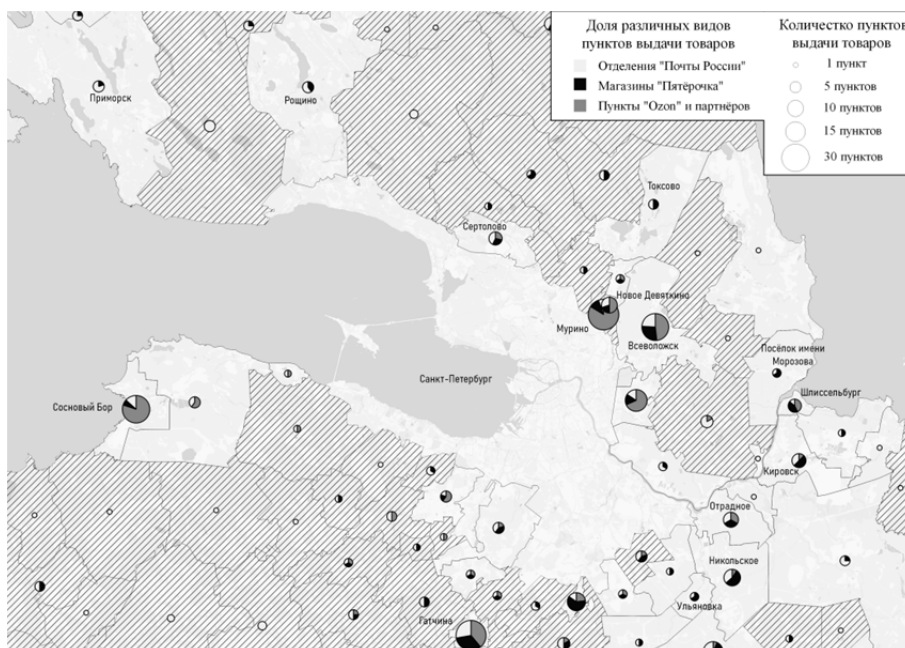

Рис. 2. Распределение пунктов выдачи товаров интернет-магазина *Ozon* на территории Ленинградской области, прилегающего к Санкт-Петербургу

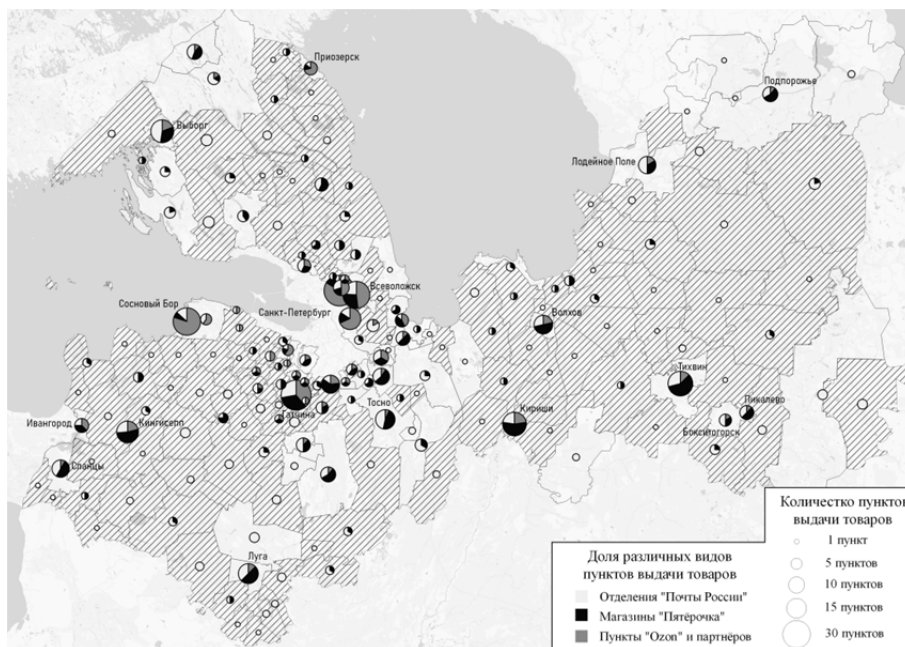

Рис. 3. Распределение пунктов выдачи товаров интернет-магазина *Ozon* на территории Ленинградской области

Таблица 1

**Распределение пунктов выдачи товаров интернет-магазина Ozon
на территории Ленинградской области**

Муниципальный район	«Почта России»		«Пятерочка»		Партнеры		«Озон»		Всего	
	Ед.	На 10 тыс. чел.	Ед.	На 10 тыс. чел.	Ед.	На 10 тыс. чел.	Ед.	На 10 тыс. чел.	Ед.	На 10 тыс. чел.
Бокситогорский	21	4,3	7	1,4	2	0,4	0	0	30	6,1
Волосовский	16	3,2	3	0,6	0	0	0	0	19	3,9
Волховский	23	4,7	14	2,8	2	0,4	1	0,2	40	8,1
Всеволожский	40	8,1	30	6,1	31	6,3	36	7,3	137	27,8
Выборгский	47	9,5	18	3,7	6	1,2	0	0	71	14,4
Гатчинский	46	9,3	38	7,7	10	2,0	15	3,0	109	22,1
Кингисеппский	20	4,1	17	3,5	6	1,2	1	0,2	44	8,9
Киришский	10	2,0	13	2,6	4	0,8	1	0,2	28	5,7
Кировский	19	3,9	13	2,6	4	0,8	3	0,6	39	7,9
Лодейнопольский	14	2,8	4	0,8	2	0,4	0	0,0	20	4,1
Ломоносовский	19	3,9	7	1,4	0	0	13	2,6	39	7,9
Лужский	33	6,7	12	2,4	2	0,4	0	0	47	9,5
Подпорожский	11	2,2	6	1,2	1	0,2	0	0	18	3,7
Приозерский	19	3,9	9	1,8	5	1,0	0	0	33	6,7
Сланцевский	12	2,4	7	1,4	1	0,2	0	0	20	4,1
Сосновый Бор	4	0,8	2	0,4	5	1,0	19	3,9	30	6,1
Тихвинский	17	3,5	16	3,2	3	0,6	0	0	36	7,3
Тосненский	27	5,5	21	4,3	4	0,8	0	0	52	10,6
Ленинградская область	398	2,2	237	1,3	88	0,5	89	0,5	812	4,4

Собственные и партнерские пункты выдачи товаров «Озон» составляют около 22% от всех, в которых можно получить заказы на территории Ленинградской области. Ведущее место в структуре распределения пунктов выдачи по типам принадлежит отделениям «Почты России» (49%) и магазинам сети «Пятерочка» (29%). Именно сотрудничество с «Почтой России» позволило маркетплейсу «Озон» увеличить доступность своих услуг для жителей сельской местности. Открывать собственные пункты выдачи для обслуживания сельских поселений часто нерентабельно, а использование существующей почтовой инфраструктуры позволяет снизить затраты при расширении активных участников интернет-торговли.

Распределение пунктов выдачи заказов по территории Ленинградской области неравномерно (табл. 2). Отличается их структура по типам в разрезе городских и сельских поселений (рис. 4). Две трети пунктов всех категорий сконцентрировано в городской местности. В первую очередь это собственные и партнерские пункты. Как правило, они лучше оборудованы (некоторые категории товаров доставляются лишь в определенные пункты) и позволяют быстрее получать заказы.

Таблица 2

Распределение пунктов выдачи товаров по типам муниципалитетов на территории Ленинградской области

Тип поселения	Единица измерения	«Почта России»	«Пятерочка»	Партнеры	«Озон»	Всего
Городские	Всего, ед.	190	189	87	73	539
	На 10 тыс. чел.	1,6	1,6	0,7	0,6	4,5
Сельские	Всего, ед.	211	52	1	16	280
	На 10 тыс. чел.	3,2	0,8	0,0	0,2	4,2

В сельской местности общее количество пунктов выдачи «Озон» почти в 2 раза меньше, чем в городской. В их структуре наблюдается дисбаланс в сторону превалирования отделений «Почты России» — 75% (рис. 4). По показателю обеспеченности этим типом пунктов сельские поселения почти в 2 раза превосходят городские, в то время как представленность партнерских пунктов очень низкая (табл. 2).

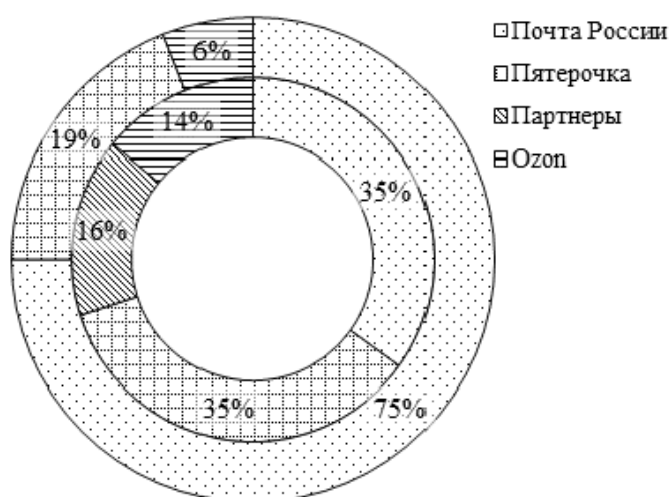

Рис. 4. Структура пунктов выдачи товаров на территории Ленинградской области

Примечание: внутреннее кольцо — городские поселения; внешнее кольцо — сельские поселения.

В городских поселениях, как правило, имеется все разнообразие форматов доставки товаров: собственные пункты и постаматы, логистические компании, сетевые магазины и отделения «Почты России». В сельских поселениях доступ к онлайн-торговле снижен и обеспечивается прежде всего через отделения «Почты России», выполняющие социальную и опорную миссии, а также кассы сети магазинов «Пятерочка».

Обсуждение результатов и выводы

Результаты нашего исследования показали рост интереса населения России (на примере Ленинградской области) к такой потребительской инновации, как интернет-торговля. Это проявилось и в информационном плане через увеличение тематических поисковых запросов потенциальных потребителей в интернете, и в офлайн-пространстве через прирост общего объема оборота товаров и количества пунктов выдачи заказов интернет-магазинов.

Для оценки инновационной восприимчивости населения муниципалитетов Ленинградской области нами проанализировано территориальное распределение пунктов выдачи заказов одного из крупнейших маркетплейсов России «Озон». Выявлено, что жители всех муниципалитетов Ленинградской области имеют доступ к услугам онлайн-торговли. Однако существуют значительные различия между городскими и сельскими поселениями в уровне проникновения электронной коммерции.

Если в городской местности представлено все разнообразие типов пунктов выдачи, то в сельской местности 75% — это отделения «Почты России». Логистические компании и интернет-магазины («Озон» и «Вайлдберриз») предпочитают не открывать собственные пункты выдачи товаров на территории сельских поселений, а использовать существующую инфраструктуру почтовых отделений. В свою очередь, это сказывается на функциональных возможностях, доступных для потребителей в сельской местности, и качестве предоставляемых услуг.

В территориальном разрезе наиболее инновационно восприимчивы к потребительским инновациям муниципалитеты региона, расположенные в непосредственной близости к Санкт-Петербургу и имеющие большую долю городского населения. Они характеризуются наиболее высокими показателями обеспеченности пунктами выдачи интернет-заказов, в том числе специально оборудованными.

Исследовательская часть Д. Н. Самусенко и С. С. Лачининского (сбор и анализ данных о количестве и размещении пунктов выдачи товаров интернет-магазинов) выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-310-20016 «Приморские города в инновационном пространстве европейской части России». Исследовательская часть А. А. Михайловой (теория и методика исследования) выполнена в рамках проекта 5—100 № 2 по теме «Трансформация траектории инновационного развития регионов России в условиях пандемии 2020 года».

Список литературы

1. Архипова М. Ю., Кучмаева О. В. Социальный запрос россиян на инновации (по данным выборочного обследования) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 11 (2). С. 69 — 83.
2. Афанасьев Е. В., Шевцов И. В. Важность финансовой грамотности во время пандемии COVID-19 // Инновации и инвестиции. 2020. № 8. С. 135 — 138.

3. Ваулина К. О., Попова Н. В. Online-технологии в работе с молодежью в условиях пандемии // Вестник педагогических инноваций. 2020. №2 (58). С. 45 —55.
4. Генералова С. В. Цифровизация как стратегический приоритет территориального развития // Гуманитарный научный журнал. 2020. № 1. С.19 —23.
5. Горгодзе Т. Е. Влияние коронавирусной инфекции на развитие электронной торговли // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2020. №9 (191). С. 34 —39.
6. Гурова И. М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. №11 (2). С. 128 —147.
7. Зверева А. О., Ильяшенко С. Б. Инновационные решения в торговле в контексте глобальных экономических процессов // Российское предпринимательство. 2018. №19 (3). С. 609 —618.
8. Мальцев В. А., Мальцев К. В. Пандемия и образование // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. №224 (4). С. 402 —415.
9. Михайлов А. С. Институциональная архитектура территориальных инновационных систем: на пути к локально-адресной региональной политике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. №3. С. 43 —52.
10. Михайлова А. А. Роль инноваций в обеспечении экономической безопасности: опыт Эстонии // Современная Европа. 2019. №7. С. 136—147.
11. Мукимова Н. Р. Восприимчивость общества к инновациям: анализ и оценка // Экономика Таджикистана. 2019. № 1. С. 18 —24.
12. Мухамедьяров А. М., Диваева Э. А. Восприимчивость к инновациям как составляющая инновационного потенциала и фактор инновационного развития территорий // Инновации и инвестиции. 2018. №11. С. 3 —7.
13. Печаткин В. В. Формирование и развитие цифровой экономики в России как стратегический приоритет развития территорий в условиях пандемий // Вопросы инновационной экономики. 2020. № 10 (2). С. 837 —848.
14. Погодина Т. В., Попадюк Т. Г., Удальцова Н. Л. Оценка готовности населения заниматься инновационной деятельностью в России // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2019. №29 (3). С. 306—313.
15. Рейтинг ТОП-100 крупнейших интернет-магазинов России // Data Insight. URL: <https://www.top100.datainsight.ru> (дата обращения: 11.09.2020).
16. Смирнов С. Н. Инновации в повседневной жизни и их особенности в городских и сельских поселениях России // Экономические и социальные проблемы России. 2019. № 1. С. 30 —50.
17. Фадейкина Н. В., Фадейкин Г. А., Синкина А. А. О стратегии развития информационного общества и цифровой экономики: стратегические приоритеты и национальные интересы России // Сибирская финансовая школа. 2019. № 3. С. 3 —16.
18. Черняев М. В., Аширова О. И. Тенденции развития онлайн-предпринимательства в России и мире // Экономические системы. 2020. №2. С. 58 —65.
19. Численность постоянного населения в разрезе муниципальных образований Ленинградской области по состоянию на 1 января 2019 года // Петростат. URL: http://petrostat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics/Leningradskaya_area/population (дата обращения: 05.09.2020).
20. Яковец Ю. В. Прогноз мирового экономического кризиса и стратегические приоритеты антикризисных программ // Стратегические приоритеты. 2019. №2 (22). С. 53—65.

21. *Blayone T. J. B., Mykhailenko O., Usca S. et al.* Exploring technology attitudes and personal—cultural orientations as student readiness factors for digitalised work // Higher Education, Skills and Work-Based Learning. 2020. Article in press. <https://doi.org/10.1108/HESWBL-03-2020-0041>.

22. *Gault F.* User Innovation in the Digital Economy // Foresight and STI Governance. 2019. № 13 (3). P. 6 —12.

23. *Ageing and Emerging Digital Technologies* / Neves B., Vetere F. (eds.). Springer, 2019. https://doi.org/10.1007/978-981-13-3693-5_1.

Об авторах

Дмитрий Николаевич Самусенко, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: konfederator@mail.ru

Станислав Сергеевич Лачининский, кандидат географических наук, и. о. заведующего кафедрой региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия.

E-mail: lachininsky@gmail.com

Анна Алексеевна Михайлова, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

Email: tikhonova.1989@mail.ru

Иван Сергеевич Сорокин, аспирант кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: IvannSPb@yandex.ru

The authors

Dr Dmitry N. Samusenko, PhD in Geography, Research Fellow, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: konfederator@mail.ru

Dr Stanislav S. Lachininsky, PhD, ass. professor, Head Department Political Geography and Regional Policy, Saint-Petersburg State University, Researcher of IPRE RAS, Russia.

E-mail: lachininsky@gmail.com.

Dr Anna A. Mikhaylova, PhD in Geography, Senior researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

Email: tikhonova.1989@mail.ru

Ivan Sorokin, PhD-student, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: IvannSPb@yandex.ru

УДК 338.43

Э. А. Гюлюмян¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОСНОВА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Рассматривается современное состояние развития агропромышленного комплекса Калининградской области, дается краткий экономико-географический анализ обеспеченности населения продовольствием, обоснованы перспективы развития комплекса с точки зрения продовольственной безопасности.

The article discusses the current state of development of the agro-industrial complex of the Kaliningrad region, gives a brief economic and geographical analysis of the food supply of the population, The prospects for the development of the complex from the point of view of food security are justified.

Ключевые слова: регион, агропромышленный комплекс, импортозамещение, продовольственная безопасность.

Keywords: region, agro-industry, import substitution, food security.

Введение

Продовольственная безопасность является важным составным элементом экономической и национальной безопасности не только страны, но и ее регионов. Вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) придает проблеме обеспечения продовольственной безопасности региона особую актуальность и значимость [3]. Стоит отметить, что немаловажное значение имеют региональные факторы: эксклавность, трансграничное положение по отношению к основным экономическим центрам, инфраструктура, трудовые ресурсы [19].

В последние годы отечественными экономистами и экономико-географами достаточно внимания было уделено вопросам изучения проблем обеспечения продовольственной безопасности. Под «продовольственной безопасностью» понимается непрерывное и бесперебойное обеспечение

населения качественными продуктами питания, в соответствии с установленными нормами [1; 3]. Немалое количество исследований посвящено изучению угроз продовольственной безопасности [2; 16]. Согласно исследованиям по изучению факторов, воздействующих на продовольственную безопасность страны [7; 13—15; 18], существует зависимость от показателей ресурсной безопасности (трудовые, земельные, материально-технические ресурсы агропромышленного комплекса (АПК)), экологических факторов и безопасности техногенной сферы сельского хозяйства и природной среды.

Однако исследования в области обеспечения продовольственной безопасности региона показывают, что на сегодняшний день не существует единого метода или подхода к оценке ее уровня.

Между тем развитие агропромышленного комплекса является важнейшим элементом обеспечения продовольственной безопасности региона, и поэтому этот комплекс требует особого внимания со стороны государства и бизнеса.

Целью статьи является обоснование перспектив развития АПК Калининградской области и его роли в обеспечении продовольственной безопасности региона.

Результаты исследования

В период геополитической турбулентности, мирового финансового кризиса, экономических санкций особенно остро стоит вопрос эффективного развития российского АПК, от которого напрямую зависят перспективы обеспечения продовольственной безопасности страны и ее регионов. Проводимая в последние годы сельскохозяйственная политика в Калининградской области оказалась неэффективной, что повлекло за собой риск нарастания угроз продовольственной безопасности региона. Однако почти половину валовой и примерно 40 % чистой продукции первичного сектора региона обеспечивает сельское хозяйство [20].

Следует отметить, что огромное влияние на механизмы формирования и функционирования АПК страны оказали реализация национального проекта «Развитие АПК» и Государственной программы развития сельского хозяйства на 2013—2020 годы [11].

Между тем в целом по России в результате неэффективной сельскохозяйственной политики, проводимой в стране, объемы производства основных видов сельскохозяйственной продукции (кроме сахарной свеклы и подсолнечника) в 2014 г. не достигли показателей 1990 г. (рис. 1). Объемы производства зерна в 2014 г. были равны 103 млн т, что составило лишь 88 % к уровню 1990 г.; скота и птицы — 12,9 млн т (83 % к уровню 1990 г.); молока — 30,8 млн т (55 %); яйца — 41,2 млн т (88 %) [12; 17].

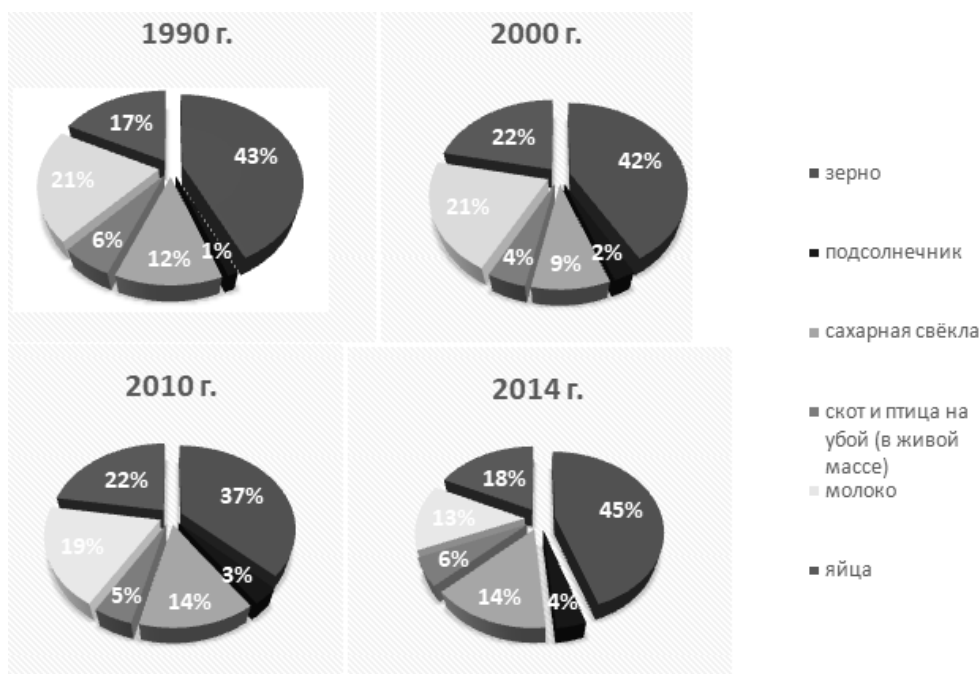

Рис. 1. Динамика производства основных видов растениеводства и животноводства в России в хозяйствах всех категорий, % от общего объема

Источник: составлено автором по [12; 17].

В 2018 г. по отношению к 2014 г. в России наметилась тенденция к увеличению объемов потребления по основным продуктам питания, таким как мясо и мясопродукты, яйца, овощи и бахчевые. Наблюдается уменьшение объемов потребления по отдельным видам продуктов: сахар, картофель, фрукты и ягоды. Так, в 2018 г. объем потребления овощей и бахчевых в год на душу населения составил 107 кг, тогда как рекомендуемая рациональная норма составляла 140 кг. Таким образом, в целом наблюдался дефицит в рационе питания населения страны, составляющий 27%, дефицит потребления фруктов — 39%, молока и молокопродуктов — 29% [17].

Для оценки экономической безопасности Калининградской области в силу своего географического положения и оторванности от остальной части страны особенно важным следует считать показатель продовольственной безопасности [6]. К группе показателей количественной оценки продовольственной безопасности области можно отнести: 1) динамику потребления основных продуктов питания; 2) самообеспечение региона продовольствием.

Важным фактором продовольственной безопасности является экономическая доступность продовольствия, измеряемая в объемах потребления продовольствия на человека в год при сравнении с нормами потребления (табл. 1).

Таблица 1

**Потребление основных продуктов питания Калининградской области,
на душу населения в год / кг**

Продукты питания	Рекомендуемая рациональная норма	2014	2018
Картофель	90	113	107
Овощи и бахчевые	140	115	110
Фрукты и ягоды	107	75	68
Сахар	24	43	45
Мясо и мясопродукты	73	92	87
Хлебопродукты	96	106	107
Молоко и молокопродукты	325	280	225
Яйца и яйцепродукты	260	277	284

Источник: составлено автором по [4; 15].

В 2018 г. потребление основных продуктов питания в Калининградской области по отношению к 2014 г. уменьшилось, за исключением сахара, хлебопродуктов, яиц и яйцепродуктов. По отдельным продуктам потребление оказалось существенно ниже рекомендуемой нормы. Так, дефицит молока и молочных продуктов составлял 31 %, фруктов и ягод — 36 %, овощей и бахчевых — 21 %.

Представленные в таблице 2 показатели продовольственной независимости основаны на соотношении данных продуктового производства и потребления.

Таблица 2

**Показатели продовольственной независимости (самообеспеченности)
Калининградской области, %**

Продукты питания	Пороговое значение	2014	2018
Картофель	Не менее 95	114,8	133,6
Овощи и бахчевые	Не менее 90	58,6	64,0
Фрукты и ягоды	Не менее 60	28,4	49,0
Мясо и мясопродукты	Не менее 85	61,7	71,9
Молоко и молокопродукты	Не менее 90	62,8	82,3
Яйца и яйцепродукты, шт.	Значение не установлено	76,2	89,1

Источник: составлено автором по [4; 15].

Таким образом, в 2018 г. в Калининградской области продовольственная независимость превышала пороговое значение по картофелю, был достигнут самый высокий показатель самообеспеченности — 133,6%.

Продовольственная самообеспеченность по другим видам продуктов за последние 5 лет не была достигнута. Несмотря на это, по сравнению с 2014 г., по всем показателям имеется увеличение объемов производства. Тяжелые погодные условия в 2017 г., повлиявшие на посевы и сборы сельскохозяйственных культур (овощи и бахчевые, картофель, фрукты и ягоды), стали причиной резкого сокращения показателей самообеспечения региона продовольствием в сравнении с 2016 г.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о продовольственной зависимости региона от импорта и поставок из других стран и субъектов РФ. Так, согласно данным внешней торговли региона за 2018 г., импорт продовольственных товаров составил 2117,9 млн дол., а в 2017 г. — 1987,5 млн дол., или 27,7% от общего объема импорта Калининградской области [4].

В регионе функционируют 11 универсальных розничных рынков, на 36 площадках работают ярмарки в поддержку российских и региональных производителей на 1516 мест, из которых под реализацию овощей, ягод, фруктов предусмотрено 708 мест; мясной продукции — 362, молочной продукции и молока — 171 [9].

Из 11 661 кг забракованного продовольственного сырья и продуктов в результате мониторинга качества и безопасности пищевой продукции в Калининградской области выявлено 3793 кг импортного сырья. Наибольший показатель был отмечен в 2014 г. (909 партий) [8; 10]. Уровень качества продовольствия региона за 2018 г. можно охарактеризовать как недопустимо низкий в основном за счет увеличения объемов забракованной продукции.

По результатам расчетов, за последние 20 лет не соблюдались основные цели и задачи доктрины продовольственной безопасности региона. Собственное агропроизводство не покрывало продовольственную потребность Калининградской области. В структуре продуктовой корзины наблюдались изменения показателей по уровню самообеспечения региона основными продуктами питания населения: молоку и молокопродуктам, мясопродуктам, овощам, яйцам. В результате отмечается импортная продовольственная зависимость от поставок сельскохозяйственного сырья из-за рубежа, а также из других субъектов России.

Эксклавное положение и геополитические факторы усугубили продовольственную проблему Калининградской области. До введения эмбарго в 2014 г. внешнеторговый оборот региона осуществлялся в основном со странами дальнего зарубежья. Возрастающий импорт продовольствия в регион привел к ослаблению позиций в общенациональной экономике.

Ситуация требовала срочного пересмотра торговой политики региона, которая была направлена на импортозамещение и поддержку отечественного производителя. Результаты такой политики налицо. Например, крупнейший региональный производитель свинины АО «Правдинское Свино Производ-

ство» (группа компаний «РБПИ Групп», Норвегия) реализует инвестпроект по строительству нового свиного комплекса мощностью 20 тыс. т мяса в Правдинском городском округе.

В декабре 2016 г. на Совете по улучшению инвестиционного климата в Калининградской области был рассмотрен и одобрен инвестиционный проект ООО «УК РБПИ Групп» «Строительство ветутильзавода по утилизации отходов животного происхождения». ООО «Прибалтийская мясная компания три» реализует в Черняховском городском округе проект стоимостью 1,6 млрд руб. по строительству свиноводческой фермы (маточника). ООО «Птицефабрика Гурьевская» (агрохолдинг «Долгов Групп») в 2017 г. завершила ввод в эксплуатацию комбикормового завода производительностью выработки комбикормов для животных 175 тыс. т в год. Объем инвестиций составил 1,64 млрд руб.

Выводы

Проанализировав современное состояние АПК Калининградской области, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, наблюдается снижение обеспеченности региона продукцией собственного производства, причиной которого можно считать дополнительные затраты и создание угрозы нестабильности за счет импорта и поставок из других регионов страны.

Во-вторых, обнаружен риск ухудшения качества продовольствия на торговых площадках региона, обусловленный увеличением в 2018 г. количества забракованной продукции, без документов, подтверждающих качество и безопасность, а также происхождение.

В-третьих, необходимо понимать, что экономическая доступность продуктов для разных категорий населения различается, имеются неодинаковые гарантии доступа к продовольствию, а в зависимости от уровня доходов различных слоев населения меняется и рацион питания.

Следовательно, к главным задачам региональных властей и бизнеса в таких условиях относятся поиск оптимального баланса между собственным производством и внешними поставками продовольствия; использование всех имеющихся возможностей, потенциальных точек роста и развития АПК и других сфер для обеспечения продовольственной безопасности в регионе; обеспечение экономической и физической доступности продовольствия, достижение высококачественного питания.

Основными перспективными направлениями развития АПК региона являются:

- 1) принятие государственной программы Калининградской области «Развитие сельского хозяйства на период 2014—2025 года», цель которой — обеспечение населения региона сельскохозяйственной продукцией и продовольствием собственного производства; успешная реализация всех мероприятий, описанных в программе и направленных на развитие растениеводства и

животноводства, поддержку малых форм хозяйствования и развитие сельских территорий, позволит региональному сельскому хозяйству за указанный период обеспечить ежегодный прирост показателей;

2) эффективное развитие АПК региона может быть достигнуто с реализацией его инновационной составляющей, предполагающей освоение и внедрение новшеств во всех сферах комплекса;

3) приоритет необходимо предоставить развитию молочного и мясного скотоводства, так как это одни из самых затратных отраслей, имеющих длительный срок окупаемости вложений, в которых без поддержки со стороны регионального правительства создание оптимальных условий хозяйствования представляется невозможным.

Список литературы

1. Алтухов А. И. Продовольственная безопасность страны и ее оценка // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. № 5. С. 1—5.
2. Алтухов А. И. Парадигма продовольственной безопасности страны в современных условиях // Экономика сельского хозяйства России. 2014. № 11. С. 4—12.
3. Анищенко А. Н. Оценка продовольственной безопасности региона // Проблемы развития территории. 2013. № 4 (66). С. 30—39.
4. Калининградская область в цифрах. 2019: Краткий статистический сборник / Калининградстат. Калининград, 2019. URL: <https://kaliningrad.old.gks.ru> (дата обращения: 10.07.20).
5. Кулагина Н. А. Совершенствование государственной агропродовольственной политики как инструмент обеспечения экономической безопасности АПК // Агропродовольственная политика России. 2014. № 10. С. 4—7.
6. Лионайте Т. А., Королев Т. А. Оценка продовольственной безопасности Калининградской области // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 399—403.
7. Михайлушкин П. В., Баранников А. А. Эффективность аграрной политики и государственного регулирования аграрно-промышленного комплекса // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 93(9). С. 1197—1206.
8. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Калининградской области в 2018 году : государственный доклад. М., 2019.
9. Официальный сайт Калининградской областной таможни. URL: <https://koblt.customs.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2020).
10. Официальный сайт Министерства экономического развития, промышленности и торговли Калининградской области. URL: <https://minprom.gov39.ru> (дата обращения 14.07.20).
11. Плотникова Е. В. Программно-целевое регулирование агропромышленного комплекса Краснодарского края // Научное обеспечение агропромышленного комплекса / отв. за вып. А. Г. Коцаев. Краснодар, 2016. С. 545—546.
12. Россия в цифрах, 2017 : краткий стат. сб. / Росстат. М., 2017.
13. Семенова Н. Н. Модернизация материально-технической базы сельского хозяйства в целях обеспечения продовольственной безопасности // Научное обозрение. 2012. № 1. С. 217—224.

14. *Смирнов В.В.* Продовольственная безопасность регионов Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. №3. С. 29—42.

15. *Территориальный орган* Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/> (дата обращения: 01.07.2020).

16. *Ушаев И.Г.* Перспективы развития АПК России в условиях глобальной и региональной интеграции // АПК: Экономика, управление. 2014. №1. С. 3—15.

17. *Федеральная служба* государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 25.06.2020).

18. *Холодов П.П.* Развитие сельского хозяйства и продовольственная безопасность России // Российское предпринимательство. 2012. №16. С. 61—67.

19. *Часовский В.И., Амвросьева Л.В.* Современное состояние и проблемы развития рыбохозяйственного комплекса Калининградской области // Современное управление: векторы развития : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2018. С. 144—146.

20. *Часовский В.И., Амвросьева Л.В.* Экономико-географическая оценка факторов, влияющих на структурные изменения в рыбохозяйственном комплексе Калининградской области // Балтийский регион: актуальные проблемы развития и преобразования природной и социокультурной среды : матер. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.И. Слинчака, А.Г. Манакова. Псков, 2018. С. 46—53.

Об авторе

Эрик Артурович Гюлумян, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: erik.gyulumyan@mail.ru

The author

Erik A. Gyulumyan, graduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: erik.gyulumyan@mail.ru

УДК 332.1

Н. Е. Кубина¹, Ю. Ю. Фарафонова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИМОРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Статья посвящена изучению уровня готовности приморских территорий региона Балтийского моря к разработке и внедрению инноваций. Исследуется инновационный потенциал и уровень цифровизации территорий как важнейшие условия для достижения конкурентного преимущества в секторах «синей экономики». Сравнительный анализ проведен по следующим показателям: среднегодовая плотность населения; ВРП на душу населения по ППС, доля внутренних затрат на исследования и разработки, в процентах к валовому региональному продукту (ВРП), количество исследователей на миллион жителей, доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (процент, значение показателя за год). Статистическая база исследования сформирована за 2007—2018 гг.

The article examines the level of readiness of the Balticsea coastal regions to develop and implement innovations to achieve sustainable competitiveness in Blue Economy sectors. To study their innovation potential and digitalization level the following indicators have been analysed: population density, GRP per capita (PPS), internal research expenditures per capita, number of researcher per million people, share of households with broadband Internet connection in 2007—2018.

Ключевые слова: инновационный потенциал, цифровизация, «синяя экономика», Балтийский регион.

Keywords: innovation potential, digitalisation, Blue Economy, Baltic Sea Region.

Приморские территории

Изучение взаимодействия суши и океана, а также влияние близости моря на развитие территорий привлекало внимание многих ученых [2; 7; 8; 23]. Близость моря считается одним из значимых факторов размещения, положительно влияющих на развитие регионов [23]. При этом указывается, что приморские территории играют важную роль в экономическом развитии страны в целом [3].

В отечественных работах встречается несколько определений приморского региона, так, Т. Е. Александрова рассматривает «географическое простран-

ство, где на основе ресурсной базы суши и моря (океана) возникает уникальный способ развития морехозяйственной деятельности» [1, с. 16]. Г.Г. Гогоберидзе определяет их как «государственное образование, либо приморский субъект государственного образования федерального типа» [3, с. 18], а также «прилегающую к морю часть суши с присущими ей свойствами и ресурсами» [5, с. 291].

В российских законодательных документах встречается термин «приморский субъект». Это «субъект Российской Федерации, территория которого примыкает к внутренним морским водам и (или) территориальному морю Российской Федерации» [13]. Евросоюз определяет приморские регионы как статистические единицы уровня NUTS 3, которые имеют выход к морю и более половины численности населения которых проживает в пределах 50 км от побережья [25].

В настоящей работе используется термин «приморская территория», под которым понимается административно-территориальная единица страны, территория которой примыкает к внутренним морским водам и (или) территориальному морю страны. Таким образом, приморские территории региона Балтийского моря — это единицы, относящиеся к региону в его узком значении: территории, «находящиеся непосредственно на морском побережье и вблизи него» [11, с. 19]. Это 3 приморских субъекта РФ (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область) и 22 региона ЕС уровня NUTS 2 и NUTS 1 (в соответствии с данными Евростата [24]), поскольку именно данный уровень формально сопоставим с российскими балтийскими регионами по численности населения [20; 26]: Мекленбург — Передняя Померания, Шлезвиг-Гольштейн (Германия); Ховедстаден, Зеландия, Южная Дания (Дания); Латвия; Центральная и Западная Литва; Западно-Поморское, Варминско-Мазурское и Поморское воеводства (Польша); Западная Финляндия, район Хельсинки, Северная и Восточная Финляндия, а также провинция Аланд, или Аландские острова (Финляндия); Стокгольм, Восточная Центральная Швеция, Смоланд с островами и Южная Швеция, Северная Средняя Швеция и Средний Норрланд (Швеция), Эстония.

Общая характеристика приморских территорий региона Балтийского моря

Поскольку рассматриваемые регионы значительно различаются по масштабам, в целях выявления закономерностей их развития в настоящем исследовании рассматриваются относительные показатели.

Так, приморские территории Балтийского моря различаются не только по численности, но и по концентрации населения [22; 26]. Плотность населения в 2018 г. колебалась от 187,8 до 5,3 чел. на км² (за исключением столичных регионов). Лишь в нескольких странах плотность населения в приморских территориях была выше средней по стране и макрорегиону: в РФ, Швеции (за исключением Северной Средней Швеции и Среднего Норрланда), Финлян-

дии (за исключением Северной и Восточной Финляндии). В остальных же — ниже (за исключением столичных регионов в Дании и Финляндии, а также Поморского воеводства Польши).

Следует отметить, что плотность населения, а соответственно, и численность с 2007 по 2018 г. уменьшилась в земле Мекленбург — Передняя Померания, в Эстонии, Латвии, Центральной и Западной Литве. На остальных территориях численность увеличилась, при этом особый рост отмечен в столичных регионах.

Одним из важнейших показателей уровня экономического развития региона является ВРП. Для сопоставимости данных в настоящей работе приморские территории сравниваются по показателю ВРП на душу населения (по паритету покупательской способности), который позволяет нивелировать разницу в ценах между рассматриваемыми объектами.

Для расчета данных по субъектам РФ в качестве источника выступил Росстат [9; 21], данных для ЕС — индекс ППС ОЭСР [30] с поправкой на курс национальных валют, по данным Евростат [26].

За рассматриваемый период наибольший рост значений показателя ВРП отмечен на приморских территориях Швеции (22,4—30,7%), России (25,9—30,8%), Польши (31,7—35,4%), Литвы (46,4%), Латвии (42%) и Эстонии (46,1%). При этом за исключением регионов, в которых расположены крупнейшие города (столицы и город федерального значения), а также региона Аланд ВРП на душу населения (по ППС) в приморских территориях региона Балтийского моря значительно ниже среднего по соответствующей стране и макрорегиону. Такое отставание свидетельствует о том, что экономическая активность большей частью происходит на других территориях стран.

«Синяя экономика»

В последние годы правительства стран, в чей состав входят приморские территории, особое внимание уделяют стимулированию их социально-экономического развития с учетом географического положения. Так, в Письме Минэкономразвития России № Д17и-904 [13] подчеркивается необходимость при разработке стратегий социально-экономического развития приморских субъектов РФ выделять отдельный прибрежно-морской компонент, в рамках которого приморские территории и прибрежные акватории рассматриваются как единый самостоятельный объект стратегического управления в соответствии со Стратегией развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года [16].

Письмо также формализует понятие гражданской морской деятельности, к которой относятся морской транспорт; рыбное хозяйство; добыча минеральных ресурсов и разведка недр морского дна; судостроительная промышленность; морская инженерия; морская научно-исследовательская деятельность; морская туристско-рекреационная сфера; мероприятия по обеспечению безопасности морской деятельности; мероприятия по обеспечению безопасности населения приморских регионов и смягчению последствий от мор-

ских стихийных бедствий; мероприятия по сохранению морских природных систем и рациональному использованию их ресурсов, защите морской среды от загрязнения; подготовка кадров для сферы морской деятельности.

В иностранной литературе используется термин «синяя экономика» наряду с терминами «экономика океана» и «морская экономика». Он был введен Гюнтером Паули [31], существует несколько его определений (см. [32; 35; 37]). Согласно трактовке Еврокомиссии это «экономическая деятельность, связанная с океанами, морями и побережьем, включающая широкий ряд взаимосвязанных существующих и возникающих секторов» [27].

Объем понятий «морская гражданская деятельность» и «синяя экономика» совпадает практически полностью. Так, к существующим секторам «синей экономики» относятся: живые ресурсы моря; неживые ресурсы моря; возобновляемая энергия; портовое хозяйство; судостроение и судоремонт; морской транспорт; прибрежный туризм (размещение, транспорт, иные услуги). К возникающим секторам — использование энергии океана; «синяя» биоэкономика и биотехнологии; морские минералы (добыча из недр морского дна); морская инженерия.

Многие сектора относятся к средне- и высокотехнологичным, включают предоставление наукоемких и высокотехнологичных услуг [36], в связи с чем конкурентоспособность и устойчивость экономики приморских территорий оказывается напрямую связана со степенью готовности к внедрению инноваций.

В соответствии с Указом Президента РФ [14] в России реализуется Национальная технологическая инициатива, деятельность одной из рабочих групп которой — «Маринет» — направлена на внедрение новых технологий в морской отрасли, разработку конкурентоспособных продуктов и сервисов в рамках освоения ресурсов океана (подробнее см.: nti2035.ru/markets/marinet). При этом создание инноваций в современных условиях невозможно без развитых институтов цифровой экономики, выступающей ключевым фактором производства и обеспечивающей эффективное взаимодействие как отдельных граждан, так и научного и бизнес-сообщества, регионов и государств, что подчеркивается в ряде документов, принятых правительством РФ [15; 19].

Инновационный потенциал и цифровизация

Существует ряд комплексных индексов, характеризующих уровень цифровой трансформации стран, их готовность к новому укладу и потенциал к научно-технологическому развитию [6], например Глобальный инновационный индекс [28], Индекс развития ИКТ [29], Индекс цифровой экономики и общества (I-DESI) [33], Рейтинг международной цифровой конкурентоспособности [34]. Для РФ Всемирным банком совместно с Институтом развития информационного общества был разработан Национальный индекс развития цифровой экономики [12]. Во многом они опираются на схожие показатели, используя данные о человеческом капитале и развитии инфраструктуры ИКТ.

Одними из часто используемых показателей для определения наукоемкости экономики являются доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, а также количество исследователей на миллион жителей. Эти параметры также выступают показателями в целях нацпроекта «Наука» [18] и входят в число показателей достижения цели 9 Повестки ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям».

Данные показатели характеризуют потенциал экономики к научно-технологическому развитию, созданию собственных технологических разработок, в том числе и в связи с реализацией мероприятий «Маринет». Поскольку показатели относительны, возможно их использование для определения готовности к разработке и внедрению инноваций не только стран, но и регионов.

Для приморских территорий Балтийского региона в целом характерна более низкая доля внутренних затрат на исследования и разработки (в процентах к валовому региональному продукту), чем в среднем по странам, по данным ЕМИСС [10] и Евростата [26]. Исключение составляют столичные регионы: Ховедстаден — 4,76% (Дания — 3,09%); Хельсинки — 3,48% (Финляндия — 2,73%); Стокгольм — 3,75% (Швеция — 3,37%); Санкт-Петербург — 3,16% (РФ — 1,36%). Наибольший рост доли внутренних затрат с 2007 по 2017 г. наблюдался в Южной Дании (0,91%), он также отмечен в регионах Германии, Польше и Южной Швеции. В остальных регионах доля затрат на НИОКР сократилась. При этом, по данным за 2017 г., наблюдается взаимосвязь между рассматриваемым показателем и ВРП на душу населения (по ППС).

Следует отметить, что целевой показатель нацпроекта «Наука» и Стратегической цели Повестки устойчивого развития ООН «Количество исследователей на миллион жителей» рассчитывается в эквиваленте полной занятости, однако в РФ статический учет по субъектам Федерации ведется по списочному составу работников организаций, именно такие данные использовались при проведении анализа. Расчеты на основе статистических данных [22; 26] показывают, что для приморских территорий Балтийского региона в целом характерно более низкое количество исследователей на миллион жителей, чем в среднем по стране. Исключение составляют столичные регионы: Ховедстадене — 19 273 (Дания — 10 778), Хельсинки — 14 975 (Финляндия — 9838), Стокгольм — 14 847 (Швеция — 10 709), Санкт-Петербург — 7596 (РФ — 2450). Значения показателя увеличилось в Южной Дании, землях Германии, Литве, Польше и ряде территорий Швейцарии. При этом, по данным за 2017 г., наблюдается сильная корреляция между рассматриваемым показателем и ВРП на душу населения (по ППС). Его значение было выше на территориях с большим количеством исследователей.

Ключевыми показателями развития информационно-коммуникационных технологий, используемых в большинстве комплексных индексов, являются удельный вес домашних хозяйств и организаций, имеющих широкополосный доступ к интернету. Эти показатели характеризуют развитость инфраструктуры ИКТ, поскольку именно широкополосный доступ обеспечивает высокую скорость соединения, как следствие, высокую скорость обмена данными. Однако в ЕС в отличие от РФ учет использования интернета организациями ведется на уровне стран, а не отдельных регионов. В связи с этим сопоставление приморских территорий по данному показателю не представляется возможным. Сравнение проводится по доле домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в общем числе домохозяйств, однако и здесь данные не полные — отсутствует информация по приморским воеводствам Польши [22; 26].

В последнее десятилетие в приморских регионах ЕС произошло значительное увеличение доли хозяйств, имеющих широкополосный доступ к интернету, что свидетельствует о значительных инвестициях в развитие инфраструктуры. Практически на всех приморских территориях значение показателя составляет свыше 90%. Наиболее низкие значения отмечены в Эстонии, Латвии, Литве, шведском регионе Средний Норрланд и приморских регионах РФ. При этом если на первых четырех территориях с 2007 г. наблюдалась положительная динамика, то на приморских территориях РФ, в отличие от остальных территорий страны, доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ в интернет, осталась на прежнем уровне. Это говорит о необходимости более активного развития инфраструктуры ИКТ в этих регионах во избежание их дальнейшего отставания.

Заключение

Приморские регионы Балтийского моря отличаются более низкой плотностью населения и меньшей величиной подушевого ВРП относительно прочих территорий соответствующих стран. Лишь столичные регионы более динамично развиваются на фоне прочих регионов внутри своих стран, остальные либо значительно отстают, либо не выделяются. Данные статистики об инновационном потенциале и уровне цифровизации приморских территорий региона Балтийского моря свидетельствуют о недостаточно высокой по состоянию на 2018 г. степени готовности регионов (за исключением столичных) к внедрению инноваций. Отмечена взаимосвязь между уровнем инновационного потенциала и ВРП на душу населения по паритету покупательской способности, однако степень влияния фактора не определена. Учитывая принятие странами стратегических документов и ведение практической деятельности по достижению установленных целевых показателей, можно говорить о том, что, возможно, в ближайшие годы ситуация значительно изменится. Это будет способствовать достижению устойчивого конкурентного преимущества в отраслях «синей экономики».

Список литературы

1. Александрова Т.Е. Приморский регионы в контексте экономико-географических исследований // Теория социально-экономической географии: синтез современных знаний : сб. науч. ст. Смоленск, 2006. С. 13—17.
2. Алхименко А.П. Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5—23.
3. Гогоберидзе Г.Г. Комплексное районирование приморских территорий Мирового океана : монография. СПб., 2007.
4. Гогоберидзе Г.Г. Структура и свойства морехозяйственного потенциала приморской территории // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. Вып. 3. С. 75—81.
5. Гогоберидзе Г.Г. Морские портово-промышленные комплексы как ключевые экономические субъекты приморских территориальных узлов // Проблемы современной экономики. 2011. №4 (40). С. 291—294.
6. Головенчик Г.Г. Рейтинговый анализ уровня цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС и ЕС // Цифровая трансформация. 2018. №2 (3). С. 5—18.
7. Дергачёв В.А. Морехозяйственный комплекс Азово-Черноморского региона СССР: экономико-географические аспекты // Южные моря СССР: географические проблемы исследования и освоения. Л., 1989. С. 39—50.
8. Дружинин А.Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 28—43.
9. ЕМИСС. Валовой региональный продукт на душу населения. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42928> (дата обращения: 30.08.2020).
10. ЕМИСС. Доля внутренних затрат на исследования и разработки, в процентах к валовому региональному продукту (ВРП). URL: <https://fedstat.ru/indicator/44080> (дата обращения: 25.08.2020).
11. Клемешев А.П., Корнеев В.С., Пальмовский Т. и др. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 7—28.
12. Национальный индекс развития цифровой экономики. URL: <https://in.minenergo.gov.ru/upload/iblock/df0/df063a504b10a3af5a1ce7cbb07e35fd.pdf> (дата обращения: 27.08.20).
13. О Методических рекомендациях по разработке прибрежно-морского компонента Стратегии социально-экономического развития приморского субъекта Российской Федерации : письмо Минэкономразвития России от 11.10.2013 № Д17и-904. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP&dst=100001&n=568765&req=doc#03239287579437973> (дата обращения: 31.08.2020).
14. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 30.08.2020).
15. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf> (дата обращения: 18.09.2020).
16. О Стратегии развития морской деятельности РФ до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 30 августа 2019 г. № 1930-р. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf> (дата обращения: 30.08.2020).

17. *Об утверждении* Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации : приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 №132 (ред. от 07.09.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214725/e2a7dc65b5742f224b8aa5ca26a813ee33bd1b5b/ (дата обращения: 26.08.20)

18. *Паспорт* национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 №16). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319304/ (дата обращения: 04.09.2020).

19. *Паспорт* национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. №7). URL: <http://base.garant.ru/72190282/#ixzz6YUDFoI3I> (дата обращения: 30.08.2020).

20. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019* : стат. сб. / Росстат. М., 2019. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 24.04.2020).

21. *Росстат. Паритет покупательской способности*. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/ocenka-vvp.htm (дата обращения: 30.08.2020).

22. *Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации* : прил. к стат. сбор. «Регионы России. Социально-экономические показатели» / Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 14.08.2020).

23. *Федоров Г.М., Михайлов А.С., Кузнецова Т.Ю.* Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 7—27.

24. *Eurostat. Coastal, island and outermost regions*. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/coastal-island-outermost-regions/background> (дата обращения: 16.08.2020).

25. *Eurostat. Glossary: Coastal region*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:Coastal_region (дата обращения: 16.08.2020).

26. *Eurostat. Database*. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 26.08.2020).

27. *European Commission. Blue Economy Indicators*. URL: <https://blueindicators.ec.europa.eu/> (дата обращения: 17.08.2020).

28. *Global Innovation Index*. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/> (дата обращения: 26.08.2020).

29. *ICT Development Index*. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis/methodology.aspx> (дата обращения: 26.08.2020).

30. *OECD. Purchasing power parities (PPP) (indicator)*. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 30.08.2020).

31. *Pauli G.A.* The blue economy: 10 years, 100 innovations, 100 million jobs. Paradigm publications, 2010.

32. *Smith-Godfrey S.* Defining the blue economy // Maritime affairs: Journal of the national maritime foundation of India. 2016. №. 12 (1). С. 58—64.

33. *The International Digital Economy*. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/how-digital-europe-compared-other-major-world-economies> (дата обращения: 26.08.2020).

34. *The IMD World Digital Competitiveness Ranking*. URL: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/> (дата обращения: 27.08.20).

35. *United Nations*. Blue Economy Concept Paper (2014). URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=view&type=111&nr=2978&menu=35> (дата обращения: 20.07.2020).

36. *UN*. Classification of manufacturing sectors by technological intensity. URL: <https://stat.unido.org/content/focus/classification-of-manufacturing-sectors-by-technological-intensity-%2528sic-revision-4%2529;jsessionid=4DB1A3A5812144CACC956F4B8137C1CF> (дата обращения: 28.08.2020).

37. *World Bank*. What is the Blue Economy? URL: <https://www.worldbank.org/en/news/infographic/2017/06/06/blue-economy> (дата обращения: 17.08.2020).

Об авторах

Наталья Ефимовна Кубина, кандидат экономических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: nkubina@kantiana.ru

Юлия Юрьевна Фарафонова, аспирант, старший преподаватель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ifarafonova@kantiana.ru

The authors

Dr Natalya E. Kubina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: nkubina@kantiana.ru

Yulia Yu. Farafonova, PhD-student, senior lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ifarafonova@kantiana.ru

ГЕОГРАФИЯ ИННОВАЦИЙ И ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОСУДАРСТВА

УДК 911.3

В. О. Юстратова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Роль сельской местности в устойчивом развитии территории была и остается огромной, поэтому доступность транспорта для жителей сельских населенных пунктов Калининградской области имеет большую социально-экономическую значимость. Целесообразность улучшения показателей транспортной доступности обусловлена взаимозависимостью между качеством жизни и потенциальной возможностью всех групп людей пользоваться транспортными услугами. С помощью классических экономико-географических и социологических методов исследования автор приходит к выводу о том, что в пассажирских перевозках требуются существенные изменения в системе государственного регулирования, конечной целью которых должен стать рост транспортной подвижности населения и качества транспортных услуг.

The role of rural areas in the sustainable development of the territory has been and remains huge, so the availability of transport for residents of rural localities in the Kaliningrad region is of great socio-economic significance. The feasibility of improving transport accessibility indicators is determined by the interdependence between the quality of life and the potential for all groups of people to use transport services. Using classical economic-geographical and sociological research methods, the author comes to the conclusion that in passenger transport, significant changes are required in the system of state regulation, the ultimate goal of which should be to increase the transport mobility of the population and the quality of transport services.

Ключевые слова: транспорт, транспортная доступность, сельский населенный пункт, качество жизни.

Keywords: transport, transport accessibility, rural locality, quality of life.

Введение

Транспортная система как совокупность всех элементов транспортной инфраструктуры, транспортных средств и субъектов перевозки, обеспечивающая их взаимосвязь и взаимозависимость, — это объективно приоритетное

© Юстратова В. О., 2020

звено в социально-экономическом развитии регионов России в целом. Индикатором полноценного функционирования транспортной системы служит уровень транспортной доступности, поскольку это нормативный показатель, выражающий временные затраты на преодоление расстояния между любыми двумя населенными пунктами. С точки зрения и пассажирооборота, и грузооборота чем меньше времени и денежных средств затрачено на большие расстояния, тем плотнее формируются механизмы региональных процессов, среди которых маятниковая миграция, туризм, поездки в центры предоставления социальных и медицинских услуг, посещение общественных и культурных объектов. Все эти процессы создают благоприятные условия для роста инвестиционной активности и развития российской экономики.

Теоретическими предпосылками данного исследования послужили научные идеи классиков пространственной экономики Вальтера Кристаллера [12], Иоганна фон Тюнена, а также работы ученых и специалистов-практиков Г. М. Лаппо, Т. Г. Нефёдовой, С. В. Кузнецова, С. С. Ушакова, Л. И. Василевского, В. А. Персианова, А. В. Курбатовой, М. С. Гунько, И. С. Гуменюка и др. [1—5; 8—9].

При рассмотрении Калининградской области ключевыми параметрами, определяющими транспортную доступность, помимо затрат по времени и расстояния, выделены транспортная мобильность населения, стоимость тарифов на перевозки, возможность получать транспортные услуги лицам с ограниченными возможностями здоровья.

Поскольку большинство малых городов на сегодняшний день не имеют достаточного потенциала для формирования вокруг себя центров притяжения близлежащих территорий, а моноцентрический характер Калининградской агломерации подразумевает наличие одного крупного ядра, то сельские населенные пункты буквально втянуты в экономическую и общественную жизнь крупного административного центра — Калининграда. Известную концепцию такого притяжения под названием «город-сад» описал еще в начале XX в. Э. Ховард. Позже основы социологии города и села изложили американцы П. Сорокин и К. Циммерман [11], а В. Пациорковский описал целостность сельско-городских систем расселения России [7].

В состав Калининградской области входит 1048 сельских населенных пунктов (постановление Правительства Калининградской области от 5.02.2020 г. № 12-рп). Регион характеризуется высокой степенью урбанизации — сельские жители составляют всего 22,2% населения. Удаленность от основных транспортных коммуникаций является причиной оттягивания наиболее мобильного населения из восточных периферийных муниципалитетов в западную часть области.

В связи с этим целесообразно проанализировать современное состояние транспортной инфраструктуры как фактора развития сельской местности, чтобы выявить реальные проблемы и потребности жителей в усовершенствовании транспортного сообщения и выравнивании потенциалов запада и востока области.

Цель и гипотеза исследования, методология

Данная статья ставит целью оценить современное состояние транспортной инфраструктуры сельских населенных пунктов Калининградской области и предложить пути повышения транспортной доступности региона.

Исходя из цели автор выдвигает гипотезу: чем выше транспортная обеспеченность населения и доступность транспортных услуг в сельских населенных пунктах, тем комфортнее условия жизнедеятельности в них.

Основой для методики исследования стали социологический опрос, метод аналитического сопоставления, статистический и картографический метод.

Результаты

Качество жизни сельских населенных пунктов напрямую зависит от показателей транспортной доступности ближайших магистралей, районных и областных центров — чем выше показатели, тем выше будет частота поездок: трудовых и учебных, культурно-бытовых, рекреационных. Как правило, чем дальше сельский населенный пункт от районного и / или областного центра, тем эти транспортные связи слабее. Редкость следования общественного транспорта затрудняет сельским жителям доступ к объектам образования и социальной инфраструктуры, а, наоборот, потенциальная возможность перемещаться на транспортных средствах в любое время позволяет жителям беспрепятственно пользоваться услугами здравоохранения и социальной защиты, выбирать места работы с более выгодными условиями труда, посещать культурные и деловые центры, магазины и т. д.

В подтверждение данного факта выделим на карте три пространственные зоны (рис.). Такое деление основано на нахождении зон в получасовой-часовой, 1,5—2-часовой и 2—3-часовой зоне транспортной доступности от Калининграда [6].

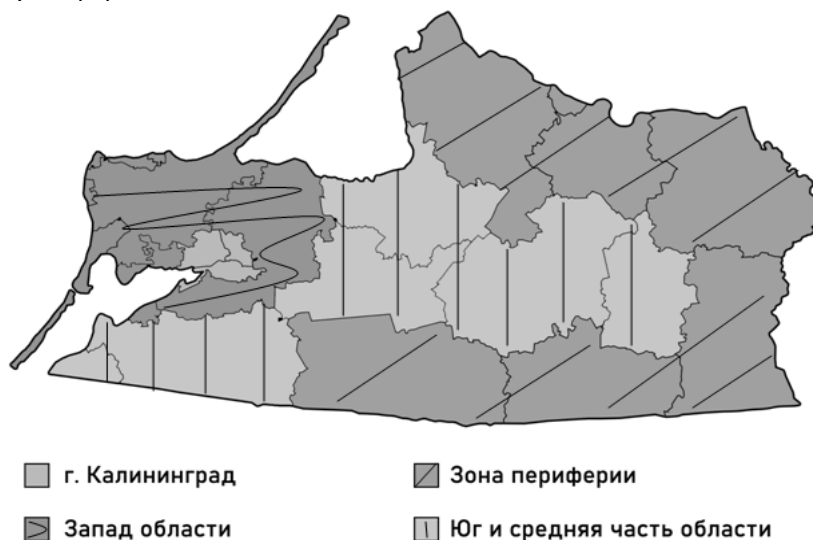

Рис. Пространственные зоны Калининградской области

Анализ статистических показателей городских округов внутри указанных зон демонстрирует, что пространственное положение муниципалитетов определяет специфику их функционирования. Так, приближенные муниципалитеты (например, Светловский ГО) обладают промышленной специализацией, инвестиционным потенциалом, профицитом бюджета, и уровень жизни жителей в них в целом выше (доходы, инженерно-коммунальная сеть, темпы ввода жилья и т. д.). Муниципальные образования, находясь на удалении (например, Славский или Гвардейский ГО), отличаются наличием сельскохозяйственной ориентации, более низким уровнем жизни, весомой долей убыточных предприятий в общей структуре экономики.

Наиболее прямая оценка качества транспортных услуг — это удовлетворенность пользователей. Для определения уровня обеспеченности населения объектами транспортной инфраструктуры и доступности транспортного сообщения, а также с целью выявления реальных потребностей в улучшении показателей этой доступности был проведен социологический опрос среди сельских жителей. Респондентами выступили люди, ныне живущие или проживавшие в сельских населенных пунктах Калининградской области в течение последних лет. Результаты опроса были обработаны, по генеральным принципам отобраны 336 анкет для достижения репрезентативной выборки. На момент опроса 53% ответивших относились к возрастной категории 30—55 лет; 37% — 18—30 лет; людей старше 55 лет было 8%, 2% не достигли совершеннолетия. География опроса включает представителей сельских населенных пунктов из всех 22 городских округов Калининградской области: 84% граждан совершают поездки в Калининград на общественном транспорте, из них 30% делает это ежедневно; 25% — ездят несколько раз в неделю; 45% — несколько раз в месяц и реже.

Добираются из своего сельского пункта до ближайшего районного города респонденты следующими способами (предусмотрено несколько вариантов ответа): почти 37%, как правило, ездят на автобусе; 28% проходят необходимое расстояние пешком; на такси доезжает 31,5%; любым попутным транспортом или автостопом добирается 15% жителей; около 2% использует велосипеды / электровелосипеды, 21,5% перемещаются на личном транспорте.

Ключевой вопрос коснулся актуальных проблем, связанных с общественным транспортом и характерных для данных сельских населенных пунктов. На отсутствие проблем в данной категории указали 6,5% респондентов. Остальные ответы распределились следующим образом (по частоте повторения схожих проблем):

- редкость движения общественного транспорта — 58%;
- неудовлетворительное состояние остановочного пункта — 35%;
- неудовлетворительное состояние дорожного покрытия — 22,5%;
- нехватка посадочных мест — 23%;
- несоответствие салонов внутри общественного транспорта санитарным нормам — 11%;

- небезопасное вождение — 6 %;
- отсутствие транспорта, идущего даже до районного центра (пункт не входит ни в один маршрут) — 4 %;
- несоблюдение графика в расписании, частая смена расписания, отсутствие расписания — 1.2 %, что противоречит ФЗ от 08.11.2007 г. № 259-ФЗ [11];
- при наличии рельс нет электропоезда — 1 %;
- высокая стоимость проезда — 1 %;

Среди прочих были упомянуты: отсутствие площадок для пассажиров с колясками; отсутствие транспорта внутри городского округа и в соседних округах, несмотря на наличие государственных учреждений, в равной мере обслуживающих несколько городских округов (например, Багратионовский и Правдинский ГО); остановочный пункт есть, но официально не входит в число остановок на маршрутах и т. д.

Улучшение нескольких или всех упомянутых выше параметров сподвигло бы 76,5 % жителей совершать поездки на общественном транспорте чаще.

Заметим, что в области, как и в других субъектах страны, не ведется открытая статистика показателей надежности, скорости транспортного сообщения (с учетом пересадок по системе в целом), географической и ценовой доступности транспорта общего пользования в разрезе городских районов и маршрутов, а значит, не принимаются и меры регулирования. Это усложняет процесс изучения данного сектора.

Выводы

Следует понимать, что транспортная сфера сейчас — это не «бизнес, приносящий прибыль с пассажиров», а государственный механизм, который должен обеспечивать комфорт для жителей.

Среди предложений по улучшению качества и объема предоставляемых транспортных услуг населению можно назвать следующие:

1. Возобновление пригородного железнодорожного сообщения на маршруте г. Светлогорск — г. Приморск;
2. Разработка внутримunicipальных маршрутов, соединяющих между собой сельские поселения и районные центры в пределах одного городского округа и межмunicipальных маршрутов в пределах соседних городских округов;
3. Повышение доступности транспортных услуг для маломобильных групп населения и лиц с ограниченными физическими возможностями (тактильные и звуковые мнемосхемы, пиктограммы, низкопольный транспорт, наклонные платформы для поднятия в салон, проектирование пешеходных переходов);
4. Увеличение пространственного охвата удаленных территорий и включение в маршруты ряда не входивших в них прежде сельских населенных пунктов, устранение дублирующих маршрутов;

5. Создание консолидированного счета из полученной проездной платы, который распределяется впоследствии между перевозчиками пропорционально числу перевезенных пассажиров и выполненной транспортной работе — это способствует возрастанию ответственности за качество предлагаемых транспортных услуг.

Таким образом, транспортная система должна приближать друг к другу город и сельскую местность, запад и восток, чтобы в условиях перехода к новой формации, когда человек живет в сельской местности, но основную деятельность совершает в городе, обеспечивать высокую транспортную подвижность, стимулировать социально-экономические процессы и, следовательно, поднимать уровень жизни населения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Калининградской области в рамках научного проекта №19-45-393005 р_мол_а «Транспортные сети как фактор формирования комфортной среды и развития человеческого капитала в сельской местности».

Список литературы

1. Гуменюк И. С. О соотношении понятий пространственное, стратегическое и территориальное планирование в Российской Федерации в контексте развития региона Калининградского / Вислинского залива // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки, 2016. №1. С. 37—44.
2. Гунько М. С., Глезер О. Б. Малые районные центры и окружающие территории в центральной России в 1970—2010 гг.: динамика и распределение населения // Известия РАН. Сер. географическая. 2015. №1. С. 64—76.
3. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Лачининский С. С. Пространственные возможности и ограничения модернизации российской экономики: пример Северо-Западного макрорегиона // Экономика региона. 2015. №3. С. 25—38.
4. Лаппо Г. М. Города России: Взгляд географа. М., 2012.
5. Нефедова Т. Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Сер.: География. 2012. №3. С. 7—23.
6. Официальный сайт Калининградского автовокзала. Расписание движения автобусов. URL: <https://avl39.ru/routes/bus/reg/331/> (дата обращения: 15.08.2020).
7. Пациорковский В. В. Сельско-городская Россия. М., 2010.
8. Персианов В. А., Курбатова А. В. Транспорт и его роль в импортозамещении сельскохозяйственной продукции: взгляд в будущее // Вестник университета. 2016. №5. С. 108—112.
9. Транспортная система мира / под ред. С. С. Ушакова, Л. И. Василевского. М., 1971.
10. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта : федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12157005/> (дата обращения: 11.08.2020).
11. Sorokin P., Zimmerman C. Principles of Rural-Urban Sociology. N. Y., 1929.
12. Christaller W. How I discovered the Theory of Central Places: A Report about the Origin of Central Places // Man Space and Environment / ed. by P. W. English, R. C. Mayfield. Oxford, 1972. P. 601—610.

Об авторе

Вероника Олеговна Юстратова, магистр, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: niko4ka1313@mail.ru

The author

Veronika O. Yustratova, master's degree, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: niko4ka1313@mail.ru

УДК 332.133; 911.6

P. Singh¹, A. S. Mikhaylov², V. K. Singh¹, D. V. Hvalej²

¹ Banaras Hindu University (Varanasi, India)

² Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

THE ROLE OF THE AGLOMERATION FACTOR IN SHAPING NATIONAL RESEARCH LANDSCAPE: ON THE EXAMPLE OF INDIA

The growth of urban agglomerations stimulates absorption of national intellectual resources into large cities. The prerequisites are being formed for clustering of knowledge within compact territorial boundaries. This research is aimed at studying the research-intensive cities and the spatial structure of knowledge-producing agglomerations in India. Results indicate a wide variety of models of their spatial configuration featuring examples of cities with over a million inhabitants performing satellite functions to another knowledge cluster nuclei. A strong focus on similar research areas is registered of both large and small research-intensive cities — Medical and Health Sciences, Engineering, Chemical Sciences, and Biological Sciences.

Рост городских агломераций стимулирует стягивание в крупные города интеллектуальных ресурсов. Формируются предпосылки для кластеризации знания в компактных территориальных границах. Данное исследование направлено на изучение наукоемких городов и территориального устройства генерирующих знания агломераций Индии. Результаты указывают на большое разнообразие моделей их пространственной конфигурации с примерами городов-миллионников, выполняющих спутниковые функции по отношению к другим ядрам кластера знаний. Устойчивость областей исследований наблюдается как в крупных, так и в малых наукоемких городах — медицина и здравоохранение, инженерия, химия и биология.

Keywords: geography of knowledge, spatial scientometrics, intellectual resources, knowledge cluster, scientific agglomeration, Greater Eurasia.

Ключевые слова: география знания, пространственная наукометрия, интеллектуальные ресурсы, кластер знаний, научная агломерация, Большая Евразия.

Introduction

Entering the new Millenia many scholars have stressed the shift from old (raw-) resource-based economic paradigm to a new knowledge-based one. Knowledge has come to the forefront and is defined to be the principle asset and

a key resource of competitive advantage. OECD reports indicate a “knowledge revolution” [11, p. 100] and suggest that knowledge-based capital is driving economic growth [25]. The World Bank report defines the role of “knowledge as the driver of competitiveness and productivity, the facilitator of welfare and environment, and the enabler of institutions and governance” [5, p. 5]. A focus on the value of using and exchanging knowledge has been conceptualized in a game-changing ‘service-dominant logic’ [24; 26], and the new regional development principles are cemented in the evolutionary economic geography paradigm [4; 14]. This reconfiguration of priorities meant that economies centered on skills, expertise, experience, competences, and other types of knowledge, which has been classified and defined in numerous dimensions (codified-tacit, implicit-explicit, etc. [3; 13]), are designed to benefit from the new reality of global competitiveness.

Looking back at successful regional economies, such as industrial districts, scholars highlight the importance of knowledge transfer and shared intellectual capital in their development [1; 15]. Contemporary studies put knowledge at the cornerstone of regional clusters [9; 17], technology districts [8; 22], and technopoles [10; 16]. Regional and national innovation systems are said to be driven by the knowledge production (sub-)system [12] and a cross-fertilization of stakeholders during inter-organizational collaboration [7] across institutional helices [18] that possess different yet complementary and mutually reinforcing knowledge and capabilities.

Studies on the geography of knowledge and innovation suggest that knowledge is rooted in locations and embedded in social interactions [2; 6; 19; 20; 23]. For human intelligence and creativity is the source of new knowledge being generated, cities with a favorable environment are the locus of knowledge clusters. Large urban areas attract people (urban population is projected to reach 55 percent of the world’s population by 2020 [5]), industries, and finance, accumulating the resources for growth.

Cities as knowledge hotspots compete for resources and authority, but also form a variety of spatial configurations in networking in the framework of urban agglomerations. Large cities with over a million inhabitants generally act as nuclei of knowledge-producing agglomerations (KPAs), while smaller cities and towns are subject to agglomeration externalities. The hub-and-spoke relationship between cities based on complementary knowledge base forms a sustainable win-win partnership, whereas similarities cause brain drain from periphery to the core.

This study aims at identifying the geography of research-intensive cities (RICs) under the influence of large urban agglomerations and the spatial patterns in the knowledge-producing agglomerations (KPAs) of India. The research strategy is based on the hypothesis that millionaire cities contribute to clustering of smaller RICs with same or complementary specialization.

Methodology

For testing the aforementioned research hypothesis, a spatial scientometrics approach is applied. The knowledge production system of the country is represented as a network of multi-scale research-intensive cities (RICs) and their clusters, which are formed within geographically delineated boundaries and have complementary knowledge specializations. The research-intensive city (RIC) is understood as an urban area affiliated to at least 100 scholarly documents (type “article”) published in peer-reviewed international journals in the twenty years period of 2000—2019. Dimensions as one of the largest international abstract databases is used as a source of scientometric data. The data is loaded via the Dimensions API.

In the course of the study, the dynamics of the annual number of research articles and citations is assessed in the context of RICs, as well as their distribution across 22 subject areas: Mathematical Sciences; Physical Sciences; Chemical Sciences; Earth Sciences; Environmental Sciences; Biological Sciences; Agricultural and Veterinary Sciences; Information and Computing Sciences; Engineering; Technology; Medical and Health Sciences; Built Environment and Design; Education; Economics; Commerce, Management, Tourism and Services; Studies in Human Society; Psychology and Cognitive Sciences; Law and Legal Studies; Studies in Creative Arts and Writing; Language, Communication and Culture; History and Archeology; Philosophy and Religious Studies.

The geography of the study covered 87 RICs in India, including 30 millionaire cities. By administrative division the considered urban areas include: 52 urban agglomerations (UA), 19 — cities, 15 — towns, and 1 district (New Delhi). When forming the sample of RICs, the territorial-temporal principle was applied: only those RICs that are located no further than 100 km from the millionaire city were taken into account. Two millionaire cities Srinagar and Almora were not included in the study due to their lack of satellite RICs in a 100-km zone. Also, standalone millionaire cities located at a distance of over 100 km from any other millionaire city were not taken into account.

The latlong. net website is used as a source of data on the geographical coordinates of the RICs in the sample. Population data for cities in India is available at census2011.co. in from the 2011 census.

Figure 1 shows the geography of the study, highlighting 7 geographically determined clusters of RICs that have formed around Delhi-Ludhiana; Dhanbad-Kolkata; Mumbai; Kanpur; Raipur; the states of Gujarat and Kerala.

Each knowledge-producing agglomerations (KPAs) includes from 2 to 7 millionaire cities that form the agglomeration core (core RICs), and smaller RICs — satellites located within a 100-km zone from the core. Depending on the size of the population, the following types of satellites were distinguished: from 500 thousand to 1 million people; from 250 to 500 thousand people; from 100 to 250 thousand people; from 50 to 100 thousand people; under 50 thousand people.

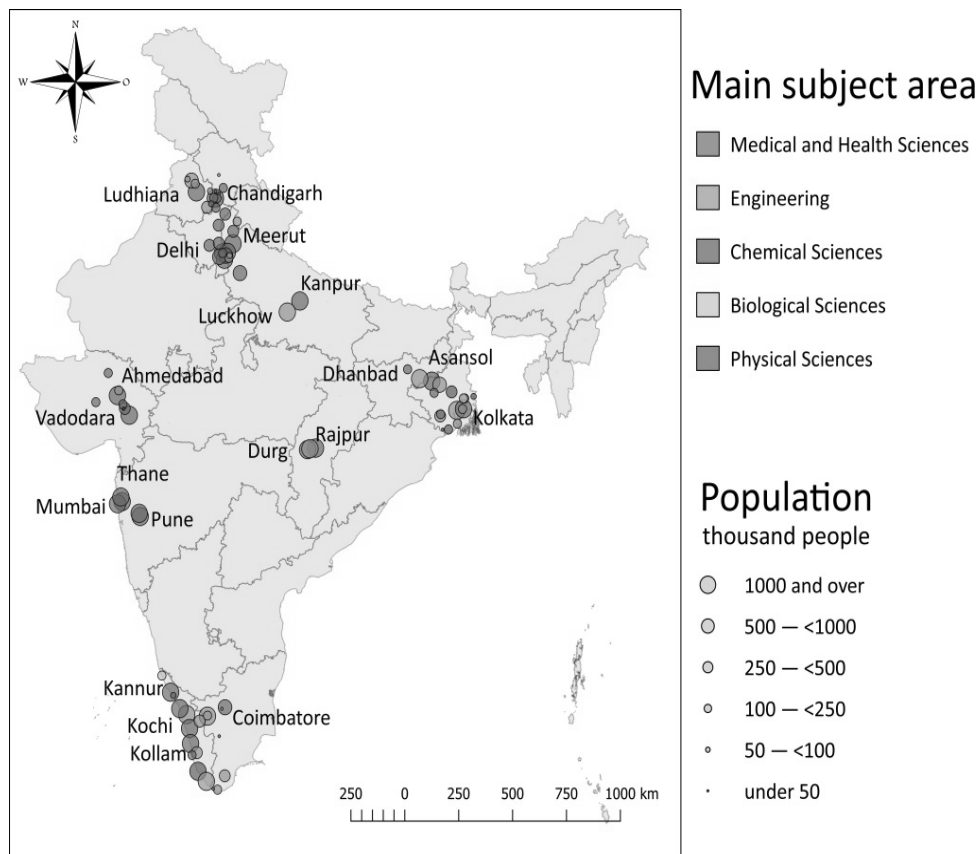

Fig. 1. Geography of knowledge-producing agglomerations in India

Source: developed by the authors.

Depending on the territorial location of satellite RICs relative to the agglomeration core, the 3 zones of absorptive capacity are identified:

Zone 1 is formed by the overlapping influence of two or more millionaire cities (core RICs) with a radius of 0—50 km. We believe that satellite RICs located in this zone are experiencing the strongest impact of the agglomeration factor imposed by several large RICs located no further than 50 km;

Zone 2 is the result of the cross-influence with radii of 0—50 km and 50—100 km from millionaire cities (core RICs). Knowledge producing systems of satellite RICs included in this zone may be strongly influenced by core RICs located no further than 50 km, and also have connections with those located at a distance of over 50 km (but no more than 100—105 km);

Zone 3 is formed by the overlapping influence of two or more core RICs with a radius of 50—100 km. We expect that the satellite RICs that located at this zone are least affected by the agglomeration factor.

Research results

The segregation of Indian RICs in terms of their population size, level of scientific development and specialization, as well as mutual territorial location made it possible to identify 7 knowledge-producing agglomerations (KPAs), 3 of which, by the number of RICs, can be classified as large — Delhi-Ludhiana, Kerala, Dhanbad-Kolkata, and another 4 as compact ones — Gujarat, Mumbai, Kanpur, Raipur.

The largest KPA of India — Delhi-Ludhiana, includes 31 RICs, of which 6 are millionaire cities: Delhi, Ghaziabad, Ludhiana, Meerut, Faridabad, Chandigarh, which form polarization cores, and 25 are satellites (Fig. 2). The cities of this KPA account for 20.4 % of publications and 20.8 % of citations of the total volume of publications and citations generated in 2000—2019 by the 273 largest RICs in India. Zone 1 included 29.0 % of RICs of the agglomeration, which account for 65.1 % of all publications, zones 2 and 3—35.5 % of RICs with 16.7 % and 18.2 % of publications, respectively. The main research specialization of the Delhi-Ludhiana agglomeration is Medical and Health Sciences — 43.2 % of articles, which is supported by 3 complementary fields of knowledge: Engineering — 16.8 % of articles; Biological Sciences — 11.3 % and Chemical Sciences — 10.5 % (Fig. 1).

For the KPS of Delhi-Ludhiana, two sub-agglomerations with centers in New Delhi and Chandigarh can be distinguished, which have the largest absolute values in the number of publications and citations (Fig. 2). Satellite RICs in their immediate proximity (50 km) are significantly inferior to them both in the number of publications and citations, but they have the same or related knowledge specialization (Fig. 1). Against this background, urban agglomerations Roorkee and Aligarh stand out, which, being at a distance in zone 3, are large RICs with high absolute values of scientometric indicators and are included in the top 5 RICs of the Delhi-Ludhiana KPA in terms of the number of published articles (Fig. 2). Note that Roorkee and Aligarh are home to some of the largest and oldest universities in India and Asia as a whole: Indian Institute of Technology Roorkee (ranked 8th in the National Institutional Ranking Framework [21]) and Aligarh Muslim University (ranked 18th).

The next largest in terms of the number of RICs is the Kerala KPA, which stretches along the southwestern coast of India and combines 20 cities, incl. 8 millionaire cities: Kozhikode, Malappuram, Coimbatore, Kannur, Kochi, Kollam,

Thiruvananthapuram and Thrissur. This agglomeration in 2000—2019 accounted for 5.2% of publications and 5.0% of citations of the total national volume. Due to the elongated, rather than radial territorial location of RICs in the KPA, the majority (60%) of RICs entered zone 2. They account for 47.2% of all articles in the agglomeration. The largest RICs of the Kerala KPA are urban agglomeration Coimbatore and Thiruvananthapuram (Fig. 3). Coimbatore is home to Amrita Vishwa Vidyapeetham (ranked 15th in the NIRF), Bharathiar University (ranked 21st), Tamil Nadu Agricultural University (ranked 68th), PSG College of Technology (ranked 76th), and Thiruvananthapu University (ranked 35th). The main research specialization of the Kerala KPA, as well as Delhi-Ludhiana, is Medical and Health Sciences (28.8%), supplemented by Engineering (25.3%), Chemical Sciences (18.4%) and Biological Sciences (11.5%).

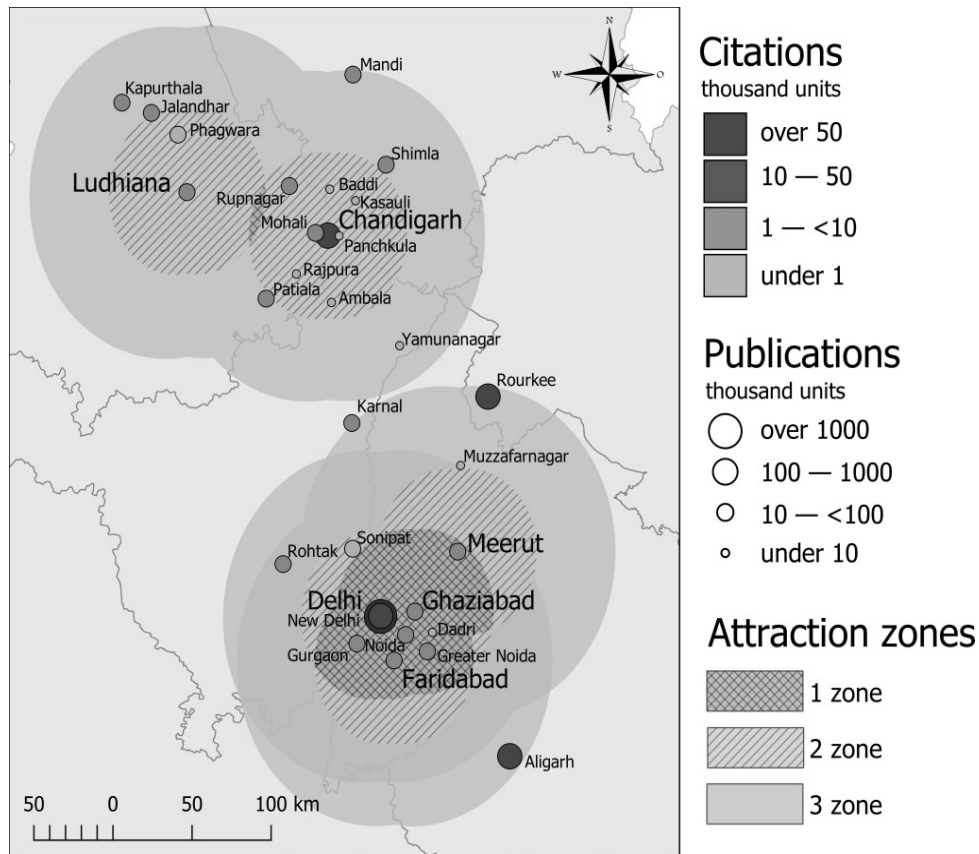

Fig. 2. Delhi-Ludhiana knowledge-producing agglomeration

Source: developed by the authors.

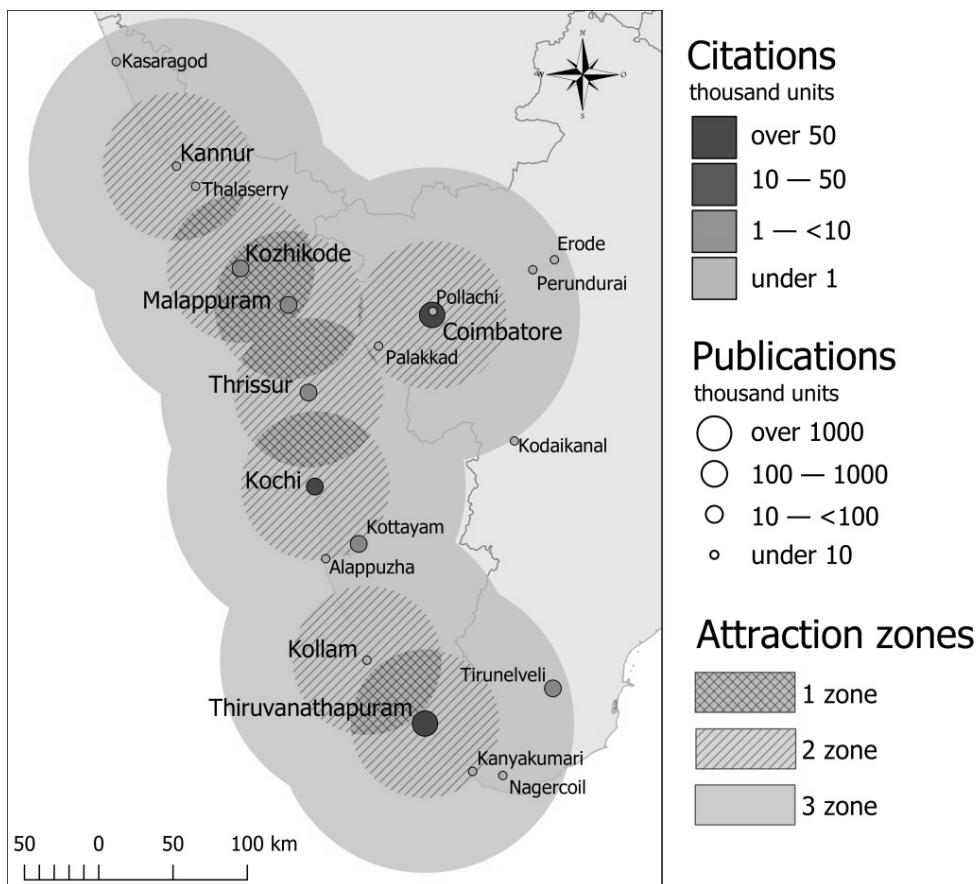

Fig. 3. Kerala knowledge-producing agglomeration

Source: developed by the authors.

The Dhanbad-Kolkata KPA is somewhat inferior to the Kerala KPA in terms of the number of RICs included in it — 17 versus 20, but it surpasses in its knowledge generative capability. In 2000—2019 in total, the Dhanbad-Kolkata RICs accounted for 9.2% of publications and 10% of citations of the total volume of publications and citations generated by 273 largest RICs of India. The core of the KPA is UA Kolkata, which together with 2 more cities of the zone 1 Howrah and Hugli and Chinsurah generated 62.8% of all publications of this agglomeration (Fig. 4). The leading universities in Kolkata are Calcutta University (ranked 12th in the NIRF), Jadavpur University (ranked 13th), Indian Institute of Management Calcutta (ranked 26th) and Indian Institute of Science Education & Research Kolkata (ranked 40th).

The research specialization of the Dhanbad-Kolkata KPA is formed from a combination of 4 research areas, which together account for 76.7% of all scholarly output: Engineering (26.4%), Chemical Sciences (19.3%), Medical and Health Sciences (16.6%) and Physical Sciences (14.3%) (Fig. 1). At the same time, while in the RICs of the zone 1 the leadership belongs to Medical and Health Sciences, for the 2nd and 3rd zones it is Engineering.

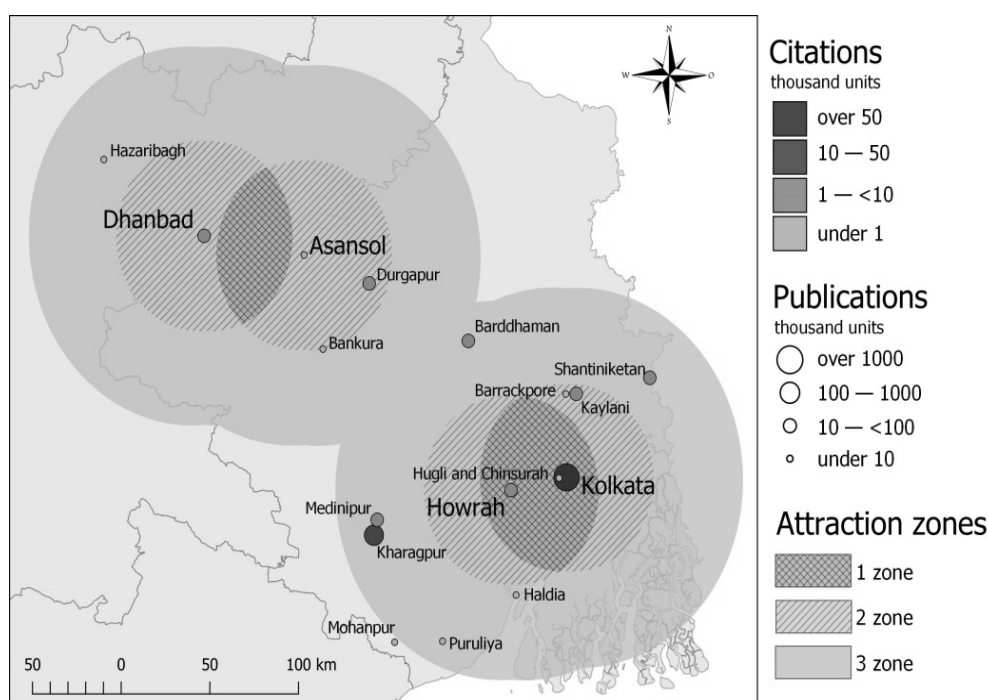

Fig. 4. Dhanbad-Kolkata knowledge-producing agglomeration

Source: developed by the authors.

The Gujarat KPA includes 9 RICs, the largest of which is Ahmedabad, accounting for 52% of all publications in the agglomeration for 2000–2019 (Fig. 5). On the scale of the Indian knowledge-producing system, the contribution of the Gujarat agglomeration to the total volume of publications and citations is about 2%. Almost all the cities of the KPA are located in zone 2, experiencing the cross influence of the 2 millionaire cities Ahmedabad and Vadodara. Another 2 small RICs are formed at a distance of 100–105 km from Ahmedabad — these are Patan and Surendranagar Dudhrej. A major university in Ahmedabad is Gujarat University, which is ranked among the 100–150 of the NIRF MHRD. The main area of specialization of RICs of the Gujarat KPA is Medical and Health Sciences (34%),

as well as Engineering (18.5 %), Chemical Sciences (17.5 %) and Physical Sciences (11.6 %) (Fig. 1). At the same time, the leadership of Medical and Health Sciences is characteristic of the core RICs in the structure of publications by areas of knowledge, and Engineering is characteristic of satellite RICs.

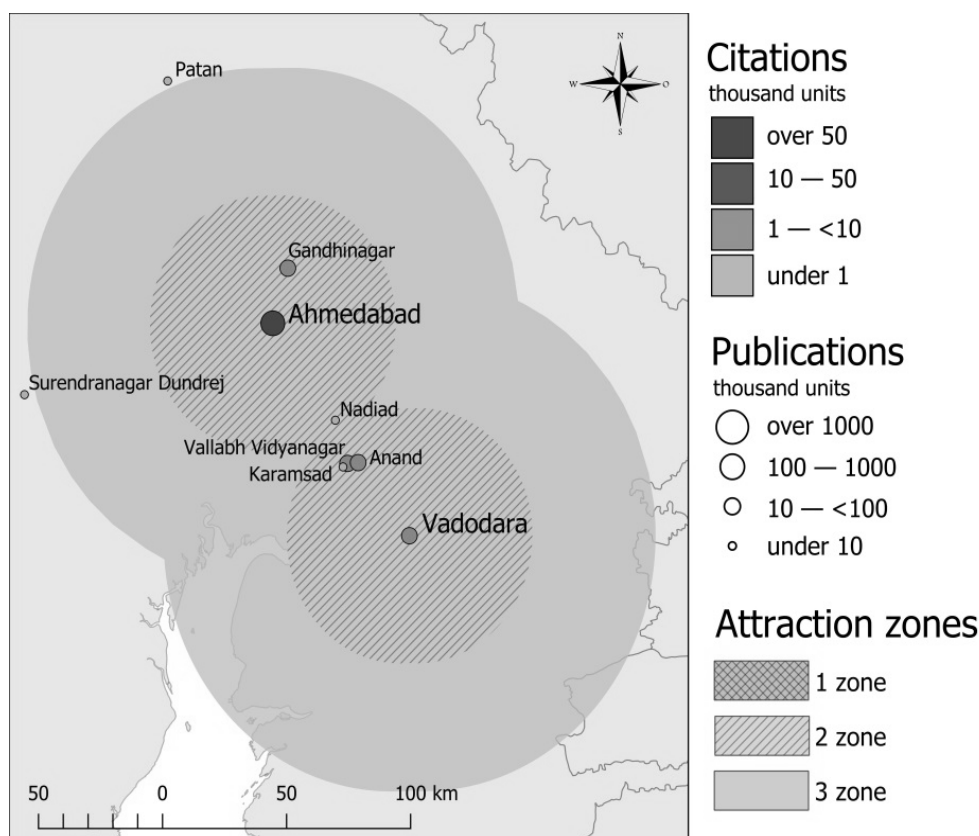

Fig. 5. Gujarat knowledge-producing agglomeration

Source: developed by the authors.

The remaining 3 KPAs Mumbai, Raipur and Kanpur are characterized by the smallest number of RICs of all studied, they include 5, 3 and 2 cities, respectively (Fig. 6, 7). All RICs in these agglomerations are millionaire cities. On the scale of the Indian knowledge-producing system, the contribution of the Mumbai KPA to the total volume of publications and citations is 9.7% and 11.2% (2nd place after Delhi-Ludhiana); Kanpur — 3.5% and 4.0%; Raipur — 0.3% and 0.2%. Relative to the absolute value of publications and citations in the KPAs of Mumbai and Kanpur, 2 poles can be distinguished, and in Raipur — 1 pole (Fig. 6, 7).

In the KPAs of Mumbai and Raipur, all RICs are located in zone 1, which indicates the possibility of their close interaction due to spatial proximity and the presence of a common knowledge specialization (Fig. 1, 6, 7). For the Mumbai KPA is Medical and Health Sciences, Engineering, Physical Sciences, Biological Sciences, and for Raipur KPA — Medical and Health Sciences, Engineering, Chemical Sciences. Kanpur KPA is a system of two equilibrium millionaire urban agglomerations — Kanpur and Lucknow, the first of which specializes in Engineering (41.3% of all publications) and Chemical Sciences (22.6% of all publications), and the second in Medical and Health Sciences. (54.7%) and Biological Sciences (16.8%). Kanpur houses the Indian Institute of Technology Kanpur (ranked 6th in the NIRF MHRD) and Lucknow — King George’s Medical University (ranked 42nd).

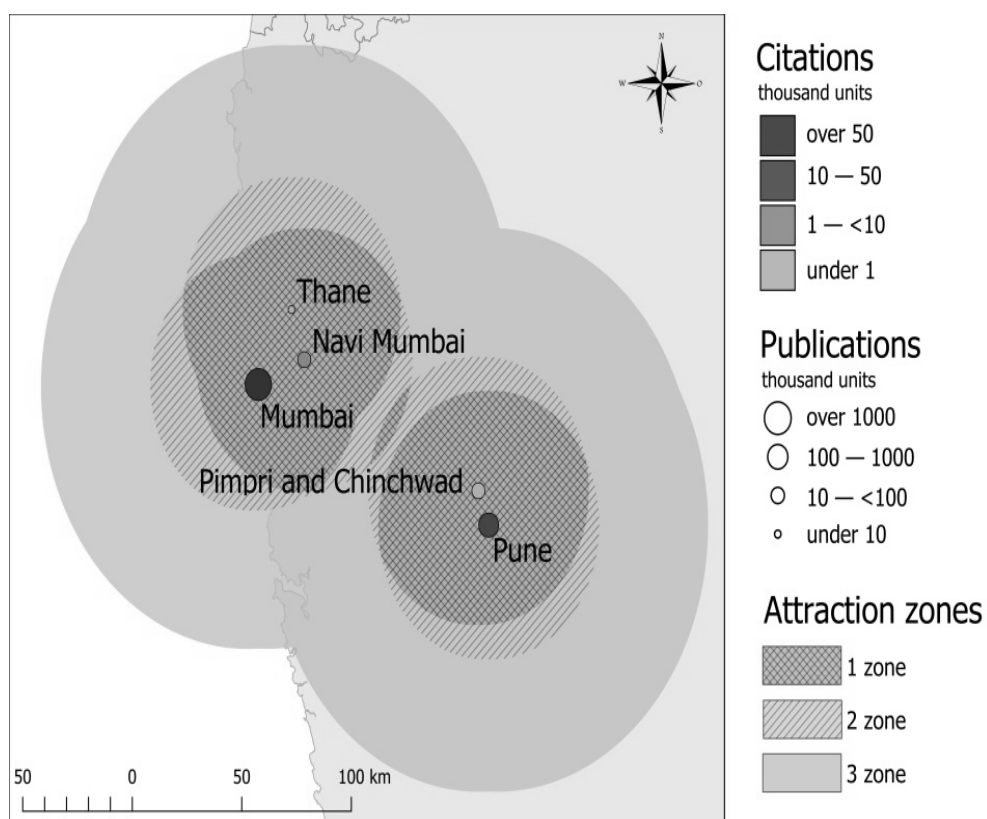

Fig. 6. Mumbai knowledge-producing agglomeration

Source: developed by the authors.

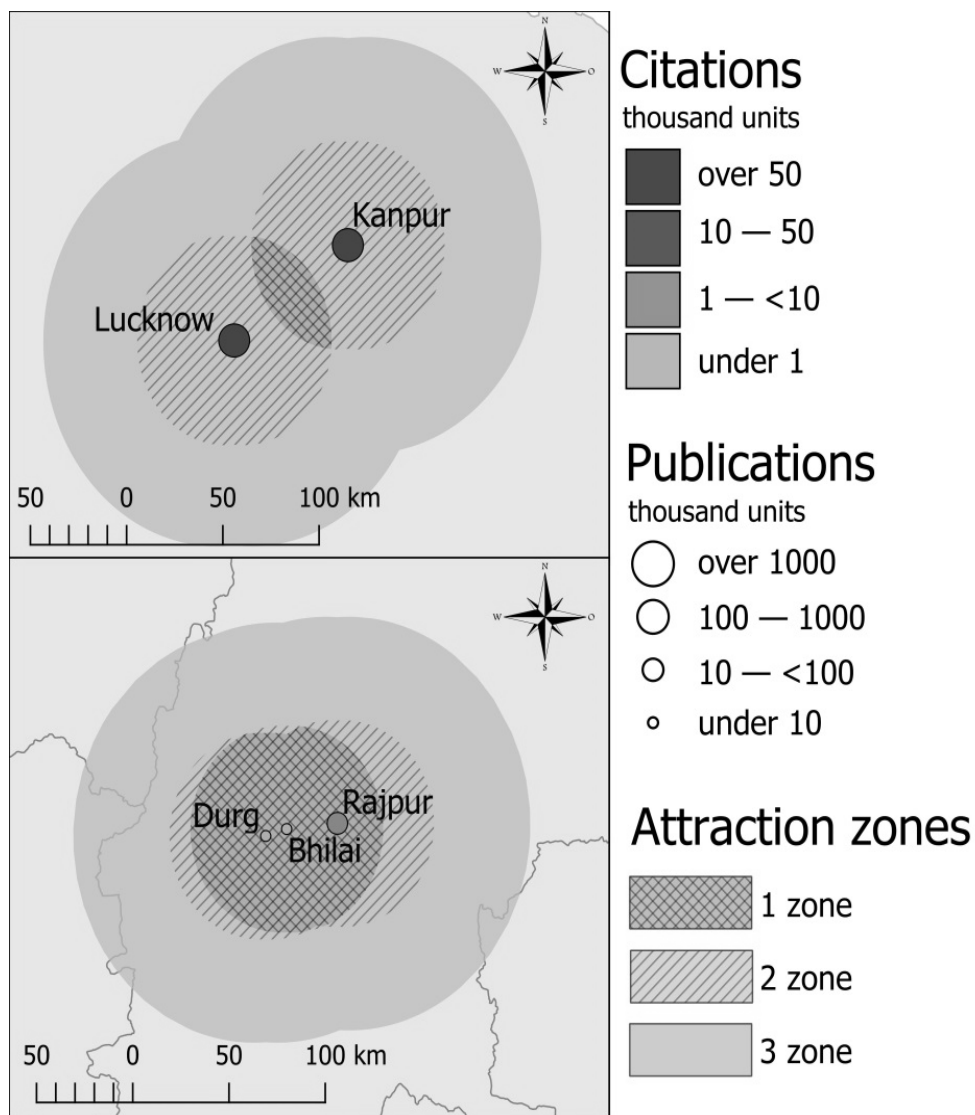

Fig. 7. Kanpur and Raipur knowledge-producing agglomeration

Source: developed by the authors.

Table below presents a scientometric portrait of knowledge-producing agglomerations in India.

Characteristics of knowledge-producing agglomerations in India according to some scientometric indicators, 2000—2019

Knowledge-producing agglomeration (KPA)	Zone	Core research-intensive cities (RICs)				Satellite research-intensive cities (RICs)			
		Number of RICs	Share in publications of the agglomeration, %	Research productivity, articles per 1000 people	Citations per article, units	Number of RICs	Share in publications of the agglomeration, %	Research productivity, articles per 1000 people	Citations per article, units
Delhi-Ludhiana	1	4	11.6	1.5	10.2	5	53.5	81.2	14.0
	2	2	13.3	14.3	14.6	9	3.4	8.2	10.3
	3	0	0	0	0	11	18.2	12.3	14.3
Kerala	1	2	9.3	1.8	9.6	0	0	0	0
	2	6	38.8	4.0	12.0	6	8.4	5.4	11.5
	3	0	0	0	0	6	6.8	3.3	9.9
Dhanbad-Kolkata	1	2	62.5	5.3	14.0	1	0.3	2.2	8.8
	2	2	5.1	2.6	11.1	3	6.0	9.1	12.4
	3	0	0	0	0	9	26.2	22.0	17.0
Gujarat	2	2	69.0	3.0	11.2	5	29.7	2.2	8.8
	3	0	0	0	0	2	1.3	1.5	4.4
Mumbai	1	5	100	4.8	15.3	0	0	0	0
Kanpur	2	2	100	8.4	15.2	0	0	0	0
Raipur	1	3	100	1.5	9.4	0	0	0	0

Source: developed by the authors.

As follows from the data presented, the territorial-structural configuration of KPAs in India is heterogeneous, and there is no single pattern for their formation. The calculated correlation coefficients for RICs of nuclei and satellites between the share in publications of agglomeration and scientific productivity and citation, demonstrated, firstly, a close relationship between the contribution to the total volume of publications and the level of research productivity for RICs with a population of less than 1 million people (0.857). The higher the research productivity, i. e. number of articles per 1000 people, the greater the share of these RICs in the total output of the KPA. For RICs with a population of more than 1 million people no such dependence is found: the correlation coefficient is 0.319. In other words, millionaire cities have such a large population that even with relatively low rates of research productivity, they can generate a relatively large volume of publications. Secondly, the correlation coefficient between the share in publications of the KPA and the level of citation both for core and for satellite RICs is practically the same — 0.63—0.64, and is at an average level. This suggests that the ratio of the number of citations to the number of articles does not have a direct strong depend-

ence on the size of the RIC in terms of the number of publications. In turn, this means that RICs that are small in terms of output can have high citation rates for their articles.

Conclusion

In the course of the research, we studied scientometric portraits of 7 knowledge-producing agglomerations (KPAs) in India, formed by knowledge-intensive cities (RICs) of different sizes, both in terms of population and the volume of scholarly output. The largest KPAs by the number of RICs included in their boundaries are Delhi-Ludhiana, Kerala, Dhanbad-Kolkata, and the most compact are Gujarat, Mumbai, Kanpur, Raipur. By the volume of generated research output in 2000—2019, the leading positions are held by Delhi-Ludhiana and Mumbai. Not all millionaire cities have managed to become large growth poles for their agglomerations, and even more so to form a network of smaller interconnected RICs around themselves. In this regard, the hypothesis that millionaire cities promote clustering of smaller RICs has not been unequivocally confirmed. We have identified cases when a millionaire city rather performs the functions of a satellite with another more developed millionaire city: for example, the Raipur KPA is indicative in this respect. Also, we cannot fully confirm the thesis that large core RICs are poly-specialized, and the smaller satellite RICs are monospecialized. The research profile of all KPAs in India is formed at the combination of Medical and Health Sciences, Engineering, Chemical Sciences, and Biological Sciences, which is reflected in the knowledge profile of both large and small RICs.

The reported study was funded by RFBR according to the research project 18-010-00015 “Models, Effects, Strategies and Mechanisms of the Inclusion of the Western Borderline of Russia into the System of Horizontal Interregional Economic Relations in the Context of the Greater Eurasia.”

References

1. *Asheim B. T.* Industrial districts as ‘learning regions’: A condition for prosperity // *European Planning Studies*. 1996. №4 (4). P. 379—400.
2. *Asheim B. T., Isaksen A.* Regional innovation systems: the integration of local ‘sticky’ and global ‘ubiquitous’ knowledge // *The Journal of Technology Transfer*. 2002. №27 (1). P. 77—86.
3. *Bathelt H., Malmberg A., Maskell P.* Clusters and knowledge: Local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation // *Progress in Human Geography*. 2004. №28 (1). P. 31—56.
4. *Boschma R., Frenken K.* *Evolutionary Economic Geography* / G.L. Clark, M.P. Feldman, M.S. Gertler, D. Wójcik (eds.) // *The New Oxford Handbook of Economic Geography*, 2018. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198755609.013.11
5. *Building Knowledge Economies: Advanced Strategies for Development*. Washington, DC: World Bank, 2007. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6853> (available at: 10.09.2020).

6. *Carvalho L., Santos I.P., Van Winden W.* Knowledge spaces and places: From the perspective of a “born-global” start-up in the field of urban technology // *Expert Systems with Applications*. 2014. №41 (12). P. 5647—5655.
7. *Cricelli L., Grimaldi M.* Knowledge-based inter-organizational collaborations // *Journal of Knowledge Management*. 2010. №14 (3). P. 348—358.
8. *Dangelico R.M., Garavelli A.C., Petruzzelli A.M.* A system dynamics model to analyze technology districts’ evolution in a knowledge-based perspective // *Technovation*. 2010. №30 (2). P. 142—153.
9. *Dayasindhu N.* Embeddedness, knowledge transfer, industry clusters and global competitiveness: A case study of the Indian software industry // *Technovation*. 2002. №22 (9). P. 551—560.
10. *De Mello J.M.C., Rocha F.C.A.* Networking for regional innovation and economic growth: The Brazilian Petrópolis technopole // *International Journal of Technology Management*. 2004. №27 (5). P. 488—497.
11. *Education Policy Analysis 2001*. P., 2001. DOI: <https://doi.org/10.1787/epa-2001-en>.
12. *Fritsch M.* Measuring the quality of regional innovation systems: A knowledge production function approach // *International Regional Science Review*. 2002. №25 (1). P. 86—101.
13. *Gertler M.S.* Tacit knowledge and the economic geography of context, or the undefinable tacitness of being (there) // *Journal of Economic Geography*. 2003. №3 (1). P. 75—99.
14. *Henning M.* Time should tell (more): evolutionary economic geography and the challenge of history // *Regional Studies*. 2019. №53 (4). P. 602—613.
15. *Inkpen A.C., Tsang E.W.K.* Social capital networks, and knowledge transfer // *Academy of Management Review*. 2005. №30 (1). P. 146—165.
16. *Lambooy J.G.* Knowledge production, organisation and agglomeration economies // *GeoJournal*. 1997. №41 (4). P. 293—300.
17. *Lawson C., Lorenz E.* Collective learning, tacit knowledge and regional innovative capacity // *Regional Studies*. 1999. №33 (4). P. 305—317.
18. *Leydesdorff L.* The Triple Helix, Quadruple Helix,..., and an N-Tuple of Helices: Explanatory Models for Analyzing the Knowledge-Based Economy? // *Journal of the Knowledge Economy*. 2012. №3 (1). P. 25—35.
19. *Mikhaylova A.A.* Comprehending the role of the region in the innovation economy // *InnoCentre*. 2014. №2 (3). P. 21—27.
20. *Mikhaylova A.A.* The development of science as a factor in the Kaliningrad region innovative security // *Vestnik of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Natural and medical sciences*. 2017. №1. P. 21—41.
21. *National Institutional Ranking Framework (NIRF)*. Ministry of Human Resource Development, 2019. URL: <https://www.nirfindia.org/2019/OverallRanking.html> (available at: 10.09.2020).
22. *Petruzzelli A.M., Albino V., Carbonara N.* Technology districts: Proximity and knowledge access // *Journal of Knowledge Management*. 2007. №11 (5). P. 98—114.
23. *Rutten R.* Beyond proximities: The socio-spatial dynamics of knowledge creation // *Progress in Human Geography*. 2017. №41 (2). P. 159—177.
24. *Siltaloppi J., Koskela-Huotari K., Vargo S.L.* Institutional complexity as a driver for innovation in service ecosystems // *Service Science*. 2016. №8 (3). P. 333—343.
25. *Supporting Investment in Knowledge Capital, Growth and Innovation*. P., 2013. doi: <https://dx.doi.org/10.1787/9789264193307-5-en>.

26. Vargo S. L., Akaka M. A., Wieland H. Rethinking the process of diffusion in innovation: A service-ecosystems and institutional perspective // Journal of Business Research. 2020. № 116. P. 526—534.

The authors

Prashasti Singh, student, Banaras Hindu University, India.
E-mail: prashasti.singh10@bhu.ac.in

Dr Andrey S. Mikhaylov, Leading Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

Prof. Vivek K. Singh, Banaras Hindu University, India.
E-mail: vivek@bhu.ac.in

Dmitry V. Hvalei, student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: DKHvalei1@kantiana.ru

Об авторах

Прашастти Сингх, студент, Университет Банарас Хинду, Индия.
E-mail: prashasti.singh10@bhu.ac.in

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

Вивек Кумар Сингх, доктор компьютерных наук, профессор, Университет Банарас Хинду, Индия.
E-mail: vivek@bhu.ac.in

Дмитрий Витальевич Хвалеи, студент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: DKHvalei1@kantiana.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 910.3

Е. И. Голубева¹, Е. С. Каширина²

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

² Севастопольский филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, (Севастополь, Россия)

ПОТЕНЦИАЛ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КРЫМА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Рассматривается потенциал особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Крыма как фактор социально-экономического развития региона. В хозяйственном использовании ООПТ определена ведущая роль туризма. Значительную часть туристского потока формируют уникальные природные объекты и историко-культурные достопримечательности заповедников и национального парка.

The article examines the potential of specially protected natural areas (SPNA) of Crimea as a factor in the socio-economic development of the region. The leading role of tourism is determined in the economic use of protected areas. A significant part of the tourist flow is formed by unique natural objects and historical and cultural attractions of reserves and the national park.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории (ООПТ), экотуризм, региональное развитие, Крымский полуостров.

Keywords: specially protected natural territories (SPNA), ecotourism, regional development, Crimean peninsula.

Крымский полуостров отличается уникальной природой, сочетающей горные и равнинные территории, леса и степи, побережье и внутренние районы. Разнообразие природных условий и особенности геологической истории определили высокое биологическое и ландшафтное разнообразие Крымского полуострова.

Разнообразие ландшафтов, богатство флоры и фауны в сочетании с богатой историей освоения региона и, соответственно, наличием памятников исторического и культурного наследия способствовали созданию на полуострове системы природоохранных объектов различных категорий. По состоянию на 2020 г. система ООПТ Крымского полуострова в административных границах Республики Крым и г. Севастополя насчитывает 214 объектов. Боль-

шая часть ООПТ расположены на территории Республики Крым — 200 объектов общей площадью 216,9 тыс. га. В Севастополе находятся всего 14 ООПТ общей площадью 21 тыс. га. При этом в Республике Крым ООПТ составляют лишь 9,6% общей площади, а в Севастополе — более 22%.

Современные ООПТ России, сохраняя свою основную природоохранную функцию, активно вовлекаются в социально-экономическую деятельность регионов. Они становятся многофункциональными объектами с развитой системой экологического обучения и воспитания, рекреацией, сохранением традиционного природопользования, частичным сельскохозяйственным использованием, вовлечением местного населения в их выполнение. В Крыму ООПТ также не являются изолированными объектами (за исключением зон строгой охраны), во многом решая социальные и экономические проблемы региона и его жителей [4].

В последние годы усиливается тенденция по реализации рекреационной функции ООПТ Крыма, что выражается в создании новых природных парков, изменении статуса Крымского заповедника на национальный парк, а заповедника «Мыс Мартьян» — на природный парк. Более того, в региональной системе ООПТ представлены новые категории, в частности ландшафтно-рекреационный парк. Ландшафтно-рекреационный парк — это природоохранный рекреационный объект регионального значения, создаваемый в целях сохранения в природном состоянии типичных или уникальных природных комплексов и объектов, а также обеспечения условий для организованного отдыха населения [7]. На полуострове образовано 10 ландшафтно-рекреационных парков, среди которых Бакальская коса (1520 га), Донузлав (2335 га), Лисья бухта — Эчки-Даг (1561 га), Бахчисарай (10300 га) и др. В целом ландшафтно-рекреационные парки занимают значительное место в региональной системе ООПТ Крыма: их общая площадь составляет 19456 га, или 18% от всех природоохранных объектов полуострова.

По экспертным данным туристских компаний и администраций природоохранных объектов, роль крымских ООПТ особенно выросла в развитии рекреации и туризма. По официальной информации, туризм приносит 3,5% ВВП страны, в региональной экономике Республики Крым туризм и смежные отрасли формируют до 11% валового регионального продукта (ВРП). Можно предположить, что его доля и роль в доходах населения гораздо выше.

Природные достопримечательности полуострова ежегодно привлекают множество туристов. Например, в заповедниках и национальном парке Крыма кроме естественных лесных, степных, заболоченных территорий имеются сельскохозяйственные и застроенные земли, которые используются для создания туристской инфраструктуры. Также в некоторых заповедниках и крымском национальном парке расположены водные объекты — пресные водоемы, главным образом пруды и участки акватории Черного и Азовского морей. На леса в заповедниках и Крымском национальном парке приходится 65% площади их земельного фонда. Велика площадь морских акваторий, ко-

торая составляет 16 % площади заповедников. Территории со степной растительностью, выходами скал и пляжами в сумме занимают 16 % площади заповедников Крыма. Участками с сельскохозяйственными угодьями занято 2 % площади заповедников и национального парка Крыма. Доля застроенных территорий (поселки, кордоны, автодороги) в заповедниках незначительна и не превышает 1 % площади.

По распределению земель ООПТ различного назначения наблюдается следующая картина:

— наибольшая доля сельскохозяйственных земель среди ООПТ отмечена для Опуцкого заповедника и составляет 50 % его территории;

— высокая доля лесопокрываемых территорий отмечена в Ялтинском горно-лесном заповеднике (78 %), Крымском национальном парке (63 %) и Карадагском заповеднике (42 %);

— морские акватории занимают 30 % площади Карадагского заповедника, более 90 % площади заповедника «Лебяжьего острова».

Сохранившиеся природные комплексы ООПТ привлекательны для туристов. Более того, различные виды рекреационного природопользования допустимы для всех категорий ООПТ [6]. Карадагский, Ялтинский горно-лесной и Опуцкий заповедники, а также национальный парк «Крымский» отличаются разнообразием и количеством экологических троп [5; 9]. В Карадагском заповеднике туристов интересует экологическая тропа, Музей природы и дельфинарий. По прибрежной акватории организованы морские экскурсии. Длина экологической тропы составляет 7 км, длительность экскурсии — 4 часа. Экскурсии по экологической тропе проходят два раза в день. В пиковый летний сезон заповедник посещали до 1 тыс. человек в день. Например, с апреля по сентябрь 2010 г. заповедник посетило 10 950 экскурсантов [1].

В Ялтинском горно-лесном заповеднике созданы эколого-просветительские тропы. Они начинаются в нижней части склона южной экспозиции и знакомят посетителей с растительностью пояса маквиса, примечательного встречающимися только здесь вечнозелеными растениями — иглицей колючей, плющом, земляничником мелкоплодным, сбрасывающим старую кору со ствола, и др. Так, для посетителей заповедника открыты и функционируют тропы: Таракташская, Солнечная, Еврейская, Шайтан-Мердвен [2].

В Крымском национальном парке туристы могут посетить Музей природы, дендрозоопарк, три маршрута эколого-просветительских троп [8].

Опуцкий заповедник предоставляет возможность посещения объекта по маршрутам четырех экологических троп — трех сухопутных и одной морской.

В 2020 г. через территорию Опуцкого, Казантипского и Ялтинского горно-лесного заповедников проложен межрегиональный туристский маршрут «Золотое кольцо Боспорского царства».

Эколого-образовательная работа Казантипского заповедника включает четыре экологических маршрута — пешеходный, конный, велосипедный и водный. Пешеходный протяженностью 2,7 км действует с 2005 г. В 2019 г. маршрут работал с мая по сентябрь включительно. Наиболее активно он используется в период с июня по август. Территория маршрута выбрана с учетом природных особенностей и минимального негативного воздействия: он проходит по участкам, наименее заселенными птицами и пресмыкающимися; летний период эксплуатации маршрута позволяет сохранить весенние эфемеры и эфемероиды. Посещение тропы разрешено с 9.00 до 12.00 в июне для учащихся школ, с 17.00 до 20.30 в июне — августе и с 17.00 до 19.30 в сентябре для всех желающих. В указанные часы спадает летняя жара, это время безопаснее всего как для состояния здоровья человека (минимальная вероятность солнечных и тепловых ударов), так и для самовозгорания сухостоя. Разрешенное предельное количество посетителей в группе — не более 60 человек. В среднем на летний сезон планируется около 1000 посещений экологической тропы (табл.).

**Посещение пешеходной экологической тропы
Казантипского заповедника, 2010—2019 гг.**

Год посещения тропы	Количество посетителей, чел.
2010	694
2011	679
2012	469
2013	972
2014	176
2015	858
2016	1759
2017	1492
2018	1717
2019	1754

Конный и велосипедный маршруты (протяженностью 7,2 км) рассчитаны на посетителей с определенной подготовкой. Они проходят по дорогам по границе заповедника с землями Мысовского сельского совета, что сводит к минимуму угрозы вытаптывания растительного покрова или беспокойства животных, особенно птиц.

Морской экологический маршрут проходит по акватории Азовского моря вдоль Казантипского поднятия на расстоянии не более 50 м от берега. Он проложен с запада на юг на 9 км. Начинается маршрут в бухте Русской Арабатского залива, заканчивается в бухте Татарской Казантипского залива, остановка в бухте Кунушкой с высадкой на берег. Маршрут используется в теплый период года с мая по сентябрь.

Активно вовлекаются в туристскую деятельность территории заказников и памятников природы.

Комплексным проектом развития активного и экологического туризма в юго-западном Крыму является Большая севастопольская тропа (БСТ). Маршрут, разработанный в 2015 г., проложен по горно-лесному поясу от Балаклавы до пос. Любимовка и пересекает заказники «Мыс Айя» «Байдайский», «Ласпи». БСТ представляет собой проект комплексного регионального развития, на этом примере подробнее рассмотрим вклад ООПТ в социально-экономическое развитие региона. Проект способствует развитию туристской инфраструктуры прилегающих территорий и всего субъекта в целом. Туристы, посещающие БСТ, также являются потенциальными потребителями услуг объектов размещения туристов — гостиниц, туристских баз, кемпингов.

Маршрут БСТ оборудован санитарными, информационными, инженерными и архитектурными элементами. Емкость гостиничного фонда в радиусе 10 км от БСТ составляет 200 мест, емкость детских оздоровительных лагерей — еще 1000 мест. Обслуживать туристов с БСТ могут 35 предприятий общественного питания, расположенных в прилегающих населенных пунктах и вдоль автомобильных дорог. В зоне, прилегающей к БСТ, проживает более 48 тыс. чел., а по экспертным оценкам, общий туристский поток в год может достигать около 500 тыс. чел., что будет способствовать развитию смежных секторов обслуживания — гостиниц, кемпингов, предприятий питания, турфирм, организующих гидов и экскурсоводов [3].

Надо отметить, что проект БСТ уже оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие региона. Так, увеличение турпотока способствует привлечению инвестиций в смежные сектора экономики: гостиницы, питание, транспорт, турфирмы и экскурсионные бюро и др. Туризм уже формирует 4,6% ВРП Севастопольского региона (2019), планируется увеличение его доли до 10%. Также реализация проекта положительно влияет на развитие рынка труда и формирование новых рабочих мест. В частности, требовалась подготовка специалистов для работы по новому маршруту. Географический факультет филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в Севастополе выступил с инициативой организации курсов дополнительного послевузовского образования по подготовке гидов и сопровождающих для групп по Большой севастопольской тропе. Обучение на коротком, но насыщенном разнообразной информацией курсе прошли более 20 человек, которые смогли получить не только образование по новому направлению профессиональной деятельности, но и занять новые рабочие места, что актуально для жителей региона, особенно молодежи.

Описанный позитивный опыт организации БСТ показал перспективность развития этого сектора экономики, имеющего также и важный социальный эффект. В перспективе будет реализован проект Большой крымской тропы, которая объединит природные достопримечательности Республики Крым и Севастополя.

Анализ показал, что ООПТ Крыма успешно совмещают природоохранную функцию и способствуют развитию рекреации и туризма. Безусловно, необходимо научно обоснованное планирование и регламентирование туристских потоков на ООПТ, обеспечивающее выполнение ими задач социально-экономического развития региона не в ущерб реализации целей охраны природы.

В сезоне 2020 г. в связи с пандемией и ограничениями посещения зарубежных стран туристско-рекреационное значение ООПТ Крымского полуострова существенно возросло, что поставило новые задачи по управлению регионом в целях его устойчивого развития.

Исследование выполнено при поддержке Проекта РФФИ, грант №18-45-920045 р_а «Геолого-геофизические исследования морфологии рельефа, земельных ресурсов и природных опасностей Севастополя и Крыма» и госзадания «Теория и практика рационального природопользования для устойчивого развития территорий» АААА-А16-116032810096-3.

Список литературы

1. *Борейко В.Е.* Троянский конь экотуризма: смерть для заповедной природы. Киев, 2010.
2. *Бондаренко З.Д.* Ялтинский горно-лесной природный заповедник как объект экологического туризма // Заповедники — 2019: биологическое и ландшафтное разнообразие, охрана и управление : матер. IX Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2019. С. 28—33.
3. *Бровцына В.С., Каширина Е.С., Прыгунова И.Л.* Большая севастопольская тропа как проект комплексного регионального развития // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. География. Геология. 2019. Т. 5, №1. С. 3—18.
4. *Каширина Е.С., Голубева Е.И.* Природопользование на особо охраняемых природных территориях Крымского полуострова // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2016. №5. С. 91—97.
5. *Национальный парк «Крымский».* URL: <https://comcrimea.ru/park> (дата обращения: 30.05.2020).
6. *Об особо охраняемых природных территориях* : федер. закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 24.11.2014 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168308/ (дата обращения: 30.03.2020).
7. *Об особо охраняемых природных территориях Республики Крым* : закон Республики Крым (от 22.10.2014 г.). URL: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_236243.pdf (дата обращения: 30.03.2020).
8. *Шестакова Е.С., Чижова В.П.* История развития туризма и эколого-просветительской деятельности в Крымском природном заповеднике // Заповедники — 2019: биологическое и ландшафтное разнообразие, охрана и управление : матер. IX Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2019. С. 117—125.
9. *Ялтинский горно-лесной природный заповедник.* URL: yglpz.umi.ru (дата обращения: 30.05.2020).

Об авторах

Елена Ильинична Голубева, доктор биологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: egolubeva@gmail.com

Екатерина Сергеевна Каширина, кандидат географических наук, старший преподаватель, Севастопольский филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, Севастополь, Россия.

E-mail: e_katerina.05@mail.ru

The authors

Prof. Elena I. Golubeva, Moscow State University, Russia.

E-mail: egolubeva@gmail.com

Dr Ekaterina S. Kashirina, senior lecturer, Sevastopol Branch of Moscow State University, Russia.

E-mail: e_katerina.05@mail.ru

УДК 338.1

Д. Ф. Дабиев¹

¹ Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл, Россия)

ОБ ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ ТУВА: КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Когнитивный подход к оценке эффективного управления экономическим потенциалом территорий позволяет не только учесть влияние количественных и качественных факторов, но и выявить воздействие различных внешних факторов на развитие системы, что необходимо для принятия управленческих решений. В настоящей работе представлена когнитивная модель управления экономическим потенциалом Тувы. Предложенная модель дает возможность оценить взаимовлияние как количественных, так и качественных факторов, демонстрируя, что для реализации экономического потенциала необходимо развивать инфраструктуру и улучшать институциональные условия.

The cognitive approach to assessing the effective management of the economic potential of territories allows us to take into account not only the influence of quantitative and qualitative factors, but also to identify the influence of various external factors on the development of the system, which is necessary for making management decisions. In this paper, we tried to build a cognitive model for managing the economic potential of Tuva. Our proposed cognitive model allows us to assess the interaction of both quantitative and qualitative factors, which shows that in order to realize the economic potential, it is necessary to develop infrastructure and improve institutional conditions.

Ключевые слова: управление, потенциал, когнитивная модель, Тува.

Keywords: management, potential, cognitive model, factors, Tuva.

Введение

Когнитивное моделирование является новым шагом в изучении таких слабоструктурированных систем, как экономика, социология, экология, которые отличаются многоаспектностью происходящих в них процессов и их взаимосвязанностью, невозможностью вычленения и детального исследования отдельных явлений (все происходящие в них явления должны рассматриваться в совокупности), отсутствием достаточной количественной информации о динамике процессов, что вынуждает переходить к качественному анализу таких процессов, изменчивостью характера процессов во времени и т. д. [8].

При этом под *когнитивным моделированием* понимается, что это один из методов институционального моделирования, рассматривающих институты как параметры и факторы сложных слабоструктурированных систем, а также позволяющих описать систему взаимосвязей показателей и факторов и представить ее взвешенным ориентированным графом. Исследование такого графа позволяет оценить влияние институциональных факторов на обобщенный показатель эффективности деятельности рассматриваемой социально-экономической системы [3].

Методика

В основе когнитивного анализа лежит теория графов, или знаковых орграфов, которые с большей вероятностью правдоподобности описывают экономические и другие процессы при неполных или неточных данных с учетом взаимовлияния различных факторов на состояние этих процессов. Теоретическое обоснование когнитивного метода рассмотрено в работах зарубежных ученых Э.Ч Толмэна, Ф. Хайдера, М. Мориямы, Р. Аксерольда [6; 9—11].

Для когнитивных моделей, имеющих вид взвешенного орграфа, Ф.С. Робертс предложил формулу вычисления для общего случая автономных импульсных процессов, при которых внешние импульсы воздействуют на процесс в любой момент времени [4]:

$$v_i(t+1) = v_i(t) + p_i^0(t+1) + \sum_{j=1}^n \text{sgn}(v_j, v_i) p_j(t)$$

где p_i^0 — внешний импульс в вершине v_i в момент времени t ; $p_j(t)$ — изменение или импульс, которое задается разностью $v_j(t) - v_i(t-1)$; $v_j(t)$ — значения знаковых орграфов, которые они принимают в вершинах $u_1, u_2, \dots, u_t$ в различные моменты времени. При этом значения знаковых орграфов могут иметь положительные (положительная связь) и отрицательные (отрицательная связь) значения. Кроме того, знаковым орграфам могут задаваться веса (взвешенные орграфы).

Таким образом, внешний импульс или возмущение может быть задано в любой из вершин знакового орграфа, значения которых по цепочке изменяются в соответствии с силой и направлением возмущения изменяемой вершины. При этом значения знакового орграфа будут меняться через каждую итерацию.

К настоящему времени выполнен ряд работ с применением когнитивного подхода при моделировании и прогнозировании социально-экономических

систем как регионов, так и различных отраслей экономики регионов. Можно подчеркнуть в этой связи работы С.С. Солохина, М.А. Ягольнищера, К. Ю. Казанцева, А. Г. Белана и В. В. Шмата и других авторов [1; 5; 7; 8].

Оценка когнитивной модели экономического потенциала Республики Тыва

В настоящей работе мы попытались построить когнитивную модель управления экономическим потенциалом Тувы. Она состоит из факторов, которые взаимно влияют на эффективное использование экономического потенциала. Факторы когнитивной модели управления экономическим потенциалом Республики Тыва показаны в таблице.

Факторы когнитивной модели управления экономическим потенциалом Республики Тыва

Составляющие экономического потенциала	Факторы
Материально-технические	Демографический потенциал
	Природно-ресурсный потенциал
	Экономико-географическое положение
Финансово-экономические	Качество человеческого потенциала
	Инфраструктура
	Бюджетный потенциал
	Экспортно-импортный потенциал
Инновационно-институциональные	Научно-инновационный потенциал
	Инвестиционный климат
	Агропромышленный потенциал
	Промышленная политика
	Потенциал обрабатывающих производств
Риски	Финансовые риски
Целевой фактор	ВРП

Как отмечено выше, экономический потенциал определяется многими факторами.

Для определения влияния качественных факторов на когнитивную модель был выбран метод опроса экспертов: ученых-экономистов, экономистов-практиков, работающих в государственных и частных предприятиях. Конечно, следует сразу отметить, что полученная нами когнитивная модель не является точной количественной моделью описываемой реальности, скорее всего это качественная модель экономического потенциала Республики Тыва, на основе которой будут приниматься определенные стратегические решения.

Вышеописанные факторы экономического потенциала взаимосвязаны и взаимно влияют друг на друга. Кроме того, экономический потенциал определяется также множеством количественных и качественных параметров и связей, к которым можно отнести различные финансовые и экономические риски, влияние внешней среды, учет неполных и неточных данных и т. д. Все эти факторы должны учитываться при принятии управленческих решений как на региональном, так и на федеральном уровне, поскольку, именно оперируя различными данными, которые входят в круг экономического потенциала, принимаются многие государственные решения о стратегическом плане развития той или иной территории. Наличие подобных неполных и неучтенных факторов позволяет отнести проблему управления экономическим потенциалом территорий к управлению нечеткими или слабоструктурированными системами.

Когнитивный подход к оценке эффективного управления экономическим потенциалом территорий позволяет учесть влияние не только количественных и качественных факторов, но и выявить воздействие различных внешних факторов на развитие системы, что необходимо для принятия управленческих решений. Безусловно, когнитивная карта не может отразить все факторы, влияющие на систему и их взаимосвязи, но созданная предварительная когнитивная модель управления экономическим потенциалом территории характеризует основные данные системы и ее структуру. Далее будут уточняться ее параметры и вноситься новые данные для построения более точной модели.

Используя матрицу коэффициентов взаимовлияний когнитивной модели управления экономическим потенциалом регионов, построим когнитивную модель экономического потенциала Республики Тыва (рис. 1).

Целевой фактор когнитивной модели — ВРП, так как именно этот показатель характеризует эффективное управление экономическим потенциалом территорий.

Аналогично нами получен взвешенный ориентированный граф факторов экономического потенциала Тувы, который состоит из 130 контуров или положительных и отрицательных взаимосвязей (рис. 1). Выполним оценку динамики импульсного процесса в ориентированном графе, задавая одновременно внешний импульс в каждой из вершин орграфа. При этом мы будем наблюдать за изменением процесса до тех пор, пока система не станет устойчивой. Агрегированную динамику импульсного процесса мы можем увидеть на рисунке 2, а влияние каждой из вершин орграфа на рисунке 1.

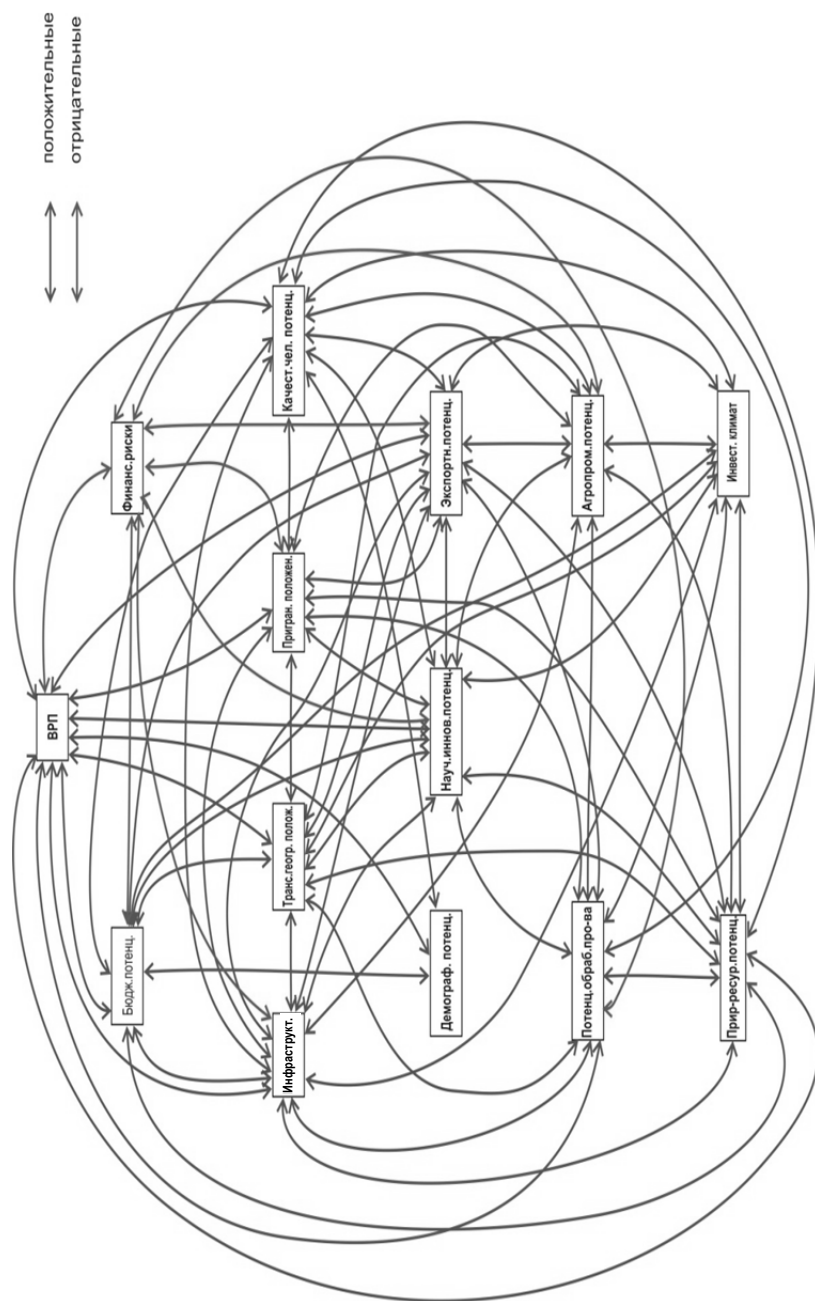

Рис. 1. Ориентированный граф когнитивной модели экономического потенциала Тувы

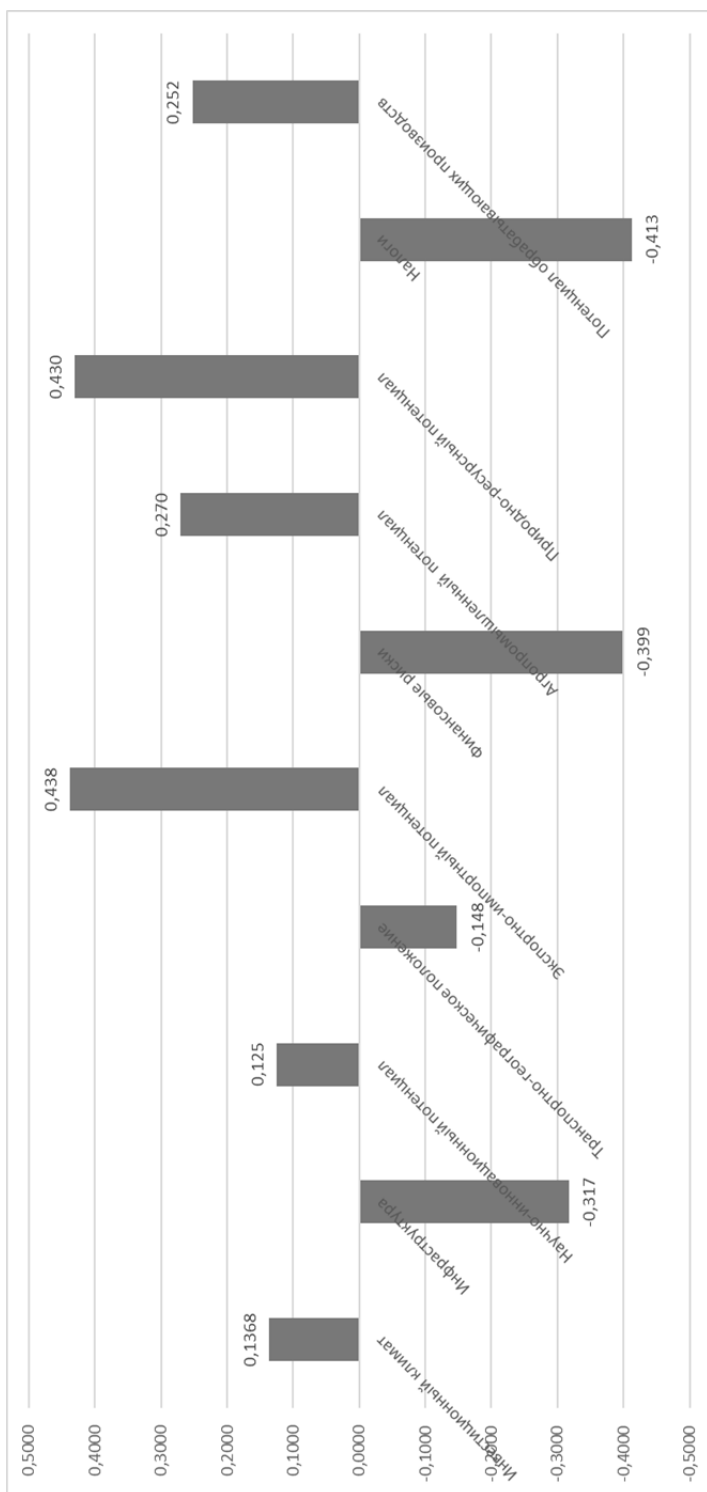

Рис. 2. Прирост ВРП Тувы при воздействии импульса в каждой из вершин орграфа

При синхронном влиянии единичных импульсов в вершины орграфа мы можем наблюдать рост ВРП до 0,55 условных единиц за 6 итераций, при котором импульсный процесс приобретает устойчивость. Полученный результат можно объяснить следующим образом: одновременный рост факторов экономического потенциала на 10% увеличивает прирост ВРП Тувы на 0,55%, после 6-й итерации прирост ВРП не меняется (рис. 3).

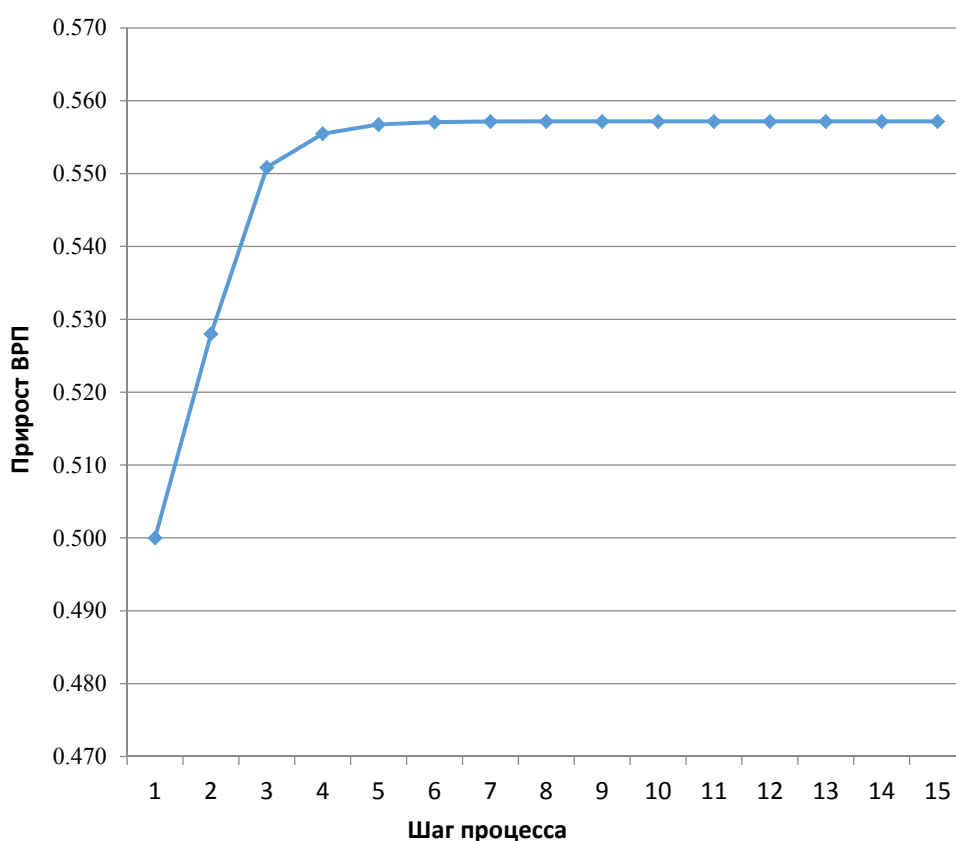

Рис. 3. Прирост ВРП Тувы по шагам импульсного процесса при одновременном воздействии переменных

При этом влияние факторов экономического потенциала на прирост ВРП различно: наибольшее оказывают экспортно-импортный потенциал (0,438), природно-ресурсный потенциал (0,43), агропромышленный потенциал (0,27), потенциал обрабатывающих производств (0,25). Ограничивающими факторами развития выступают налоги, финансовые риски, инфраструктура и транспортно-географическое положение.

Выводы

Предложенная нами когнитивная модель позволяет оценить взаимовлияние как количественных, так и качественных факторов, показывая, что для реализации экономического потенциала необходимо развивать инфраструктуру и улучшение институциональных условий. Учитывая, что Тува относится к приграничным регионам с богатым природно-ресурсным потенциалом, в том числе минерально-сырьевым, очевидно, что в республике могут быть созданы условия для формирования минерально-сырьевых центров экономического развития [2].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-010-00415 «Управление экономическим потенциалом приграничных регионов Сибирского федерального округа с преимущественно минерально-сырьевой ориентацией».

Список литературы

1. Белан А. Г., Шмат В. В. Анализ влияния ресурсных и нересурсных факторов на рост экономики Томской области с применением когнитивного подхода // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 78—93.
2. Дабиев Д. Ф., Ягольницер М. А., Лебедев В. И. Economic evaluation of mineral resources exploration efficiency of Tuva // Экономическое возрождение России. 2011. № 4 (30). С. 108—118.
3. Колобова Е. А., Колобов А. Д., Теплова И. Г., Ягольницер М. А. Когнитивная модель кластера как институциональной системы // Креативная экономика. 2017. Т. 11, № 10. С. 1039—1056.
4. Робертс Ф. С. Дискретные математические модели с приложениями к социальным, биологическим и экологическим задачам. М., 1986.
5. Солохин С. С. О когнитивном моделировании устойчивого развития социально-экономических систем (на примере туристско-рекреационной системы Юга России) // Искусственный интеллект. 2009. № 4. С. 150—160.
6. Толмен Э. Ч. Когнитивные карты у крыс и людей / пер. и общ. ред. Ю. Б. Дормашева // Общая психология. Тексты. М., 2013. Т. 1 : Введение. Кн. 2. С. 500—510.
7. Ягольницер М. А., Казанцев К. Ю. Роль капитала бренда в управлении бизнесом (на примере IT-компаний) // Современная конкуренция. 2016. Т. 10, № 3 (57). С. 91—105.
8. Ягольницер М. А., Казанцев К. Ю. Сила бренда и ее измерения (на примере IT-компаний) // Экономика и менеджмент систем управления. 2014. № 4.2 (14). С. 322—331.
9. Axelrod R. The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites. Princeton, 1976.
10. Heider F. Attitudes and cognitive organization // The Journal of Psychology. 1946. № 21. P. 107—112.
11. Maryuama M. The second cybernetic: Deviation-amplifying mutual casual processes // American scientist. 1963. Vol. 51, № 2. P. 164—179.

Об авторе

Давид Федорович Дабиев, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией региональной экономики, ФГБУН Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Россия.

E-mail: daviddabiev@yahoo.com

The author

Dr David F. Dabiev, Head of regional economics laboratory, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS, Russia.

E-mail: daviddabiev@yahoo.com

УДК 551.4+551.3

Л. А. Жиндарев¹, Э. А. Лихачева²

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

² Институт географии Российской академии наук (Москва, Россия)

ОПАСНЫЕ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ НА КАЛИНИНГРАДСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Предложено геоэкологическое районирование побережья Калининградской области, дана оценка геоэкологической опасности этих районов. Представлено качественное обоснование геоэкологической ценности разных участков побережья с позиций экологической геоморфологии.

The article proposes a geoecological zoning of the Kaliningrad region coast, an assessment of the geoecological danger of these regions and an attempt to provide a qualitative substantiation geoecological value of different areas from the standpoint of ecological geomorphology.

Ключевые слова: береговая зона, опасные процессы, эколого-геоморфологическая оценка, социально-экологическая привлекательность.

Keywords: coastal zone, dangerous processes, ecological and geomorphological assessment, socio-ecological attractiveness.

Введение

Под «опасными геоэкологическими явлениями» понимается весь комплекс природных, природно-антропогенных, а также техногенных процессов, наносящих вред среде обитания человека. Это далеко не всегда катастрофические явления. Чаще всего это процессы естественного развития природных комплексов, которые тем не менее приводят к определенному ущербу. В данном случае термин «среда» употребляется как совокупность природных условий, в которых протекает жизнедеятельность людей, и созданный человеком (обществом) материальный мир, что, по существу, является определением экосистемы человека. Географическим объектом в данном случае является культурный ландшафт, который формируется в соответствии с особенностями освоения территории и в зависимости от потребности людей, уровня их технической оснащенности и социально-экономических условий.

© Жиндарев Л. А., Лихачева Э. А., 2020

Рассматривая калининградское побережье Балтийского моря, не следует забывать о длительной истории его освоения. На этой территории и прилегающей к ней морской акватории под воздействием техногенеза произошли существенные изменения структуры гидросети, эрозионной сети и поверхностного стока, связанные с созданием каналов, прудов, подпором рек и ручьев плотинами, а также вертикальной планировкой, регулированием стока и т. д.

В статье излагаются результаты предпринятой попытки дать качественное обоснование геоэкологической ценности разных участков побережья, а точнее — анализа ее территории с позиций экологической геоморфологии.

Геоэкологическое районирование

К сухопутной части побережья Калининградской области мы относим те ее прибрежные территории, рельеф и коррелятные отложения которых сформировались в голоцене. Это морские, аллювиально-морские и озерно-морские равнины, границей которых на суше является зона сочленения указанных выше голоценовых образований с более древними осадками разного генезиса. В пределах Калининградского полуострова материковой границей побережья и одновременно верхней границей его береговой зоны выступает бровка абразионно-денудационного уступа (клифа). Здесь можно выделить несколько антропогенно-геоэкологических районов, характеризующихся различными типами берегов [1—3].

1. *Береговая зона калининградского побережья* представляет собой довольно узкую полосу пляжа, ограниченную в пределах коренного выступа Калининградского полуострова вышеупомянутым абразионно-денудационным уступом, а на аккумулятивных формах (Куршская и Балтийская косы) — верхней границей заплеска штормовых волн. Это рекреационно-курортная зона, инфраструктурные объекты которой располагаются на поверхности приледниковой равнины (Калининградский полуостров) или в пределах основного массива аккумулятивных кос. Здесь размещены основные санаторно-курортные города и поселки. Этот геоэкологический район пользуется наибольшей популярностью как рекреационная зона сезонного отдыха, но все больше людей используют береговую зону как зону постоянного местожительства.

Наибольшей эколого-социально-экономической ценностью обладает участок побережья, относящийся к Светлогорскому городскому округу, но и степень геоэкологической опасности здесь также наибольшая, что определяется прежде всего большим количеством осадков (более 800 мм), неустойчивостью берегового абразионно-денудационного уступа, а также развитием потенциально опасных процессов на городской территории (оседание поверхности, подтопление, загрязнение грунтов и грунтовых вод, формирование техногенных отложений и геопатогенных зон и т. д.).

Наиболее опасным геоэкологическим процессом в пределах береговой зоны является разрушение берегового уступа под воздействием морского волнения и склоновой денудации. В пределах Калининградского полуострова выделяются несколько участков с разными скоростями разрушения берега. На большей его части это активный клиф с развитием обвально-оползневых и осыпных процессов со скоростями отступления от 0,1—0,2 м / год в районе Приморья до 0,5—1,0 м / год у Светлогорска и мыса Гвардейского. Периодический размыв клифа отмечается в районе Зеленоградска, а полностью отмерший береговой уступ характерен для района, примыкающего к пос. Янтарному.

Поскольку развитие опасных процессов угрожает среде обитания, а порой и жизни людей, то эти территории требуют специальных мер защиты — проведения инженерных мероприятий по снижению темпов развития опасных экзогенных процессов.

2. *Побережье Калининградского (Вислинского) залива* — мелководной лагуны Балтийского моря — представлено преимущественно морской и аллювиально-морской равниной. Залив соединяется с морем узким проливом. Береговая линия залива сравнительно слабо изрезана, особенно в средней части. Вдоль северного берега залива прорыт морской канал, соединяющий порты Калининграда и Светлого с Балтийским морем. Здесь же в залив впадает река Преголя, устьевая часть долины которой, выполненная аллювиально-морскими осадками, также относится к побережью. В периоды экстремальных штормов западного направления мощные нагоны в долину Преголи приводят к подтоплению пониженных участков территории Калининграда.

Побережье Калининградского залива представляет большую ценность для рекреационно-туристического использования. Здесь сохранились остатки древних прусских поселений — объекты археологических раскопок. Лагуна отличается благоприятными условиями для промысловых рыб и представляет собой естественное их нерестилище.

Геоэкологическая проблемность урбанизированной части этого района определяется: а) кардинальным переустройством портовых и гидротехнических сооружений в начале XX в.; б) последствиями боевых действий в ходе Второй мировой войны; в) дноуглублением и сбросом речным стоком загрязненных вод; г) разрушением берегового уступа; е) разливом нефтепродуктов и т. д. [4; 5].

3. *Побережье Куршского залива* (пресноводного и мелководного водоема) представляет собой обширную низменную равнину, сложенную морскими, аллювиально-морскими и озерно-морскими накоплениями, в которых широко развиты процессы заболачивания и оглеения почв. С целью сельскохозяйственного использования этих территорий здесь с давних пор проводились мелиоративные работы как открытой (самотечной) системой, так и способом механического водоподъема.

Побережье Куршского залива в целом малопривлекательно для рекреационного использования кроме его южного участка (от Зеленоградска до По-

леска), где на плоских песчаных и существенно мелиорированных поверхностях располагались древние поселения и сохранились памятники архитектуры, что придает участку определенную рекреационную и познавательнотуристическую привлекательность.

К опасным геоэкологическим процессам можно отнести сгонно-нагонные явления в долинах рек, впадающих в Куршский залив и способствующих разрушению мелиоративных сооружений, а также подтоплению и затоплению прибрежной территории.

Геоэкологическая значимость этого района определяется прежде всего наличием здесь мелиоративных сооружений и сельскохозяйственной ценностью земель. Рекреационная ценность в настоящее время невелика, но может быть повышена за счет организации маршрутов исторического туризма.

И Калининградский, и в значительно большей степени Куршский заливы подвержены интенсивному зарастанию в прибрежной зоне. Одной из главных причин эвтрофикации является поступление загрязняющих веществ (в основном фосфора) в лагуны с речным стоком.

4. *Балтийская (Вислинская) и Куршская песчаные косы* — уникальные природные образования, представляющие собой крупные аккумулятивные формы рельефа прибрежно-морского и эолового происхождения, характеризующиеся крайней нестабильностью с одной стороны и уникальностью созданного ландшафта — с другой. В связи с этим геоэкологическая ценность указанных образований определяется спецификой ландшафта, требующего эксплуатационных ограничений и экономических вложений. Опасными природными процессами здесь являются те же, что и создали эти образования, — волновые и эоловые проявления, так как эти геоморфологические формы рельефа находятся в стадии формирования.

Опасные геоэкологические процессы

Штормовые ветры и генерируемые ими волнения — это наиболее часто наблюдаемые опасные и особо опасные природные явления на калининградском побережье юго-восточной Балтики. Основным разрушительным процессом в пределах ее береговой зоны является волновая абразия, средние скорости которой колеблются от 0,1 до 0,7 м / год. Следствием воздействия волн на наклонную поверхность клифа стало формирование у его подножия свежего абразионного уступа различной высоты и крутизны, что провоцирует активизацию оползневых и обвально-осыпных процессов. Интенсификации опасных проявлений способствует гидрогеологическое строение побережья и многочисленные выходы грунтовых вод.

Побережье расчленено крупными и мелкими оврагами, склоны которых подвержены делювиальным и оползневым процессам. В устьевых частях оврагов формируются конусы выноса, которые размываются в периоды штормов и поставляют рыхлый обломочный материал на подводный береговой склон.

Большой интерес представляют участки аккумуляции рыхлого материала. Первый из них расположен между пос. Янтарный и мысом Обзорный и имеет антропогенное происхождение за счет сброса пульпы Янтарного комбината. Второй сформировался в результате техногенной срезки берегового уступа между поселками Филино и Приморье.

Аккумуляция наносов нередко сопровождается зарастанием прибрежного мелководья водной растительностью, что часто отмечается в Куршском заливе и в конечном итоге снижает экологическую привлекательность как самого залива, так и Куршской косы.

Дюнные ландшафты Балтийской и Куршской кос подвержены не менее разрушительным природным процессам — эоловому перевеванию песков, слагающих эти мощные аккумулятивные формы рельефа.

Побережье Балтийского моря — это территория с примыкающей к ней мелководной акваторией, где исторически происходит их интенсивная эксплуатация. Наряду с природными опасностями здесь отмечаются негативные, а порой опасные для состояния среды обитания техногенные процессы — подтопление, заболачивание, оседание земной поверхности под сооружениями. К опасным техногенным процессам, ухудшающим условия жизни, следует отнести также интенсивное использование пляжей, вибрационное воздействие транспорта, общее загрязнение территории, сбои в работе водонесущих систем и гидротехнических сооружений.

Геоэкологическая ценность — мера качества (структуры, организованности) окружающей среды и ее отдельных элементов. Она зависит как от вероятности деградации окружающей среды, развития опасных геоэкологических процессов (природных и техногенных), так и от степени благоприятности для здоровья людей, а также соответствия среды экологическим требованиям. Геоэкологическая ценность определяет и совокупность действий (мероприятий), направленных на сохранение благоприятных условий жизни в регионе [6; 7].

Комплекс мероприятий по регламентации хозяйственной деятельности с целью уменьшения геоэкологической опасности и сохранения геоэкологической ценности — геоэкологическое управление ландшафтами (территориальными ресурсами), которое должно включать: оценку риска развития опасных процессов; инженерно-геологическую защиту; геоэкологическую регламентацию эксплуатации; мониторинг; моделирование (прогнозные ожидания); разработку системы мероприятий по рекультивации и благоустройству ландшафтов, а также перепрофилированию направленности хозяйственной деятельности.

Выводы

1. В пределах калининградского побережья Балтийского моря отмечается ряд опасных геоэкологических процессов, среди которых можно выделить: а) денудационные — абразию, эрозию, оползневые, обвально-осыпные и зо-

ловые процессы; б) аккумулятивные, связанные с накоплением рыхлого обломочного материала на пляжах, в поймах, днищах эрозионных форм, а также накоплением техногенных отложений; в) гидрогеологические — подтопление, заболачивание, загрязнение грунтовых вод и вод акваторий.

2. В результате широкого развития как природных, так и антропогенно-техногенных процессов берега калининградского побережья Балтийского моря интенсивно разрушаются.

3. Мелководье у берегов Куршского и Калининградского заливов зарастает водолюбивой растительностью, а акватория загрязняется, что значительно снижает их привлекательность как для рекреантов, так и для туристов.

4. Наибольшую геоэкологическую ценность представляет морское побережье как рекреационная зона и своеобразное «окно в Европу», имеющее общегосударственное значение. Основным геоэкологическим риском здесь становятся абразионные процессы. Наиболее уязвимы к геоэкологическим процессам песчаные косы (уникальные природные образования). Геоэкологический риск представляют эоловые и эрозионные процессы.

5. Городские территории, расположенные в пределах побережья, с позиций геоэкологических опасностей наиболее уязвимы к воздействию опасных геоэкологических процессов. С позиций социально-экономической ценности следует рассматривать города как а) место постоянного местожительства; б) источник трудовых ресурсов; в) рекреационно-туристические центры; г) инженерно-технические объекты.

6. Для сохранения благоприятных условий жизни необходимы разработка мероприятий по инженерно-геологической защите и создание структуры геоэкологического управления территориальными ресурсами как на региональном, так и на городском уровне.

Список литературы

1. *Географический атлас Калининградской области* / гл. ред. В. В. Орленок. Калининград, 2002.
2. *Жиндарев Л. А.* Антропогенный морфогенез в прибрежной зоне моря. Антропогенная геоморфология. М., 2013. С. 149—160.
3. *Атлас геологических и эколого-геологических карт российского сектора Балтийского моря* / гл. ред. О. В. Петров. СПб., 2010.
4. *Богданов Н. А.* Эколого-литодинамический анализ последствий освоения прибрежной зоны: Юго-Восточная Балтика // *Очерки по геоморфологии урбосферы*. М., 2009. С. 217—244.
5. *Богданов Н. А.* Техногенез и трансформации состояния берегов и дна Балтики // *Астраханский вестник экологического образования*. 2016. №4 (38). С. 4—18.
6. *Лихачева Э. А., Тимофеев Д. А.* Экологическая геоморфология : словарь-справочник. М., 2004.
7. *Антропогенная геоморфология* / отв. ред. Э. А. Лихачева, В. П. Палиенко, И. И. Спасская. М. ; Киев, 2013.

Об авторах

Леонид Алексеевич Жиндарев, профессор, доктор географических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: Lzhindarev@yandex.ru

Эмма Александровна Лихачева, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук, Россия.

E-mail: lihacheva@igras.ru

The authors

Prof. Leonid A. Zhindarev, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: Lzhindarev@yandex.ru

Dr Emma A. Likhacheva, Chief Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: lihacheva@igras.ru

И. О. Дементьев¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТУРИЗМА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

На примере Калининградской области рассмотрены перспективы развития такого специфического вида культурного туризма, как литературный туризм. Охарактеризован культурный ландшафт региона, оценены возможности его использования в целях развития туризма. Обоснован тезис о том, что развитие литературного туризма не только способствует повышению разнообразия предложения на рынке туристских услуг, но и поддерживает коллективную память, что, в свою очередь, делает возможной кооперацию разных субъектов общественной жизни и в конечном счете обеспечивает повышение привлекательности региона.

Through the example of the Kaliningrad region the article explores the prospects for developing such a specific type of cultural tourism as literary tourism. The author analyses the cultural landscape of the region and the possibilities of its use for tourism development. The development of literary tourism not only contributes to increase in diversity of tourist services market supply, but also supports the collective memory, which makes possible for various stakeholders to cooperate and ultimately increase the attractiveness of the region.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Калининградская область, литературный туризм, культурное наследие.

Keywords: East Prussia, Kaliningrad region, literary tourism, cultural heritage.

Введение

В последние десятилетия констатируется рост популярности такого специфического вида культурного туризма, как литературный туризм (literary tourism). Это явление охватывает посещения литературных музеев, мест рождения, проживания, смерти и захоронения писателей, а также туры по местам, получившим отражение в художественной литературе, визиты в книжные магазины и библиотеки, участие в презентациях и книжных фестивалях, остановки в литературных отелях, прогулки в литературных парках и т. д. [18, р. 365]. Местные власти и сообщества с большим или меньшим успехом эксплуатируют локальную литературную историю, создавая и оформляя туристские дестинации и связывающие их маршруты. Результативность этой деятельности обусловлена осведомленностью и креативностью тех субъектов, которые отвечают за работу с местным литературным наследием.

Однако инвентаризация памятных мест, связанных с литературой, на уровне региона выполняет не только функцию повышения туристской привлекательности территории. Поскольку история литературы — это история культуры, она играет определенную роль в формировании регионального самосознания, придавая возвышенный смысл работе с наследием и коллективной памятью. Таким образом, повышение осведомленности в вопросах литературной истории региона одновременно создает предпосылки как для роста разнообразия предложений на рынке туристских услуг, так и для социокультурной адаптации местных жителей. От осмысленного восприятия калининградцами культурного ландшафта во многом зависит их участие и в охране историко-культурного наследия, и в формировании качественного туристского предложения в регионе.

В настоящей работе на основе анализа литературной карты современной Калининградской области будет дана оценка перспективам развития литературного туризма.

Литературный туризм — это тема многих работ (обзор научных публикаций за 1997—2016 гг. см. в [15]). Исследователи в силу разных концептуальных подходов сталкиваются с трудностями в определении понятия [13, р. 29—33], однако в конечном счете основной признак этого вида туристской деятельности таков: путешествию предшествует знакомство с вдохновляющим текстом (это может быть реальное место, связанное с жизнью и творчеством конкретного писателя, или место действия литературного произведения).

Развитие литературного туризма в некотором роде продвигает культуру чтения, поэтому этот феномен долгое время не вызывал особой критики. Лишь в последнее время начинают звучать голоса исследователей, призывающих к его переоценке. Будучи вписан в систему координат рыночной экономики, литературный туризм, который уже стал значительным экономическим явлением (например, в Великобритании, о чем см.: [16]), не только способствует удержанию интереса к чтению, но и стимулирует «потребление» места туристами. Этот переход от нишевого туризма к массовому вызывает критику со стороны исследователей. В ряде случаев он воспроизводит существующие стереотипы общественного сознания, укорененные в традиционном западном обществе (от превосходства мужчин в патриархатном порядке до доминирования западной литературы в колониальном контексте). Кроме того, литературный туризм — это пребывание в пограничье между действительным и воображаемым, между реальным и метафорическим. Специфические эффекты этого явления еще нуждаются в изучении [16, р. 45].

Некоторые исследователи призывают к кооперативному подходу, при котором литературный туризм становится полем сотрудничества различных субъектов, включая писателей, национальных и международных издателей, кинематографистов и журналистов. Такое взаимодействие, по их мнению, гарантирует удовлетворение интересов потребителей, соответствует существующим брендам и имеет шансы произвести долгосрочный эффект [16, р. 46].

Литературная история Калининградской области

В Калининградской области советского периода, как ни парадоксально, интерес к литературной истории региона был невысоким. Тем не менее после Второй мировой войны сохранились некоторые памятники немецкого времени: в Калининграде (бывшем Кёнигсберге) это была статуя Фридриха Шиллера (1910, скульптор С. Кауэр) и скульптура миннезингера Вальтера фон дер Фогельвейде (1930, Г. Фуг) [17, S. 38, 76]. Оба памятника были в разное время взяты под охрану государством и существуют в сегодняшнем Калининграде: первый — в сквере напротив областного драмтеатра, второй — в зоопарке (подробнее см.: [4]).

В культурном ландшафте Кёнигсберга насчитывалось не очень много объектов, посвященных писателям. Преимущественно это были памятники местным знаменитостям, и все они утрачены во время или после войны. К самым значительным из них в публичном пространстве относились барельеф М. фон Шенкедорфа (1920, С. Кауэр) на Шенкендорфплац (совр. перекресток ул. Сергеева и Черняховского), бюст Э.Т.А. Гофмана (1922, М. Букофцер) в городском историческом музее; бронзовый барельеф Э.Т.А. Гофмана (1922, С. Кауэр) на Францёзшештрассе, 25 (место рождения писателя, совр. сквер на пересечении ул. Шевченко и Клинической); памятный знак с барельефом Э. Вихерта (Wichert, 1831—1902) на валуне (1931, С. Кауэр) на юго-восточной набережной Замкового пруда; рельеф С. Даха с цитатой (1939, Ф.А. Трайн) на месте его родного дома у Голубой башни на о. Кнайпхоф (совр. о. Канта) [5, с. 185; 17, S. 32, 47, 48, 53, 187—188]. Наряду с уроженцами Восточной Пруссии в Кёнигсберге также почитали писателей, принадлежавших к общенациональному пантеону: гипсовые бюсты Ф. Шиллера и И.В. Гёте располагались в парке «Сад Сатургуса» (совр. зона застройки в районе спорткомплекса «Юность»); мраморный бюст Г.Э. Лессинга (ок. 1905) находился в здании Кнайпхофской гимназии [17, S. 249, 262]. Мемориальная доска в память о пребывании Г. Клейста в Кёнигсберге (1915, С. Кауэр) была установлена на доме 15 по ул. Лёбенихтше Ланггассе (совр. участок южнее д. 83а по Московскому проспекту) [5, с. 185].

Набор этих мемориальных объектов типичен для германской провинции и отражает специфику доминировавшего в XIX — первой половине XX в. дискурса: увековечивалась память знаменитых писателей, которые были мужчинами и немцами. В культурном ландшафте восточнопрусской столицы не было памятника К. Донелайтису, основоположнику литовской национальной литературы, прожившему всю жизнь в провинции; не было и памятников писательницам, таким как И. Амброзиус или М. Бернхард, и тем более имевшим еврейское происхождение (Ф. Левальд или Г. Маркс). Правда, в честь И. Амброзиус была названа школа (здание совр. Детско-юношеского центра на

ул. Комсомольской, 3)¹, а в период господства национал-социалистов исключительного уважения удостоилась близкая к ним А. Мигель, получившая статус почетного гражданина Кёнигсберга в 1939 г. Тем не менее самые зримые знаки коммеморации литераторов — в форме монументальной скульптуры в городском пространстве — достались только мужчинам «безупречного» расового происхождения.

В послевоенном Калининграде практически все эти объекты исчезли из памяти горожан. В советский период немецкие деятели не пользовались расположением властей, но после 1991 г. имел место ряд актов коммеморации представителей довоенной культуры. В 1992 г. на доме, где жила А. Мигель (ул. Сержанта Колоскова, 7), была установлена мемориальная доска (в 2015 г. доска была демонтирована по формальным основаниям, но де-факто с учетом нацистского бэкграунда поэтессы); в 1994 г. воздвигнут памятный знак на месте дома, где родился Э. Т. А. Гофман (ул. Шевченко); в 1995 г. во дворе Детской художественной школы на просп. Мира, 28 установлен гранитный камень в память писателя Эрнста Вихерта (Wiechert, 1887—1950) [5, с. 177, 179, 186]. Сад Сатургуса окончательно ушел в историю, однако сама идея разместить статуи и бюсты нескольких деятелей культуры в публичном пространстве была реализована в нескольких сотнях метров от него — в Парке скульптур, созданном в 1984 г. на острове (совр. о. Канта). Там находятся скульптурные портреты русских литераторов А. А. Блока (1980) и М. Горького (1984), польского поэта А. Мицкевича (1967).

Парадоксально, но в советское время не увековечивалась память ни местных, ни общенациональных деятелей литературы. Только после 1991 г. появились памятник А. С. Пушкину (1993; М. К. Аникушин), бронзовый барельеф с изображением Н. С. Гумилёва, участника боев в Восточной Пруссии в 1914 г. (2001; Н. П. Фролов) [5, с. 183, 186]; памятник В. С. Высоцкому в Центральном парке в Калининграде (2006; Б. Саипов). Мемориальные доски на зданиях в Калининграде призваны поддерживать память о знаменитых земляках-писателях — С. А. Снегове (дом, где он жил, по ул. 9 Апреля, 34; 1997), Ю. Н. Иванове (здание Областной детской библиотеки, по ул. Бородинской, 13; 1998), М. Г. Родионовой (дом, где она проживала, по ул. Пугачева, 22; 2004), А. П. Соболеве (здание библиотеки № 16, которая носит его имя, по ул. Черниговской, 33/37; 2011) [5, с. 186, 188]. Особое место в этом ряду занимает мемориальная доска в память А. Т. Болотова, установленная на одном из зданий Калининградского государственного технического университета (ул. Калязинская, 2), — она находится в центре города, но практически вне туристических маршрутов.

---

¹ Дом, в котором проживала писательница на 1906 г., не сохранился (Третья Флиштрассе, 45); сейчас в этом месте располагаются жилые дома 1—7 и 9—15 по ул. Маршала Рокоссовского в Калининграде.

За пределами областного центра также есть памятники выдающимся писателям, жившим на этой земле. Своеобразие культурного ландшафта заключается в его многокультурном характере, причем надо отметить, что это разнообразие сложилось лишь после 1991 г., когда стало возможным поддерживать память одновременно о выдающихся деятелях культуры довоенного (независимо от их национальной принадлежности) и послевоенного периодов, причем как о тех, кто жил или бывал в Восточной Пруссии / Калининградской области, так и о символических фигурах общенационального культурного пантеона сразу нескольких стран этого региона.

Приведу лишь краткий перечень объектов, которые заслуживают внимания²:

а) *немецкая культура*. Уже в постсоветский период была увековечена память писателей — уроженцев этой земли, таких как поэт Макс фон Шенкендорф (памятная доска на д. 1 по ул. Герцена в Советске), писатель Иоганнес Бобровский (памятная доска на д. 2 по ул. Смоленской в Советске), поэтессы Фрида Юнг (мемориальная доска на д. 11 по ул. Театральной в Черняховске) и Иоганна Амброзиус (памятный камень на церковном дворе в Краснознаменске; 2006). Кроме того, у спуска к морю в Светлогорске установлен памятный знак (2003; Л. Богатова и О. Сальников) Томасу Манну, который побывал в этом городе (до 1946 г. — Раушен) в 1929 г.

б) *литовская культура*. В советское время произошло увековечение памяти поэта К. Донелайтиса. В 1979 г. был открыт его мемориальный музей в пос. Чистые Пруды Нестеровского городского округа (филиал Калининградского областного историко-художественного музея). Бюст Донелайтиса установлен на пересечении ул. Победы и Железнодорожной в Гусеве (2004; Н. Тищенко и В. Хвалей). Также увековечена память литовского драматурга и философа Видунаса (памятная доска на д. 17 по ул. Ленина в Советске).

в) *польская культура*. Памятник польскому поэту А. Мицкевичу установлен в городском парке Зеленоградска (2015; В. С. Ковалёв).

г) *русская культура (общенациональный масштаб)*. К основным объектам относятся памятный знак в честь Н. С. Гумилёва в пос. Победино (Краснознаменский городской округ; 2002); мемориальная доска А. Т. Твардовскому в Гвардейске на здании, где поэт проживал в 1945 г. (ул. Калининградская, 21), а также в Черняховске (ул. Ленина, 9; 2015); памятная доска И. А. Бродскому в Балтийске на здании гостиницы, где поэт останавливался в 1963 г. (Морской бульвар, 6; 2005).

д) *русская культура (региональный масштаб)*. Установлена памятная доска Ю. Н. Куранову в Светлогорске, на доме, где жил писатель (ул. К. Маркса, 9;

² При подготовке материала использовались разнообразные источники, включая [6; 8]. Большой материал по литературной истории края представлен на сайте Калининградской областной научной библиотеки. См.: URL: <https://lib39.ru/kray/literature/>; информация о памятниках и мемориальных досках обобщена на сайте <https://www.prussia39.ru/>

2005); его имя носит и библиотека в Зеленоградске; там же, в Зеленоградске, в городском парке, установлен памятный знак поэту С. Х. Симкину (2013). Библиотека в Черняховске названа в честь писателя А. А. Лунина.

В практике туристского сектора появились первые литературные маршруты — в частности, тур «Калининград-Кёнигсберг Юрия Иванова» по местам, связанным с жизнью, творчеством и общественной деятельностью калининградского писателя. Аудиогид по объектам маршрута размещен на специализированном сайте Izi.travel³ и доступен для прослушивания или загрузки на телефон. Есть вероятность, что в будущем появятся аналогичные туры, посвященные другим писателям.

Значительно скромнее литературная карта Калининградской области в части мемориальных объектов в прямом смысле слова. Здесь нет знаменитых на весь мир могил, которые стали бы объектами паломничества туристов, как это происходит, например, в Париже. Исключение составляет татарский поэт Фатых Карим (1909—1945), чья короткая жизнь отразила все основные драмы раннесоветской истории: молодой литератор, вовлеченный в становление советской культуры, стал жертвой сталинских репрессий, затем был призван в действующую армию в годы Великой Отечественной войны, удостоен ордена Красной Звезды. Девятнадцатого февраля 1945 г. Карим погиб в районе восточнопрусской деревушки Каверн. После войны его могила некоторое время была затеряна, но впоследствии обнаружена, останки поэта-фронтовика перезахоронены на территории воинского мемориала в Багратионовске в 1968 г. [10, с. 35]. У памятника-обелиска регулярно проводятся возложения цветов, иногда с участием потомков поэта и представителей официальных делегаций из Татарстана.

Имена писателей в названиях улиц встречаются практически в каждом крупном населенном пункте региона. В областном центре имена русских авторов были даны многим улицам в советское время (Демьян Бедный, Герцен, Достоевский, Маяковский, Некрасов, Пушкин, Салтыков-Щедрин, Алексей Толстой, Лев Толстой, Тургенев и др.), из немецких названий сохранила свое имя улица Шиллера. Некоторые улицы увековечили память зарубежных писателей, хотя выбор персоналий трудно объяснить (Виктор Гюго, Диккенс). В иных случаях такой чести удостоились представители национальных литератур республик Советского Союза (Джамбул, Шота Руставели). В постсоветский период на карте города появились улицы Ахматовой, Булгакова, Волошина, Высоцкого, Зощенко, Солженицына, Цветаевой и др. (также Ивана Франко), был назван бульвар в честь калининградского писателя Снегова. Литературная карта других городов не блещет разнообразием имен — Герцен, Гоголь, Гончаров, Горький, Жуковский, Крылов, Лермонтов, Мамин-Сибиряк, Маяковский, Некрасов, Пушкин, Салтыков-Щедрин, Алексей Толстой, Тургенев, Фурманов, Чехов в Советске; Д. Бедный, Гоголь, Горький,

---

³ URL: <https://izi.travel/ru/847a-kaliningrad-kyonigsberg-yuriya-ivanova/ru> (дата обращения: 01.08.2020).

Лермонтов, Пушкин, Твардовский, Лев Толстой в Черняховске; Герцен, Горький, Достоевский, Лермонтов, Маяковский, Некрасов, Пушкин, Толстой, Чехов в Гусеве и т. д. Как правило, они отражают специфику национального литературного пантеона, сложившегося в советское время, и не связаны с историей региона, с фактами реального присутствия тех или иных писателей в нем. Тем не менее использование этого материала при планировании экскурсионных маршрутов было бы вполне оправданным. По аналогии с музыкальным фестивалем «Когда звучат улицы» названные в честь писателей топонимические объекты могли бы стать пространствами реализации общественных инициатив — литературных фестивалей, перформансов, иных акций. Это способствовало бы и продвижению культуры чтения, и адаптации жителей и гостей того или иного города к его литературному ландшафту.

Потенциал коммеморации

Как отмечалось выше, современный мемориальный ландшафт Калининградской области разнообразнее восточнопрусского в культурном, да и в гендерном отношении: сосуществуют мемориальные объекты, посвященные литовским, немецким, польским, русским писателям. Вместе с тем коммеморативный потенциал региона нельзя признать достаточно раскрытым. Остаются крупные писатели — и местные уроженцы, и посещавшие этот край, — чья память до сих пор не увековечена. Среди выдающихся восточнопрусских деятелей можно назвать живших в Кёнигсберге поэта Захарию Вернера и писателя Германа Зудермана (который также учился в Тильзите, совр. Советск). Великий польский поэт Ян Кохановский жил в Кёнигсберге в 1555—1556 гг., его память никак не отмечена в городе. Есть ряд выдающихся представителей русской литературы, об увековечении памяти которых давно идет речь: в Кёнигсберге бывали Н. М. Карамзин, Ф. И. Гютчев, О. Э. Мандельштам, В. В. Маяковский, С. А. Есенин и многие другие. В этом ряду есть и деятели с биографиями в духе авантюрного романа — например, драматург и романист, российский генеральный консул в Кёнигсберге в 1813—1816 гг. Август Фридрих Фердинанд Коцебу.

Особое место в Калининградской области — пос. Чернышевское (Нестеровский городской округ), бывший Эйдткунен. Через железнодорожную станцию в Эйдткунене с 1860-х гг. проезжали едва ли не все крупные русские писатели, включая Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. подробнее: [3]). Ни в поселке, ни на Южном вокзале Калининграда нет мемориальных объектов, раскрывающих эту страницу истории отечественной словесности, хотя весьма внушительным был бы уже сам перечень именитых авторов, пересекавших русско-прусскую границу в Эйдткунене.

Есть, разумеется, и ныне живущие писатели, которые уже стали частью литературного ландшафта региона. Среди них, например, наш соотечественник Юрий Буйда (род. 1954), уроженец пос. Знаменска (Гвардейский город-

ской округ), автор сборника рассказов «Прусская невеста» (1998), посвященного землякам и родному поселку. К литераторам, родившимся в Восточной Пруссии и приобретшим известность после Второй мировой войны, принадлежит, например, известный немецкий писатель и переводчик Манфред Петер Хайн (род. 1931 в Даркемене, совр. Озёрск).

Кроме того, можно констатировать наличие ряда лакун в мемориальном ландшафте Калининградской области. Во-первых, не увековечена память писателей, которые представляли еврейскую традицию Кёнигсберга, — например, Фанни Левальд (1811—1889) или Гертруд Маркс (1851—1916). Обе интересны тем, что в последнее десятилетие стали объектами общественных инициатив коммеморативного характера. Ф. Левальд была одной из героинь Женской исторической ночи в Калининграде (2014); о Г. Маркс сделал ряд публикаций и лекций историк еврейской общины Кёнигсберга В. К. Шапиро (см.: [9]). Тем не менее еврейский литературный Кёнигсберг пока остается «белым пятном» на литературной карте Калининграда.

Также городское пространство Калининграда лишено каких-либо знаков, указывающих на факты пребывания представителей других европейских литератур в этом городе. Между тем такие факты есть. Английский писатель Льюис Кэрролл побывал в Кёнигсберге по пути в Россию в 1867 г. и отразил свои впечатления в дневниковых записях [7, с. 32—37]. Писатель проживал в отеле «Дойчес Хаус» (сейчас территория между детским садом на ул. Пролетарской, 5а и рестораном «Тетка Фишер» на ул. Шевченко, 11а). Французский писатель Стендаль, возвращаясь из России в составе остатков наполеоновской армии, провел две недели в Кёнигсберге в конце декабря 1812 г. Позднее он напишет о посещении оперы в городском театре (на его месте сейчас жилой дом 4—10 по ул. Университетской):

Финальное прощение, когда Тит говорит собеседнику: «Друзьями будем», вызывает слезы на глазах у самых бездушных чиновников, чему я сам был свидетелем в Кёнигсберге после страшного отступления из Москвы. Вновь приобщившись к цивилизованному миру, мы услышали в этом городе «Милосердие Тита» в очень недурном исполнении, причем русские любезно предоставили нам двадцатидневный отдых, в котором, по правде говоря, мы очень нуждались [11, с. 187].

Естественно, не всегда есть возможность и необходимость устанавливать памятники и мемориальные доски всем деятелям культуры, однако сами по себе факты значительного интереса писателей к Кёнигсбергу (Калининграду) достойны того, чтобы быть встроены в локальный нарратив, прежде всего в формате экскурсионных текстов. Наряду с официальными государственными ритуалами и спонтанными общественными инициативами коммеморация писателей также иногда становится предметом интереса частного сектора. Так, в Калининграде существует ресторан чешской кухни «У Гашека» (Ленинский

просп., 1), интерьер которого оформлен с использованием образов и цитат из произведений чешского писателя. Русская литература представлена в названиях развлекательного комплекса «Карамзинъ» (ул. Карамзина, 40) и ресторана русской кухни «Плюшкинъ» (ул. Маршала Василевского, 2), хотя использование этих образов в чисто коммерческих целях может вызывать критику с точки зрения осмысленного включения имен из истории литературы в городской ландшафт.

Еще один характерный пример — успешно развивающийся арт-хостел «Толстой», история которого началась с объекта стрит-арта⁴. На стене дома 17 по ул. Комсомольской в областном центре в 2015 г. появилось граффити с портретом великого писателя (автор Глеб Михайлов). Во время подготовки к чемпионату мира по футболу в городе был гостиничный бум, но хостел в этом здании открылся только в начале 2019 г. Его совладелец А. Соловьёв говорит:

Название хостела предопределило граффити на фасаде, и мы не первые в этом здании с таким неймингом. <...> Мы соседствуем с клубом феминисток, они находятся на втором этаже, в части, которая нам не принадлежит. В целом название «Толстой» нам понравилось еще и из-за того, что сейчас возвращается мода на чтение, погружение в русскую культуру, и мы решили, что Лев Николаевич — очень подходящий персонаж для нашего хостела [2].

Еще один вид объектов литературного туризма — памятники литературным героям. В области их как минимум три — барону Мюнхгаузену в Центральном парке в Калининграде (2005; Г. Петау) и в парке культуры и отдыха в Гурьевске (2016; А. Шевцов), Василию Теркину в Гвардейске (2017; А. Шевцов). Оба героя имеют некоторое отношение к этому краю. Прототип знаменитого персонажа Р. Э. Распе, реальный барон Мюнхгаузен был в Кёнигсберге проездом в декабре 1737 г., во время своего путешествия в Россию [14]. Кёнигсберг упоминается в главе «В бане», написанной Твардовским в марте 1945 г. в Восточной Пруссии: «Честь и слава помпохозу, / Снаряжавшему обоз, / Что советскую березу / Аж за Кенигсберг завез» [12, с. 215]. Также в областном центре есть скульптура «Царевна-лягушка» в калининградском парке «Юность» (2009) — редкий случай коммеморации фольклорного персонажа.

Бесспорно, существует множество неиспользованных возможностей по включению вымышленных героев в литературную карту региона. В Кёнигсберге жили персонажи знаменитых произведений европейской литературы, как, например, философ-отшельник Вольф Мейнерт в романе Карела Чапека «Война с саламандрами» (1936). Герой романа Мишеля Турнье «Лесной царь» (1970) Абель Тиффож по ходу развития сюжета попадает в разные ме-

⁴ Есть также арт-отель «Пушкин холл» на ул. Достоевского, 19. В Светлогорске располагается отель «Дом сказочника» (пер. Гофмана, 2), названный в честь Э. Т. А. Гофмана.

ста — от Кёнигсбергского университета до Роминтской пуши. Название Калининграда — в центре дискуссий, которые ведут персонажи романа Милана Кундеры «Торжество незначительности» (2013)⁵.

Герои русской литературы также посещали этот регион начиная со Средних веков. Русский мореход новгородец Андрейша приезжает в Кёнигсберг в начале XV в., спасая свою невесту, взятую в плен рыцарями Немецкого ордена (повесть К. С. Бадигина «Кольцо великого магистра», 1969). Самый знаменитый среди литературных героев — князь Лев Николаевич Мышкин, который через Эйдткунен возвращается на родину в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» (1867—1869). В межвоенный период Восточная Пруссия постепенно приобретает в советской литературе черты опасного места, предвосхищая реальную историю: здесь, под Инстербургом (совр. Черняховск), терпит крушение аэроплан, на котором вывозят из Москвы в Берлин похищенного советского ученого Вагнера, героя серии рассказов А. Р. Беляева «Изобретения профессора Вагнера» (рассказ «Человек, который не спит», 1926). Образ города-двойника Калининграда также получил отражение в нескольких стихотворениях Иосифа Бродского, анализ которых дал Т. Венцлове основания говорить о специфическом «кёнигсбергском тексте» русской литературы [1].

Штурм Кёнигсберга и Восточно-Прусская операция 1945 г. в целом стали важными темами для региональной беллетристики прежде всего в советское время. В таких книгах, как «Вилла “Эдит”» М. М. Баринова (1958), «Город в огне» С. Г. Бутовской (1961), «Тайна Янтарной комнаты» В. Д. Дмитриева и В. П. Ерашова (1961), «Сокровища кардинала» Я. А. Зараховича (1972), «В осажденном городе» Ю. Н. Иванова (1973), читатели погружались в атмосферу последних месяцев войны на территории будущей Калининградской области. Детальные описания Кёнигсберга и других мест региона и остросюжетный характер произведений привлекали внимание калининградцев. В последние десятилетия интерес к этой литературе заметно снизился, что не вполне справедливо. Заметно слабее реализована в художественном отношении тематика послевоенного восстановления области (роман «Город — будет!» Ф. И. Ведины, 1953; повесть «Околomorье мое» П. Я. Воробьева, 1971), но и она заслуживает внимания с точки зрения способов репрезентации городского ландшафта.

Тематика пребывания литературных героев в Восточной Пруссии и Калининградской области пока не разработана в должной мере. Однако использование этого материала может и существенно обогатить содержание экскурсий, и снабдить новым материалом программы в сфере общего и дополнительного образования по истории, литературе, литературному краеведению.

---

⁵ В Калининграде в честь литературных персонажей, не связанных с городом, также названы гостевой дом «Робинзон» (ул. Достоевского, 22а) и отель «Шерлок» (ул. Генерал-лейтенанта Озерова, 26а).

Выводы

Развитие литературного туризма может опираться на различные виды реальных и виртуальных ресурсов. К первым относятся прежде всего находящиеся под охраной государства, органов местного самоуправления или государственных / муниципальных организаций объекты культурного наследия. Однако современный литературный туризм — это не просто механическое перемещение между статичными объектами. В рамках академических, общественных и частных инициатив литературное наследие региона, страны и континента актуализируется в современных формах, способствуя появлению качественно нового и целостного нарратива о многокультурном прошлом и настоящем этого края. Активное использование этих ресурсов при условии комбинации профессионализма и креативности разных акторов может придать новый импульс развитию рынка туристских услуг. Кооперативный подход, то есть взаимодействие между органами власти, государственными, муниципальными, коммерческими и некоммерческими организациями, СМИ, — оптимальная стратегия для обеспечения синергетического эффекта. Кроме того, эта работа с литературными «местами памяти» объективно нацелена на укрепление регионального самосознания калининградцев — российских граждан, принципы жизни которых в самом западном регионе страны могут сочетать уважение к традициям прошлого и творческий подход к проектированию будущего.

Калининград не единственный город с недооцененным потенциалом для развития литературного туризма. Характерен пример группы исследователей, проанализировавших развитие литературного туризма в португальском городе Коимбра. С. Квинтейро, В. Каррейра и А. Родригес Гонсалвес пришли к выводу о том, что ближайшим шагом должна стать «разработка цифрового инструментария, который будет регистрировать литературную память Коимбры, связанную с физическим пространством» [18, р. 369]. Литературный ландшафт будет представлен на интерактивной карте, которая обеспечит возможность индивидуального проектирования туристских маршрутов. Такая работа потребует капиталовложений, но это инвестирование в развитие литературного туризма будет означать вклад в сохранение литературного и тесно связанного с ним архитектурного наследия. В таком контексте менее известные объекты выигрывают за счет более известных достопримечательностей. Авторы статьи о Коимбре подчеркивают также, что литературный туризм способствует утверждению коллективной памяти, предполагая признание как природного, так и часто недооцененного культурного наследия [18, р. 370].

Становление литературного туризма в Калининградской области на основе кооперации разных стейкхолдеров с учетом принципа уважения к многокультурности, с инвестированием в оцифровку объектов и выстраивание

виртуальных маршрутов (в том числе с использованием технологий дополненной реальности) дает региону шанс и определить новые измерения в развитии коллективной памяти, и вписаться в современные тенденции на мировом рынке туристских услуг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области в рамках научного проекта №19-49-390003 «Историко-культурное наследие как туристско-рекреационный ресурс Калининградской области».

Список литературы

1. Венцова Т. «Кёнигсбергский текст» русской литературы и кёнигсбергские стихи И. Бродского // Как работает стихотворение Бродского: Из исследований славистов на Западе: сб. ст. М., 2002. С. 43—63.
2. «В этом деле ты конкурируешь с самим собой»: как «писался» калининградский арт-хостел «Толстой». URL: https://www.tvoybro.com/exclusive/5036188590756000000_kak-pisalsia-kalininghradskii-art-khostiel-tolstoi (дата обращения: 01.09.2020).
3. Дементьев И. О. Эйдткунен как русское место памяти // Калининградские архивы: материалы и исследования. Калининград, 2019. Вып. 16. С. 188—200.
4. Дементьев И. О. Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. 2020. №3. С. (в печати).
5. Кёнигсберг — Калининград : илл. энцикл. справочник. Калининград, 2006.
6. Костяшов Ю. В., Кретицин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии : в 2 ч. Ч. 1: Биограф. словарь. Калининград, 2001.
7. Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году / пер. А. Боченкова. М., 2004.
8. Малые города Калининградской области : энцикл. справочник. Калининград, 2011.
9. Маркс Г. Избранные стихи / сост. и пер. В. Шапиро. Калининград, 2017.
10. Молева О. В. Памяти поэта-фронтовика Фатыха Карима (по материалам собрания Калининградского областного историко-художественного музея) // Время Музея : сб. ст. Калининград, 2020. Вып. 3. С. 22—39.
11. Стендаль. Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазиио. Жизнь Россини. М., 1988.
12. Твардовский А. Т. Василий Теркин. Книга про бойца. М., 1976.
13. Valeiro R., Quinteiro S. Key concepts in literature and tourism studies. Lisboa, 2018.
14. Breckwoldt T. Die ganze Wahrheit über Münchhausen & Co.: Über 300 Jahre Lügengeschichten. München ; Salzburg, 2020.
15. Çevik S. Literary tourism as a field of research over the period 1997—2016 // European Journal of Tourism Research. 2020. Vol. 24. P. 1—25.
16. Hoppen A., Brown L., Fyall A. Literary tourism: Opportunities and challenges for the marketing and branding of destinations? // Journal of Destination Marketing & Management. 2014. Vol. 3, №1. P. 37—47.
17. Mühlpfordt H. M. Königsberger Skulpturen und ihre Meister 1255—1945. Würzburg, 1970.

18. *Quinteiro S., Carreira V., Rodrigues Gonçalves A.* Coimbra as a literary tourism destination: landscapes of literature // International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research. 2020. Vol. 14, №3. P. 361—372.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

The author

Dr Ilya O. Dementev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН — РЕГИОН СОТРУДНИЧЕСТВА
РЕГИОНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Материалы IV международной научно-практической конференции

Калининград
21—23 октября 2020 года

Том 4

Часть 2

Редакторы *Е. Т. Иванова, И. О. Дементьев*. Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 12.10.2020 г.
Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 15,6
Тираж 500 экз. (1-й завод 36 экз.). Заказ

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6